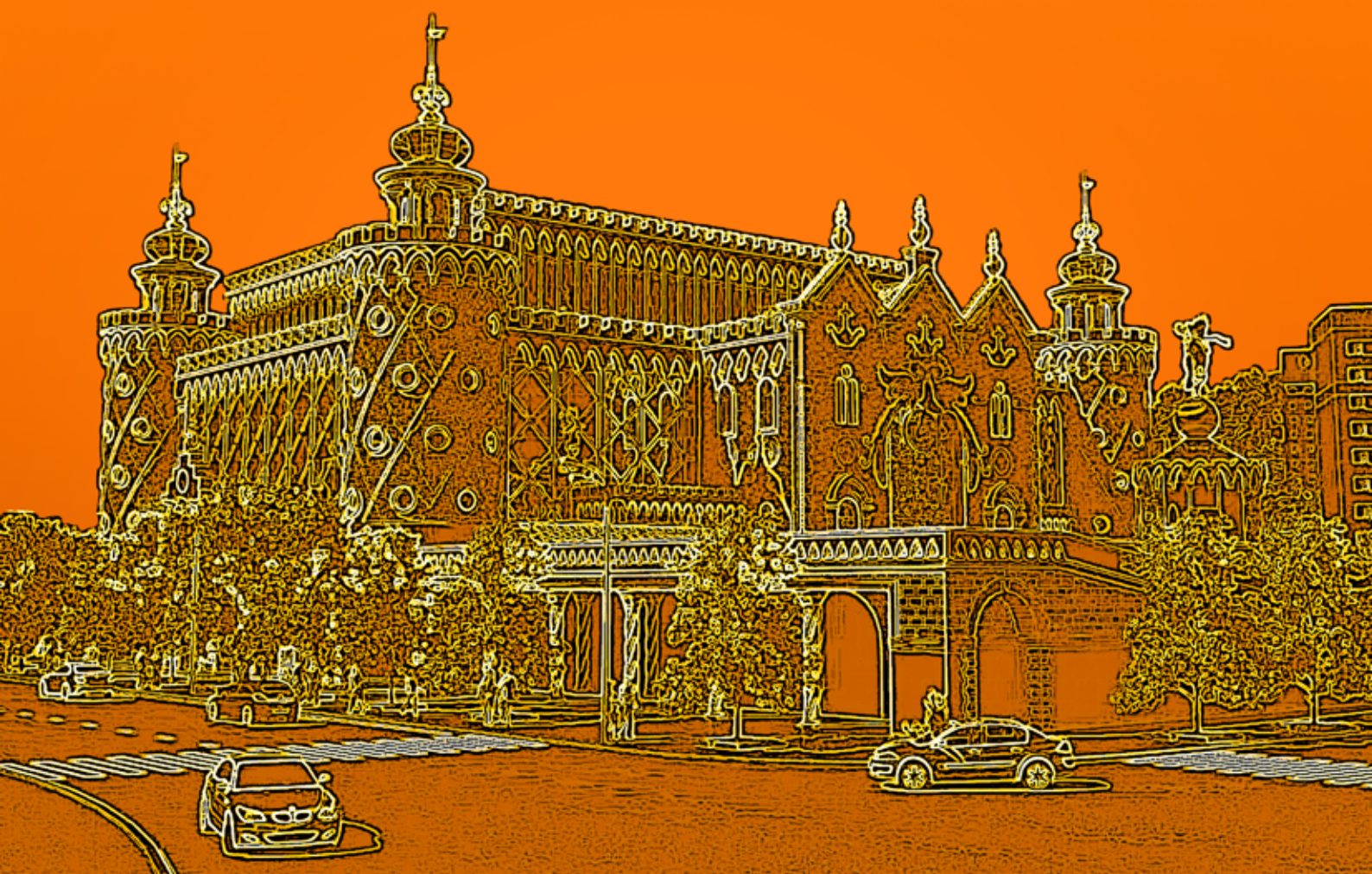

III Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Казань

Главный редактор: Г. Д. Ахметова

Редакционная коллегия сборника:

*М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов,
Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов,
А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, В. В. Коварда,
М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева,
Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин,
А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова*

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

*З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), Б. Б. Бидова (Россия),
В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия),
А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия),
З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан),
Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия),
А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия),
В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина),
М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия),
М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия),
Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан),
А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)*

Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф.
А43 (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — vi, 78 с.
ISBN 978-5-9907031-5-5

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологических наук».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ**Беляков Д.А.**

Глубинная психология и поэтика романа Т. Манна «Волшебная гора» 1

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Александров О.А., Александрова А.А.

Языковая ситуация этнических немцев Колпашевского района Томской области 5

Терещенко А.В.

Ономастическое пространство селькупского прозаического фольклора 10

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гафурова Х.Ш.

Методы передачи времени в дневнике «Сарасина никки» 14

Князева Н.А.Средства индикации социального статуса литературного персонажа: аксиологический аспект
(на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») 16**Хацкевич Т.М.**

Проблема телесности в романе Дж. Уинтерсон «Тайнопись плоти»: философский аспект 20

Чивильгина Е.А.

Черты ренессансной новеллы в новеллах У.С. Моэма (на материале сборника «Космополиты») 25

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аверкова О.В., Пачина Е.В.Определение поведенческих характеристик и характера бабы (женщины) посредством
контекстуального анализа газетного подкорпуса НКРЯ 28**Астраханцева М.В.**Отношения одновременности и разновременности в сложноподчинённых предложениях
с придаточными времени (на примерах текстов Л.Н. Толстого) 35**Гималетдинова Р.Р.**

Фитонимы в башкирской и русской языковой картине мира 37

Голубева Е.В.

Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов звучания 39

Дворовкина Е.В.

Компонент money («деньги») в пословицах и поговорках английского языка 44

Зарытовская В.Н.

Словообразовательные возможности глаголов арабского языка с темами состояния и деструкции 46

Муратова Е.Н.

Портрет современного учителя в немецкой языковой картине мира (по материалам СМИ) 50

Осадчая А.В.

Понятие семантической деривации 53

Саматова Р.М.

Этнолингвистическая лексика, связанная со свадебными обрядами ичкинских татар 55

Тленкопачева М.Н.

Основные элементы педагогического дискурса 57

Шаталова О.В., Шаталова Д.С.

Стратегии восприятия эмоций и концепта памяти 60

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ**Булатова Е.И.**

Мирная акция или экоджихад? Языковые средства конструирования медиареальности в текстах СМИ (на примере сюжета о действиях Гринписа на платформе «Приразломная») 63

Семенихина Т.А.

Школьные лингвистические журналы, альманахи (из опыта работы с одарёнными детьми) 68

Яковлева А.Р.

Соотношение явлений нормы и аномалии в языке современной прессы 70

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Пархомик В.В.**

Компенсация и конкретизация как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки 73

Паршина Т.В.

Особенности основных способов передачи ксенонимов Русской православной церкви в англоязычном публицистическом тексте 75

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Глубинная психология и поэтика романа Т. Манна «Волшебная гора»

Беляков Дмитрий Александрович, старший преподаватель
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (г. Москва)

«Благоразумная» мировоззренческая ориентация пребывающего в швейцарские Альпы Ганса Касторпа, протагониста романа Т. Манна «Волшебная гора», восходит к европейскому рационализму Нового времени. Его основоположник Декарт, исповедуя принципы механистического детерминизма, отождествляет психику и сознание. Закладывается сильнейшая философская традиция, согласно которой психология вплоть до начала XX вв. будет рассматриваться как наука о сознательных процессах.

Волей истории честному бюргеру Касторпу суждено, по словам автора, оказаться «на некоем рубеже и перед поворотом, глубоко расщепившим нашу жизнь и сознание...» [4, с. 8]. Драматически изменившаяся объективная реальность потребовала принципиальной модификации картезианско-просветительской гносеологической модели героя. Уже первая неделя пребывания в герметической атмосфере «Бергхофа» стремительно проблематизирует «равнинное» сознание Ганса. «Непонятный разноречивый и беспорядок» [4, с. 105], ощущаемые героем, — следствие хаотичного взаимодействия по меньшей мере четырех мотивов. Выделим, во-первых, все чаще набегающий «блаженный восторг» и его вариации, сознательно ассоциирующиеся с движением от «гнета чести» к «бездонным преимуществам греха». Во-вторых, отметим обусловленный инстинктивным порывом, оскорбительный для разума и нравственного чувства интерес Касторпа к «невоспитанной» мадам Шоша. В-третьих — потребность интегрировать в эту динамику образ отрезвляющего и ограничивающего демонические наваждения Ганса Сеттембрини. Наконец, в-четвертых — замутняющее воздействие на структуру душевных процессов фактора физического недомогания героя.

Привыкший к выявлению доминирующего мотива, объясняющего парадоксы поведения, гносеологический инструмент Касторпа пасует перед навязанной усложнившимся временем необходимостью разбираться во взаимодействии мотивов. Тот факт, что в силу особенностей собственной психофизической конституции герой предстает своего рода бюргером по инерции, обуславливает возможность интенсивного пересмотра рационалистических установок, унаследованных от законопослушных воспитателей.

В концовке эпизода «Хиппе» Ганс, еще недавно бесечно хохотавший над психотерапевтическим «расчленением души», устремляется на лекцию доктора Э. Кроковского. Учение З. Фрейда, утверждавшего, что «Я» индивида «не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно» [8, с. 247], возникает на горизонте героя как шанс разобраться в «непонятном разноречии и беспорядке» собственной психики. Всеобъемлемость классического рационализма революционно редуцируется: в свете психоаналитического учения он оборачивается «рационализацией» — одним из многочисленных «защитных механизмов» психики.

В «Продолжении лекций по введению в психоанализ» Фрейд сравнивает «Оно» с лошадью, а «Я» — с находящимся в седле всадником. Последний хочет считать себя хозяином ситуации, однако на практике он зачастую оказывается в подчинении у закусившего удила животного. Данную метафору парадоксальным образом развивает в статье «Фрейд и будущее» Т. Манн, отмечая, что «этим несколько незаконным образом «Я» продвигается дальше всего» [6, с. 983]. Специфика рецепции учения З. Фрейда Касторпом, рассматриваемая в свете претерпеваемого и преодолеваемого им душевного коллапса, представляется одним из ключевых элементов поэтики романа.

Изображенные в главе «Психоанализ» события способствуют интенсивному расширению сознания героя, не без сопротивления обогащающемуся принятием реальности бессознательного. Подробности дальнейшего знакомства Касторпа с теорией Фрейда практически не отражены в тексте романа. Однако этот процесс, несомненно, имел место. Во-первых, Ганс продолжает регулярно, раз в две недели, посещать публичные психоаналитические лекции, а во-вторых, на определенном этапе, сам начинает проходить индивидуальные сеансы психоанализа: в эпизоде «Перемены» начала шестой главы автор-рассказчик описывает, как Иохим оказывается случайным свидетелем исчезновения кузена в «аналитическом подполье» Кроковского. Косвенным доказательством психоаналитической подкованности Ганса служит тот факт, что, признаваясь в любви Клавдии во время карнавальная

ночи, он оперирует принципом «возвращения вытесненного».

Психоанализ намечает пути сравнительно адекватной адаптации Касторпа к «экзотическим» условиям санаторной жизни, помогает ему более квалифицированно начать изживание полимотивного внутреннего кризиса. В частности, «блаженный восторг», переживаемый героем, приобретает относительно внятные очертания и предстает порождением стихии бессознательного. Лежащее в его основе драматическое столкновение «бездонных преимуществ греха» и «гнета чести» прочитывается как конфликт инстинктивных влечений и требований культуры. В сущности, Ганс Касторп оказывается в средоточии проблемы, анализ которой — спустя шесть лет после выхода романа Т. Манна — ляжет в основу работы З. Фрейда «Неудобства культуры». Рационализация, вытеснение, сопротивление и другие механизмы психологической защиты, обеспечивающие возможность избежать непосредственного удовлетворения влечений, предстают предпосылками возникновения и гарантами существования культуры. С этой точки зрения поиск баланса между индивидуальными притязаниями и культурными требованиями становится смыслом воспитательного пребывания Ганса Касторпа на «волшебной» горе.

Интерес к «невоспитанной» Клавдии Шоша также предстает проекцией стихии бессознательного. Именно поэтому культуртрегерское сознание главного героя инерционно противится признавать власть своих чувств к ней. Постепенно Клавдия преодолевает сопротивление Ганса собственным бессознательным желаниям, ослабляет действие его защитных механизмов. Кульминация этого процесса приходится на эпизод «Вальпургиева ночь».

Во сне, а затем и наяву, Ганс все острее ощущает «ограничивающее» воздействие Лодовико Сеттембрини. Психоанализ отводит итальянцу место проекции культуры — «Сверх-Я», инстанции, введенной Фрейдом в научный обиход в 1923 году, незадолго до публикации «Волшебной горы». Проясняется сюжетообразующая антагонистичность образов Сеттембрини и Клавдии, соотносящихся друг с другом как морально-социальное «Сверх-Я» и физиологическое, подчиненное принципу удовольствия «Оно». «Я» Ганса Касторпа оказывается в промежуточном положении между ними.

Намек на истоки четвертого элемента «непонятного разнobia и беспорядка» — физического недомогания, а затем и болезни главного героя — Ганс слышит из уст доктора Кроковского, замечающего, что «органические явления всегда имеют вторичный характер» [4, с. 265]. Думается, что в данном случае речь идет о защитном механизме «бегства в болезнь». Процесс соматизации является следствием остро ощущаемых «неудобств культуры»: необходимость «цивилизованной» жизни и труда не представляется рефлектирующему Касторпу само собой разумеющейся. Символическое прощание на карнавале с итальянцем Сеттембрини — прощание Ганса с социально-экономической моделью бюргерского «равнин-

ного» общества: роль «трудного дитя жизни» ему ближе, чем роль «ражего болвана».

С другой стороны, самочувствие Ганса предстает результатом особой, до времени непостижимой герою, констелляции чувств к Пшибыславу Хиппе и Клавдии Шоша. Историю их сложных взаимоотношений в свете психоанализа можно интерпретировать в качестве иллюстрации уже упомянутого выше процесса возвращения вытесненного, описанного З. Фрейдом. Смысл его в том, что вытесненные юношеские сексуальные влечения к Хиппе извилистым путем неожиданно возвращаются в любви к Клавдии. Филигранная ирония организует художественную объективацию этого процесса, ведь «патология» не устраняется: чувство к мальчику, сменяясь чувством к тяжело больной женщине, остается с точки зрения бюргерской морали «нетрадиционным».

Проблематизируя и деконструируя несоответствующую реалиям усложнившейся действительности рационалистическую гносеологическую модель картезианско-просветительского толка, классический психоанализ на определенном этапе приближается к пределам своих когнитивных возможностей. С началом второго тома романа поливалентная структура имплицированного в фабуле проблемного события все очевиднее ускользает от предложенного З. Фрейдом подхода и уступает место юнгианской аналитической психологии, постулирующей более адекватные принципы исследования психической жизни. Реабилитировав культурно-цивилизационную значимость бессознательного и революционно расширив психоаналитическое понятие либидо, К.Г. Юнг трансформировал «эгоцентризм фрейдовского психоанализа в полицентрический динамизм душевной жизни» [2, с. 88].

Духовную близость романа «Волшебная гора» аналитической психологии подтверждает, среди прочего, тот факт, что на его страницах Манн обращается к феномену коллективного бессознательного — примерно в то же время, когда Юнг активно ведет его разработку (этот термин введен им в научный обиход в 1916 г.). Ганс Касторп рассуждает: «Грезы-то ведь зарождаются не в одной твоей душе, сказал бы я, грезишь безымянно и коллективно, хотя и на свой собственный лад. Великая душа, частицей которой ты являешься, грезит — через тебя и по-твоему...» [5, с. 213].

Юнгианская герменевтика базируется, прежде всего, на расшифровке архетипической семантики литературных образов. А.Н. Майкова отмечает, что потребность в интерпретации содержания архетипов «сближает литературоведов и психологов, чьи усилия направлены на выявление и понимание скрытых значений, системных связей между образами. В одном случае это способствует исцелению, в другом — более полному и глубокому прочтению текста» [3, с. 37]. Все главные действующие лица романа «Волшебная гора» оказываются, таким образом, элементами своеобразной архетипической матрицы, лежащей на пути к пробуждению Самости в душе Ганса Касторпа.

Первый «педагог» героя Лодовико Сеттембрини олицетворяет собою в свете юнгианской герменевтики архетип Персоны — образ, во многом обусловленный требованиями социума и транслируемый индивидом во внешний мир. По ходу развития сюжета амбивалентное отношение к личности и идеям итальянца сменяется однозначным неприятием: ощущая противоречие в словах и поведении ментора, Касторп все более достойно парирует его морализаторские выпады. Эволюция отношения Ганса к итальянцу свидетельствует о том, что прорыв архетипического содержания в сознание не приводит героя к пагубному для процесса индивидуации отождествлению себя с той глубоко чуждой его душевному складу социальной функцией, которую настойчиво стремиться актуализировать в нем равнинный мир.

Контрапунктом Персоны предстает Лео Нафта, являющий собою Тень Ганса Касторпа. Процесс осмысления Тени, неизменно начинающийся как ответ на вызовы глубокого душевного кризиса, — один из ключевых этапов индивидуации. Тень содержит все неприемлемые с точки зрения социума переживания — тенденции, несовместимые с сознательным представлением индивида о себе. Архетип Тени, в отличие от Персоны, уходит своими корнями в коллективное бессознательное, а, следовательно, при правильной «проработке» обеспечивает индивиду продуктивный доступ к большему объему продуктивного бессознательного материала, способного латентно корректировать направление развития его душевной жизни. Важно подчеркнуть, что осмысление, по Юнгу, не тождественно осознанию. Если в психоанализе З. Фрейда сознание перерабатывает и фактически вбирает в себя содержание бессознательного («Где было Оно, должно стать Я»), в аналитической психологии установка принципиально иная: бессознательное и сознание должны — посредством гармонизирующего психическую жизнь процесса индивидуации — объединиться в Самости.

«Угадать наперед, символизирует ли отрицательный персонаж недостаток, который мы должны побороть, или же полную значения часть жизни, которую следует принять, — это одна из труднейших проблем на пути к индивидуации» [7, с. 182]. Характеристика «встречи» с архетипом Тени, данная соратницей Юнга М. Л. фон Франц, удивительно созвучна поэтике «санаторного» романа. Следуя этой логике, представляется необходимой попытка раскрыть и обосновать положительный потенциал образа второго «педагога» Ганса.

В известном смысле Нафта позволяет герою осознать многое из того, что до поры ощущалось им лишь интуитивно. Рассуждения иезуита (в переводе на язык глубинной психологии) о динамической связи сознания и бессознательного, Эго и Тени, способствуют превращению Ганса в рефлектирующего героя. Очевидно, что Лео Нафта понимает больше, чем Сеттембрини, однако дальше проблематизации идеалов бюргерского гуманизма он не идет. В известном смысле иезуит не столько воспитатель, сколько антивоспитатель. В отличие от ита-

льянца, в преддверии Первой мировой войны высокопарно рассуждающего о грядущем единении народов, Нафта тоньше чувствует драматизм ситуации и высказывает ряд пророчеств, главное из которых звучит уже в первом наблюдаемом Гансом споре. События, разворачивающиеся в заключительных эпизодах романа с говорящими названиями — «Демон тупоумия», «Ссоры и обиды», «Удар грома» — также реализуют предсказания Нафты, суицид которого, в свою очередь, символизирует самоубийство Европы — абсолютное торжество аффекта над рационализирующим просветительским гуманизмом.

Подтверждением продуктивности контрапунктической роли иезуита в становлении Ганса является тот факт, что сеансы «правления» («ответственные умственные занятия») главного героя начинаются лишь после знакомства с «недомерком» Нафтой. «Правление» Ганса по своей природе диалогично: Сеттембрини и Нафта олицетворяют собой две идеологические полярности, конфликт между которыми интенсифицирует способствующую личностному росту работу души. «Встреча» с Нафтой не приводит Ганса к идентификации архетипом Тени. В эпизоде «Снег» Касторп окончательно приходит к пониманию того, что истиной в конечной инстанции не обладает ни один из наставников.

Помимо Тени бессознательная сфера мужской психики содержит, согласно Юнгу, дополняющее женское начало — Аниму. В свете юнгианской герменевтики от ее имени представляет мадам Шоша. На начальном этапе образ Анимы совпадает с Тенью. С недобрительной ухмылкой («конечно, женщина!») встречает Ганс появление хлопающей дверьми невоспитанной русской пациентки. В период между этой сценой и карнавалом Касторп — отчасти сознательно, отчасти бессознательно — отмечает у Клавдии именно те черты, которые он сам для себя считает опасными. Являющийся образ самой жизни в обличье мадам Шоша — проекция Анимы, знак того, что ее образ дифференцировался в бессознательном героя. Эволюция отношения к Клавдии — свидетельство отсутствия деструктивной идентификации с архетипом.

В последней, седьмой, главе романа расширяющееся сознание становящегося героя встречается с Питером Пеперкорном. Голландец ассоциируется с фигурой Мудрого Старца, восходящей к архетипу Духа. К. Г. Юнг отмечал, что исходом конструктивной «встречи» с этим архетипом является обретение внутренней силы и уверенности в себе. В контексте романа Т. Манна появление Пеперкорна — очередной шаг в направлении диалогизации сознания Ганса в сторону более ответственного и независимого мышления, символ необходимости обогатить этику Сеттембрини и эстетику Нафты «материальной этикой» (М. Шелер) «зеленеющего древа жизни». «Человек — хозяин противоречий» [5, с. 215] — так звучит максима Ганса, дарованная изображенными в эпизоде «Снег» приключениями. Касторп несомненно намерен стать им,

при этом его «правление» — ответственная рефлексия по «проблеме человека» — определенно верный путь к этой цели. Прообразом такого «хозяина», пусть и довольно карикатурным, и предстает появившийся вскоре после «снежных» приключений Ганса Пеперкорн. Интерес к Питеру совсем не означает, что в нем Ганс увидел совершенное воплощение недавних видений. Согласимся с С.К. Аптом: голландец — лишь намек на идеал [1, с. 209].

Итак, динамическое взаимодействие архетипических образов Персоны, Тени, Анимы и Духа обуславливают процесс индивидуации Ганса Касторпа, выступающей

в свете юнгианской герменевики сюжетообразующим мотивом романа.

Резюмируя, отметим, что роман Т. Манна «Волшебная гора» предстает не просто ярким примером продуктивной встречи литературы и науки о душе. Он художественно объективирует диалог картезианско-просветительского психологизма, классического психоанализа и аналитической психологии, в ходе которого происходит гротескная смена трех этих философско-психологических парадигм, и, таким образом, являет собой подлинно «интеллектуальный» роман, впитавший в себя весь духовный опыт эпохи.

Литература:

1. Апт, С.К. Томас Манн. — М.: Молодая гвардия, 1972. — 349 с.
2. Бондарев, А.П. Полицентризм — диалогическая форма поликультурности // Вестник МГЛУ. Сер. Исторические и политические науки. Актуальные проблемы внешней и внутренней политики государства. — М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. — № 24 (684). — с. 84–102.
3. Майкова, А.Н. Интерпретация литературных произведений в свете теории архетипов Карла Юнга: дис.... канд. филол. наук: 10.01.08 — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. — 168 с.
4. Манн, Т. Волшебная гора (главы первая-пятая) // Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 3. — 500 с.
5. Манн, Т. Волшебная гора (главы шестая-седьмая) // Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 4. — 541 с.
6. Манн, Т. Фрейд и будущее // Психоанализ: новейшая энциклопедия. — Минск: Книжный Дом, 2010. — с. 980–989.
7. Франц М.-Л. Процесс индивидуации // Человек и его символы. — М.: Медков С.Б., «Серебрянные нити», 2013. — с. 162–237.
8. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. — СПб: Азбука-классика, 2009. — 416 с.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Языковая ситуация этнических немцев Колпашевского района Томской области

Александров Олег Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Александрова Анна Андреевна, аспирант
Томский государственный педагогический университет

Демонстрируются первичные результаты исследования языка и культуры немцев, проживающих в Колпашевском районе Томской области. Осуществленные полевая работа и последующие анализ и интерпретация языкового материала представляют собой первый опыт описания этнотерриториальной общности колпашевских немцев с языковедческой точки зрения. Статья содержит образцы немецкой диалектной речи, прецедентные и фольклорные тексты.

Ключевые слова: немецкие диалекты, российские немцы, отечественная немецкая диалектология, полевая лингвистика.

При поддержке Российского гуманитарного научного фонда в июле 2015 г. (проект 15–14–70602) была осуществлена лингвистическая экспедиция в Колпашевский район Томской области. Цель экспедиции — сбор фактологического материала с последующим описанием языка и культуры проживающих на данной территории этнических немцев. Необходимо отметить, что лингвистическое обследование колпашевских немцев было проведено впервые за всю историю существования данной этнотерриториальной группы.

Основным методом сбора эмпирического материала выступило частично-структурированное интервью. Этот тип интервью, представляющий собой конгломерат беседы на темы общего характера, дающие представления о быте информанта, его биографии (дом, семья, трудовая деятельность, прошлое и настоящее информанта, религиозные и национальные традиции), и на собственно языковые темы. Для определения диалектного типа исследуемого языка в ходе осуществлённых бесед использовался вопросник Венкера. Информантам предлагалось продемонстрировать прецедентные и прототипические тексты на немецких диалектах, задавались вопросы, проливающие свет на языковую ситуацию колпашевских немцев.

Фиксация языковых данных осуществлялась посредством цифровой аудиозаписи, велась фотосъёмка интервьюируемых немцев и предметов их быта. В ходе экспедиционных работ записано более пяти часов живой речи информантов (на русском языке и на немецких диалектах), сделано несколько десятков фотографий.

В Колпашевском районе немцы появились так же, как и большинство представителей этого этноса в остальных районах Томской области — вследствие насильственной

миграции. Как известно, в 30-е и 40-е годы прошлого столетия г. Колпашево являлся административным центром печально известного в отечественной истории Нарымского округа — места ссылки и гибели сотен тысяч (по некоторым данным до полумиллиона) граждан СССР. В 30-е годы сюда ссылали «раскулаченных» крестьян, а в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) к этой категории спецпереселенцев, помимо других репрессированных по национальному признаку, добавились и депортированные советские немцы. Согласно архивным данным (ссылку сделать правильно Нам) в 1945 г. число немцев-спецпереселенцев в Колпашевском районе составляло 1724 человека. По количеству ссыльных немцев в те годы это место уступало только Томскому и Александровскому районам. Со слов местных жителей вследствие значительной доли селян немецкой национальности отдельные улицы или целые районы в некоторых колпашевских населённых пунктах называли немецкими. Хотелось напомнить, что в с. Колпашево был сослан известный фольклорист и лингвист, один из основателей отечественной немецкой диалектологии профессор Георг Дингес, где он умер от сыпного тифа в конце 1932 г.

На данный момент в Колпашевском районе проживает около 30 семей, относящих себя к немецкому этносу. Фактологический материал собирался как в районном центре — городе Колпашево (численность населения чуть более 23000 человек), так и в небольших населённых пунктах Колпашевского района (Тогур, Саровка, Новосёлово). Информантами экспедиционных работ выступили 13 человек.

Анализ собранных автобиографических сведений показывает, что немцы прибыли в Колпашевский район

Томской области из разных частей бывшего СССР. Изучаемую этнотерриториальную общность условно можно разделить на две группы: поволжских немцев и немцев с украинскими корнями. Поволжские немцы — это бывшие жители ликвидированной в начале войны Автономной Республики немцев Поволжья. Исконная территория проживания второй группы — немецкие колонии бывшей Украинской ССР. Примечательно, что колпашевские немцы, прибывшие с Украины, в своих автобиографических рассказах избегают слова «депортация», предпочитая слово «эвакуация». Видимо, это обусловлено тем, что украинские немцы в отличие от поволжских уже в первые дни войны оказались практически на линии фронта и потому их выезд в большей мере носил характер эвакуации. Кроме того, если поволжские немцы переселялись согласно официально обнародованному Постановлению Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП (б) от 26.08.1941, то депортация украинских немцев осуществлялась завуалировано, без огласки, а иногда и без специального разрешения соответствующих органов власти [1].

Несмотря на официальный статус мероприятия по переселению советских немцев и языковое означивание этого процесса в общественном сознании, обеим группам опрошенных информантов не удалось избежать тяготы и невзгоды репрессивной политики советского руководства в военные и послевоенные годы. Каждый из опрошенных информантов рассказывал в ходе бесед личные истории о трагических событиях того времени: потере имущества на исконных территориях проживания, утрате родственников вследствие тяжелых условий переезда, непосильном труде и неустроенном быте на месте депортации, стигматизации со стороны коренного населения региона и дискриминации со стороны официальных лиц.

Не все из опрошенных информантов прибыли в Колпашевский район напрямую из исконных мест проживания. Как известно, активные миграционные процессы были характерны для советских немцев после отмены комендатур и предоставления относительной свободы передвижения в 1956 г.: немцы переезжали с целью воссоединения семей и поиска более комфортных мест проживания. Например, Иван Иванович Фабер (1928 г.р.) в тринадцатилетнем возрасте вместе с семьей был депортирован из Украинской ССР в северный Казахстан. Спустя десятилетия он и его жена переехали в Колпашевский район Томской области, где на тот момент там уже проживали их дети.

Проведенная в Колпашевском районе полевая работа не показала прямой зависимости между уровнем сохранности немецких диалектов и возрастом представителей рассматриваемой этнотерриториальной группы. Казалось бы, хорошая сохранность языка должна быть свойственна колпашевским немцам самого старшего поколения (родились в конце 20-х гг.). Они родились в немецких колониях Поволжья и Украины за 15–10 лет до депортации и, так сказать, «успели», в отличие от своих потомков, вырасти в среде широкого распространения и использования немецких диалектов. Однако среди опро-

шенных информантов указанных годов рождения есть те, кто действительно использует диалекты в активной форме (может говорить), и те, кто владеет ими лишь пассивно (может понимать). Объясняется данное явление рядом экстралингвистических факторов, оказавших влияние на языковую биографию упомянутой возрастной группы колпашевских немцев — лояльностью к языку в семье, характером брака в этническом отношении, религиозностью и т.д. К числу упомянутых факторов относится и язык, на которых велось преподавание в школах немецких колоний Поволжья и Украины. Так, Эрих Иванович Фурман (1928 г.р.) родился на Украине в Запорожской области и закончил в указанном регионе 4 класса общеобразовательной школы. Обучение в украинской школе, по его словам, осуществлялось на украинском и русском языках. Таким образом, Эрих Иванович уже в ранние детские годы начал активно использовать русский язык. Сейчас Эрих Иванович, относящий себя к немецкой национальности, практически не помнит языка родителей.

Описанная языковая ситуация свойственна и колпашевским немцам второго поколения (родились в период с середины 30-х по середину 40-х гг.). Так, например, родом из бывшей АССР немцев Поволжья Елена Петровна Магер (1940 г.р.) и Роза Петровна Бауэр (1940 г.р.) ещё малыми детьми оказались в Сибири и выросли в ситуации активного социального взаимодействия с русскоязычным населением. Однако они обе активно владеют немецкими диалектами, помнят немецкие поволжские песни и частушки. Так, Елена Петровна продемонстрировала песню, в которой главным действующим лицом является «ленивая Гретхен». Примечательно, что очень похожую по содержанию песню, оформленную в соответствии с нормами литературного немецкого языка, можно найти в песенном сборнике «*Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien*» (русс.: «Народные песни и стихи для детей поволжских колоний»). Данный сборник был подготовлен и издан в Саратове в 1914 г. Петром Ивановичем Зиннером (одним из самых первых исследователей языка и фольклора российских немцев) совместно с пастором Иоганнесом Эрбесом. Приведем данную песню в той форме, в которой она была записана в ходе беседы с Еленой Петровной Магер.

1. *Wer ein faules Gretje hat,
Der kann lustig sein!
Sie schläft alle Morchens, Morchens
Bis dass die Sunn ufging
Und der Hert zum Dorf naustrieb.*
2. *Als der Vater in das Backhaus kam,
Das Gretje schläft mal noch.
«Schlafst du an alle Teifel, Teifel!
Unser Kuh, die steht in Stall,
Unser Kuh, Fuder ist all».*
3. *Das Gretje sprang mol aus dem Bett.
Ihr Recklje in der Hand.
Sie wollte das Kihche melgen, melgen
Mit der ungewaschenen Hand.*

Es ist keine Weibslaitsschand!

*4. Als das Kihche gemolken war,
Das Wasser war dazu.*

Sie zeigt dem Vader

«Vader, Vader, so viel Milch gibt unser Kuh!

Ai, das macht die Morjenruh».

5. Das Gretchen in dem Hof rumgeht

Ein Steckelje in der Hand.

Sie muss das Kihchen treiben, treiben,

Bis vor den grine Wald,

Dort wo sich der Hert ufhalt.

6. Du lumpiger Hert, du laisiger Hert,

Was habe ich dir getan?

Warum hast du mir nicht geblasen, geblasen?

Faules Gretchen treib dein Kih!

Немцы младшего поколения (родились после в 50-хх гг. и позже) владеют диалектами только в пассивной форме, либо не владеют ими вовсе. При этом хочется отметить одно явление языкового характера, свойственное многим представителям рассматриваемого поколения колпашевских немцев: в дошкольном возрасте они ввиду занятости родителей на производстве много времени проводили со своими бабушками, которые, как правило, практически не разговаривали на русском языке. Это привело к быстрому усваиванию ими диалектных форм немецкого языка, и к началу школьного этапа жизни многие из информантов 50-х г.р. свободно общались на этих идиомах наряду с русским языком. Однако впоследствии в силу разных причин (уход из жизни членов семьи старшего поколения, отсутствие коммуникативных сфер использования языка, нежелание поддерживать и сохранять компетенцию диалекта) немецкие диалекты быстро забылись. Колпашевские немцы младшего поколения иногда могут продемонстрировать на немецких диалектах фольклорные тексты или отдельные прототипические языковые явления — слова, словосочетания, фразы, которые они часто слышали от родителей, бабушек и дедушек. Так, Ольга Эриховна Войман (1947 г.р., в девичестве — Фурман) вспоминает, что её бабушка в момент плохого настроения и недовольства чем-либо могла произнести такое слово как *Tunnerweder* (нем. лит.: Donnerwetter), а также слова *Kazapka* и *Russamatschka*. Перевод этих двух слов, формальные эквиваленты которых отсутствуют в немецком литературном языке, Ольга Эриховна не знает.

Диалектная идентификация устных форм немецкого языка, которыми в той или иной степени владеют колпашевские немцы, показала, что языковую палитру рассматриваемой этнотерриториальной общности составляют как средненемецкие (гессенско-пфальцские), так и нижненемецкие диалекты.

Как известно, на территории бывшего СССР были представлены практически все типы немецких диалектов, характерные для исконной территории распространения немецкого языка: верхненемецкие, средненемецкие и нижненемецкие [2, с. 42; 3, с. 33]. Виды диалектов,

выделяемые в специальной литературе в соответствии с их ареальной классификацией, существенно варьировались не только от одной немецкой колонии к другой, но и внутри колоний — от одного населенного пункта к другому. Поэтому значительное диалектное многообразие характерно и для колпашевских немцев, которые были выселены из разных частей бывшего СССР.

Информанты, прибывшие из бывшей Украинской ССР, называют в качестве мест проживания до депортации немецкие деревни в Донецкой, Луганской и Запорожской областях (например, Вольваховка, Кристовка). Согласно данным специалистов до начала войны на территории Украины функционировали западносредненемецкие (гессенские, пфальцские, южнофранкские), верхненемецкие (южнофранкские, швабские, севернобаварские) и нижненемецкие диалекты (Беренд). Анализ диалектной речи колпашевских немцев родом из Украины показывает, что некоторые из них используют нижненемецкие диалекты, другие — диалекты западносредненемецкого типа.

Нижнемецкие диалекты, как известно, самые дальние «родственники» современного немецкого литературного языка. Носители нижненемецких диалектов, прибывшие в Колпагевский район с Украины, сами обозначают свой язык как *Plattaitsch* (нем. лит.: Plattdeutsch) и в своей речи демонстрируют отличительные признаки данной диалектной группы на фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом уровнях. Например, Агафья Карловна Батц (1928 г.р.) использует в речи такие шибболеты (слова-маркеры, позволяющие идентифицировать тип диалекта) нижненемецкого как *Itschke* (нем. лит.: Kartoffeln), *Preps* (нем. лит.: Kaffee), *Gortje* (нем. лит.: Gurke), *Grudmutter* (нем. лит.: Grossmutter) и др.

Известно, что западносредненемецкие диалекты генетически ближе к литературной форме немецкого языка. Колпашевские немцы, прибывшие с Украины, видимо с целью противопоставления своего языка нижненемецкому, иногда обозначают его как *Hachtaitsch* (нем. лит.: Hochdeutsch) или *Dialekt-Hachdaitsch* (нем. лит.: Dialekt-Hochdeutsch). Для тех же понятий приведённых выше носители диалектов западносредненемецкого типа используют слова *Kartovel*, *Kaffee*, *Gummer* или *Gorke*, *Muder*.

Согласно специальным исследованиям состав немецких колоний в Поволжье во многом формировался по конфессиональному признаку, а не по принципу землячества. Это обусловило значительное диалектное разнообразие как на всей территории АССР немцев Поволжья, так и практически в каждом её отдельном населённом пункте [4, с. 95]. Поэтому на территории Поволжской республики были представлены диалекты всех трех основных языковых ландшафтов исконной области распространения немецкого языка — нижненемецкие, средненемецкие и верхненемецкие. Однако преобладали диалекты средненемецкого типа.

Анализ немецкой речи информантов родом из Поволжья позволяет отнести их родной язык к диалектам за-

падносредненемецкой группы с пфальцско-гессенской основной. Приведем фрагмент речи уже упомянутой выше Елены Петровны Магер, в котором повествуется технология приготовления одного из блюд традиционной кухни российских немцев — кребель.

Ich tue bissje Zuger noi, Monlgelholz, mongele lepeschka, nehm ich Meser, und verschneide. Den Pon stelle hin, danach nehm ich Puder, Puder noi schide. Wenn die Puder haas is, leche ich noi. Kребel nehm ich und leche neu.

Данный фрагмент немецкой диалектной речи демонстрирует ряд явлений, свойственных верхненемецким диалектам: отсутствие аффрикаты pf (*Pon* = нем. лит.: Pfanne), спирализация *g* в интервокальной позиции (*leje* = нем. лит.: lege), озвончение глухих согласных в интервокальной позиции (*Puder* = нем. лит.: Butter), делабиализация гласных *ü, ö* (*schide* = нем. лит.: schütten), расширение дифтонга *ai* (*haas* = нем. лит.: heiß) и т.д. Также в представленном примере можно наблюдать включение в немецкий текст лексических единиц, заимствованных из русского языка (*lepeschka* = рус.: лепёшка)

Опрошенные колпашевские немцы не говорят на немецком литературном языке, но обладают определённой долей компетенции этой языковой формы. Они могут понимать немецкую литературную речь (полностью или частично), употреблять в собственной речи отдельные лексические единицы, свойственные данному виду национального языка Германии, могут воспроизводить прецедентные тексты (тексты, имеющие широкое распространение в определённой культуре) на диалектноокрашенном немецком литературном языке.

Одним из источников приобретения компетенции немецкого литературного языка является школа. В большинстве своем информанты старшей возрастной группы не получили среднего образования, но успели закончить несколько классов начальной школы до депортации. Некоторым из них удалось продолжить образование в школах Сибири.

Другой источник усвоения явлений литературной формы немецкого языка — это религиозные обряды и фольклор, свойственные традиционной культуре российских немцев.

Относительно религии как источника компетенции немецкого литературного языка надо отметить, что на настоящий момент в Колпашевском районе не обнаружено каких-либо действующих традиционных для российских немцев религиозных объединений. Однако посещение колпашевскими немцами религиозных мероприятий в местах проживания до депортации, внутрисемейное религиозное воспитание, чтение религиозной литературы способствовало тому, что они усвоили значительное количество религиозных текстов на немецком языке и помнят их до сих пор наизусть. Примечательно, что отдельные молитвы могут воспроизвести даже те информанты, которые утверждают, что полностью забыли родной язык и не причисляют себя ни к одной из конфессий. Так, молитва «Va-

ter unser» (рус.: «Отче наш») звучит из уст Александра Иоганесовича Бауэра (1939 г.р.) следующим образом:

Vater unser, der Du bist im Himmel.

Gehejligt werd Dein Name.

Zu uns komme Dein Reich.

Dein Will geschehe, wie im Himmel, als auch auf Erden.

Unser täglich Brot gib uns heite.

Und vergeb uns unser Schuld, wie mir unsere Schuldiger vergebbe.

Und führe uns nicht in Versuchung,

Sondern erles uns von dem Beese.

Weil Dein ist das Reich und die Kraft und die Herrlichkeit in Ewigkeit.

Amen.

Как видно из примера, религиозные тексты воспроизводятся колпашевскими немцами на немецком литературном языке с диалектным окрасом.

Некоторые фольклорные тексты также могут озвучиваться на немецком литературном языке с определённой долей признаков того или иного диалекта. Надо сказать, что специалисты отмечают чрезвычайное разнообразие и вариативность корпуса фольклорного материала российских немцев. В репертуар их народного творчества входят произведения, завезенные ещё первыми колонистами в 18-м веке, песни, созданные на новой родине, и даже русские песни, переведенные на немецкий язык [5, с. 55]. Фольклорные произведения варьируются как в плане их жанрово-структурной организации, манеры исполнения, так и в языковом плане: музыкальные и поэтические тексты передавались из уст уста как исключительно на диалекте, так и на диалектноокрашенном немецком литературном языке, а также просто на немецком литературном языке, или же на смеси немецкого и русского языков. Использование литературной формы немецкого языка в фольклорных текстах объясняется тем, что, как было упомянуто выше, для территорий компактного проживания российских немцев характерно функционирование одновременно разных типов диалектов. Диалектная разногласица обуславливала развитие определенных языковых и культурных интегративных процессов, и в частности привела к выработке койне — наддиалектной языковой формы, обеспечивающей коммуникацию носителей разных устных форм немецкого языка. Междиалектное выравнивание происходило преимущественно в сторону немецкого литературного языка [6]. Этот процесс, по всей видимости, затронул и фольклорные тексты. Как результат коллективного творчества они должны были быть понятны как можно большему числу представителей немецкого этноса и потому не редко получали оформление в соответствии с нормами немецкого литературного языка.

Так, уже упомянутый выше Иван Иванович Фабер в более молодые годы подрабатывал гармонистом на торжествах односельчан-немцев. Родным языком он считает Plattaitsch, но поёт песни и исполняет частушки на очень близком к литературной форме языке. Приведем пример.

1. *Wenn der Pott aber ein Loch hat,
Lieber Heinrich, lieber Heinrich?
Stopf es zu, liebe, liebe Liese,
Liebe Liese, stopf es zu!*
2. *Womit soll ich des aber stoppe,
Lieber Heinrich, lieber Heinrich?
Mit Stroh, liebe, liebe Liese,
Liebe Liese, mit Stroh!*
3. *Wenn das Stroh aber nun zu lang ist,
Lieber Heinrich, lieber Heinrich?
Hau es ab, liebe, liebe Liese,
Liebe Liese, hau s ab!*
4. *Womit soll ich des aber abhaun,
Lieber Heinrich, lieber Heinrich?
Mit dem Beil, liebe, liebe Liese,
Liebe Liese, mit dem Beil!*

Таким образом, можно сказать, что компетенция немецкого литературного языка во многом представлена у рассматриваемой этнотерриториальной группы в виде фрагментарных знаний, усвоенных из школьной программы, и в виде знания отдельных религиозных и фольклорных текстов.

Что касается русского языка, то хочется отметить, что колпашевским немцам свойствен разговорный стиль с использованием просторечной и региональной лексики. Например, *шкандыбать* (хромать, ковылять), *обласок* (сибирская гребная лодка-доблѣнка), *идти на гребях* (плыть в лодке на вёслах), *балаган* (шалаш, временное строение) и др.

Литература:

1. Герман, А. А., Иларионова Т. С. История немцев России [Электронное пособие]. URL: <http://www.geschichte.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=77&hmenu0=8> (дата обращения: 15.09.2015).
2. Berend, N. *Russlanddeutsches Dialektbuch: die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets.* — Halle (Saale): Projekte-Verlag, 2011. — 235 S.
3. Дятлова, В. А. Некоторые вопросы отечественной немецкой диалектологии: Материалы для работы с диалектами российских немцев в клубах, центрах встреч, языковых лагерях, на языковых курсах. — М.: МСНК-пресс, 2011. — 112 с.
4. Минор, А. Я. Диалект Екатериненштадта: Истоки и развитие/под ред. А. Я. Минора, С. И. Замогильного, Л. И. Тетюева. — Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2014. — 190 с.
5. Виндгольц, И. П. Немцы России. Песня. Музыка. Обряд. — Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2011. — 380 с.
6. Минор, А. Я. Морфологическая система маркштадтского диалекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12 (42) — Ч III. — С. 117–121.

Немцы-спецпереселенцы Колпашевского района были активно заняты в лесной промышленности, и потому в их автобиографических рассказах очень часто можно услышать профессионализмы из данной отрасли: *бракёр* (товаровед, осуществляющий бракераж), *толкачи* (человек, которому поручено подтолкнуть, ускорить нужное в данный момент дело), *биржа* (склад лесоматериалов) и др.

Итак, можно констатировать, что русский язык вытеснил родной язык колпашевских немцев из всех сфер общения. Немецкий язык не звучит даже дома во внутрисемейном кругу. Лишь иногда на праздниках немцы самого старшего поколения могут спеть ту или иную песню на немецком языке, воспроизвести, вспоминая в процессе общения с родственниками и односельчанами годы детства или юности, какой-либо наиболее запомнившийся текст — частушку, присказку, устойчивое выражение. Многие из опрошенных читают молитвы на немецком языке перед сном. По признанию самих информантов использовать диалект с целью активной коммуникации приходится только тем, кто выезжает для посещения родственников в Германию. Можно сделать вывод, что устные формы немецкого языка распространенные в колпашевском районе аккумулированы преимущественно в виде идиолектов, т. е. в виде языковых вариантов, используемых одним человеком. Они могут актуализироваться от случая к случаю, т. е. переходить из пассивного состояния в активное, но при этом не используется как реальное средство коммуникации.

Ономастическое пространство селькупского прозаического фольклора

Терещенко Анна Васильевна, магистр языкового образования
Томский государственный педагогический университет

В статье рассматривается ономастическое пространство селькупских сказок. Исследуются различные типы фольклорных текстов (рассказы о священных местах, богатырские сказания, сказки); проводится анализ топонимов и их разновидностей (гидронимов, ойконимов, оронимов), участвующих в построении сюжета фольклорных произведений. Интерпретируется стилистический прием «метаморфоза», являющийся характерной чертой селькупского сказочного дискурса. Рассматриваются метаморфозы, в результате которых образуются как одушевленные, так и неодушевленные объекты.

Ключевые слова: ономастикон, оним, топоним, гидроним, селькупский язык, селькупский этнос, фольклор, жанры фольклора, бытовые рассказы, стилистический прием, метаморфоза, национально-культурный фон, картина мира.

The article deals with the onomastics of the Selkup fairytale discourse. Different types of folklore texts (e. g. tales about sacred places, heroic folk tales, fairytales) are investigated. The paper analyses analysis of toponyms and their kinds (hydronyms, oikonoms, oronyms) that are involved in the plot building of folklore stories. The special attention is paid to the stylistic device metamorphosis which is a characteristic feature of Selkup fairy tale discourse. Analyzing folk and mythological plots the author determines ways, reasons, character and motivation of metamorphoses that happened with people or objects involved in the narration.

Key words: onomastics, onym, toponym, hydronym, the Selkup language, Selkup ethnos, folklore, folklore genres, everyday life stories, stylistic device, metamorphosis, national-cultural background, worldview.

Познавая и исследуя окружающий мир, человек дает названия различным предметам, объектам и явлениям. Номинация представляет собой процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние языковой системы. Вся номинативная деятельность человека обусловлена множеством самых разнообразных мотивов, факторов и предпосылок.

Проблема функционирования онимов в фольклоре и литературе неоднократно привлекала внимание многих ученых. Проблематика исследований литературной ономастики как достаточно прогрессивного направления лингвистики опирается на солидную философскую и лингвистическую традиции (А.А. Реформатский, Л. В. Щерба, Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанская, В.В. Виноградов, В.А. Кухаренко, О.И. Фонакова).

Долгое время в центре внимания исследователей литературной ономастики находилось рассмотрение литературных ономастиконов отдельных авторов. Другое направление литературной ономастики посвящено исследованию отдельных разрядов литературных онимов (антропонимам, топонимам, гидронимам и т.д.). Кроме того, достаточное количество работ посвящено фольклорной литературной ономастике.

За все время своего существования человек стремился объяснить необычные явления или события, создавая истории с правдоподобным сюжетом, которые передавались следующим поколениям. Обычно в такие истории добавлялись назидательный элемент или элементы драматургии. Так возникли сказки, первоначально существовавшие в устной форме и составлявшие значительную часть фольклора всех народов мира. Со временем они за-

няли важное место в литературном творчестве как отдельный жанр [1, с. 48].

Сказка прошла долгий путь от воспроизведения фантастической действительности до символического (иногда философского) переосмысления. Являясь одним из первых источников, с помощью которых ребенок познает мир и самого себя, сказка позволяет судить и делать весьма обоснованные выводы об особенностях национального характера, динамике развития общества и выработанных этносом культурных ценностях [1, с. 62].

Проблема изучения онимов в фольклоре требует дальнейшей тщательной разработки. На наш взгляд, не хватает ономастических исследований, которые бы охватывали анализ ономастикона не только отдельных фольклорных произведений (например, сказок о богатыре *Имте*), но и в фольклоре как литературном жанре в целом.

Не менее проблематичным является описание географических имен собственных, которые нередко встречаются на страницах фольклорных произведений. Зачастую действие сказки развивается на фоне рек или озер; странствия главного персонажа сопряжены с преодолением горных хребтов, рвов, мысов, ущелий и т.д.

Безоговорочным является тот факт, что ополексемы и их разновидности (гидронимы, оронимы, ойконимы, урбанонимы) — наиболее древний пласт лексики. Этимология подобных имен собственных — один из наиболее актуальных, спорных и противоречивых вопросов современной лингвистики.

Чем древнее топоним, тем сложнее выявить его подлинное происхождение. Версии лингвистов зачастую расходятся и расшифровать значение топонима не пред-

ставляется возможным. В некоторых случаях (например, в селькупских сказках о богатыре *Итте*) не удается установить этимологию топонимов даже на уровне сказаний и легенд.

Семантика географического имени собственного (топонима) — это главный источник информации о лингво- и этнокультурном сказочном пространстве. Именно поэтому, как отмечают многие исследователи (В. В. Красных, В. И. Супрун, Ю. А. Карпенко, Д. И. Ермолович, О. А. Бирюкова), в произведениях сказочного жанра практически не существует стилистически немаркированных, нейтральных собственных имен, но гораздо чаще встречаются смысловые имена. В сказочном жанре топонимы являются символами, отражающими специфику народного самосознания, рефлексию нации на собственную историю и культуру. Как считает Д. И. Ермолович «топонимы, зачастую обладая сложной смысловой структурой, уникальными особенностями этимологии и формы, способностями к изменениям, многочисленными связями с другими единицами языка, являются «камнем преткновения» при восприятии фольклорного прозаического текста, в котором они, как правило, несут особую смысловую нагрузку» [2, с. 137].

Сибирский прозаический фольклор представляет собой яркое и самобытное звено мировой фольклорной традиции. Это сложное и многоязычное явление, представленное произведениями устного народного творчества тюркских, тунгусо-манчжурских, финно-угорских, палеоазиатских и самодийских этносов [7, с. 81].

Сказки коренных народов Сибири поражают читателей удивительным переплетением фантастического и реального, богатством вымысла, деятельными и отважными главными персонажами. В сибирских сказках нет, как правило, дидактических нравовучений, а присутствуют лишь намеки на то, как лучше поступить в той или иной ситуации [3, с. 159].

У селькупов существует немало мифов о происхождении мира и человека, строении мироздания, образовании отдельных ландшафтных объектов. Так, горный хребет (*толлака*) считался объектом мифологизации и мог возникнуть, по поверьям, на месте брошенного гребня (*тинсы*), кремня (*шекыт пу*) или огнива (*шекы*). Если мифологический герой бросал на пути врага/преследователя точило, то оно превращалось в остров [3, с. 211].

подавляющее большинство селькупских богатырских сказаний связано с появлением различного рода топонимов. Если некогда на данной территории жил богатырь, то образование возвышенностей (гор, холмов, мысов, островов или яров) селькупы обычно связывают с его деятельностью. К примеру, на месте, где от руки богатыря гибли враги, возникали горы, холмы, мысы. Если богатырь сам погибал в бою, то на месте его падения мог появиться каменный порог (или просто камень) на реке (подобный сюжет записан на р. Парабель) [7, с. 82].

Типичным жилищем богатыря, как повествуют селькупские сказки, были «*мадурит карамо*» огромные зем-

лянки, на крышах которых росли священные леса, а затем возникали богатырские острова и мысы [4, с. 207].

Появление топонимов в селькупских сказках часто может быть связано с действием по направлению к земной поверхности. Например, герой может бросить оружие и на месте его падения возникает мыс или горный хребет. Кроме того, распространенным является следующий сюжет: персонаж совершает прыжок (иногда — кувырок) и превращается в неодушевленный объект. Подобные метаморфозы нередко происходили и с героями русских народных сказок (превращение в добра молодца, булавку, камень и т. д.).

Как было упомянуто выше, топонимы в селькупских сказках образуются в результате молниеносного действия по направлению к земле. Здесь следует упомянуть сказку «Анга и Кеть», записанную историком и этнографом Н. А. Тучковой со слов информанта И. Карелина (с. Максимкин Яр, р. Кеть) [7, с. 83].

Сказочный сюжет повествует о борьбе двух богатырей близ Богатырской горы (весьма вероятно, фольклорные мотивы отразились в наименовании топонима). Оба богатыря не докинули свое оружие до противника: копье одного из них прорубило землю и лес, тем самым создав русло реки Кеть. Топор другого силача пробороzdил землю, где и пролегла река Анга [4, с. 205].

Один из крупнейших специалистов по самодистике Е. Д. Прокофьева записала со слов информанта П. Тетерина (1890 г. р.) еще одну интересную сказку о возникновении островов (пос. Фарково, р. Турухан). Возникновение на р. Енисей конкретных островов северные (туруханские) селькупы связывают с фигурой сына *Нума*, который, будучи наказанным отцом, вынужден тащить по реке семь островов. Наладить дружеские отношения с *Нумом* ему помогает шаман *Кднгырсе*. Острова так и остались разбросанными по Енисею, поскольку *Нум* простил сына и решил оставить острова там, куда он их донес [5, с. 77].

Особенно часто в селькупских фольклорных рассказах упоминаются гидронимы. Гидронимы — важный и неотъемлемый элемент ономастической системы селькупского фольклора. Они выступают как своеобразные ориентиры в пространстве, модели мироздания, источники существования и даже одушевленные существа.

Появление некоторых озер на своей территории селькупы связывают со смертью богатыря: так, в с. Иванкино и с. Сондорово бытует фольклорный мотив, согласно которому под телом мертвого богатыря земля провалилась и появилось озеро (*Квэзы поргыль то*). На р. Кеть записаны тексты о трех богатырях *Калгухе*, *Урлюке* и *Зубреке* и великанше *Тяпса-Мярга* [7, с. 84].

В с. Иванкино селькупы почитают богатыря *Соксара*. В районе р. Васюган зафиксирован сюжет о двух сильных богатырях (в сказках их имена не упоминаются), которые жили по разные стороны реки и перекидывали друг другу топор через реку [5, с. 162].

Однако наиболее популярным героем-богатырем в селькупском фольклоре является *Итте*. Имя фоль-

клорного персонажа вполне можно определить как смысловое, или прецедентное. Сюжеты с главным героем *Итте* распространены как в северном, так и в южном диалектах селькупского языка. Имя стало нарицательным и используется для обозначения умного, смекалистого, хитрого и талантливого человека.

Итте — деятельностный герой-трикстер, который со свойственной ему смекалкой и хитростью ускользает от опасности. *Итте* очень талантлив, прекрасно играет на арфе и обладает шаманскими способностями. Водное пространство словно сопутствует *Итте*, знаменуя важные вехи его жизненного пути. В селькупских сказках найдена разная информация о реке, на которой *Итте* провел свое детство [7, с. 84].

В подавляющем большинстве текстов нет каких-либо сведений о названии гидронима или указаний на возможный ареал расположения водной артерии. Примером служит сказка, записанная на р. Чая: согласно сюжету, раннее детство и подростковые годы *Итте* прошли на глухом притоке, в низовье которого юноша впервые встретил шамана-людоеда [5, с. 212].

Информацию о детских годах *Итте* читатель обнаруживает в прологовых эпизодах, предшествующих завязке сюжета (в качестве наиболее ярких примеров сказок-завязок сюжета следует назвать следующие: «Ловушка-дразилка», «Итте и Пёнеге-шаман» и др.). Зафиксировано только два прологовых эпизода (один из них записан со слов информанта С.Т. Нериной, 1957 г.р.), в которых приведено точное название озера *Карадан-бокку*, где маленького *Итте* воспитывала его единственная родственница — бабушка.

Анализируя данный гидроним, можно прийти к выводу, что он относится к немногочисленной группе гидронимов с неясной, проблематичной этимологией. В морфологическом плане отсутствие в гидрониме селькупского апеллятива -то «озеро» делает неясным отсылку топоформанта *Караданбокку* именно к этому виду водных объектов. Наличие же корня *кара* («журавль») и перегласовки, обусловленной редукцией безударных гласных, дает возможность трактовать гидроним как «журавлиный ручей».

Селькупский прозаический фольклор в целом характеризует наличие такого стилистического приема, как *метаморфоза*. Метаморфоза — один из наиболее древних и самых эффективных стилистических приемов, который широко распространен в мифологии, фольклоре и различных жанрах художественной литературы.

Рассматривая топонимы в селькупском фольклоре, нельзя не упомянуть о так называемых культовых топонимах, с которыми были связаны разнообразные сакральные этнические представления. Культ и всевозможные атрибуты культа (ворожейские куклы, амбрачик и т.д.) всегда занимали важную роль в повседневной жизни селькупов. Это вполне обусловлено: пик развития селькупского языка и этноса связан с господствующей религией — шаманизмом.

В сказочных сюжетах (часто и в бытовых текстах) нередко фигурируют *кожар* «мамонт» и *кожарыль-кы* «мамонтовая река». *Кожар* (у северных селькупов *кошар*), или мамонт, — одно из мифологизированных животных, живущее в воде или земле. С его существованием у селькупов связано много поверий; например, если *кожар* часто показывается людям — это предвещает катастрофы, массовые смерти, войну, грядущую беду [7, с. 85].

Кожарыль-кы (недалеко от Нарыма) — одно из культовых мест, находясь близ которого селькупы проявляли бдительность. Из него не следовало ловить рыбу, а зимой ступать на его лед [6, с. 73].

Близ р. Чулым имеется еще один подобный гидроним — *Козари нуруль-то* «мамонтовое озеро-омут». В мифах оно представлено как «заветное», «нечистое» место, в водах которого обитает *козари пичья* «щука-мамонт» [6, с. 127].

Топонимы способствуют расширению сферы имен собственных. Они могут переходить в урбанонимы (названия небольших населенных пунктов), а также в антропонимы (имена и фамилии людей). Например, селькупский фольклорный гидроним *Толька* может функционировать и как топоним (деревня, населенный пункт *Толька*). Вторичная номинация, в целом, представляет собой довольно сложный когнитивный процесс и, что особенно важно, характерна не только для письменных языков (английского, французского, итальянского), но и бесписьменных (селькупский язык — один из примеров языков, не имеющих письменности).

Топонимы часто фигурируют в бытовых текстах, записанных со слов информантов. Для подобных текстов, как правило, не характерна сложная сюжетная канва, но они содержат ценные сведения о бытовом укладе, традициях и менталитете представителей селькупского этноса. Повествование может разворачиваться на фоне тополекса (чаще всего гидронимов); топонимы могут служить своеобразными природными ориентирами, позволяя селькупам верно выбирать маршрут и ориентироваться на местности [7, с. 85].

Так, в бытовом тексте «Как я рыбачить ездила» (записан Н.П. Максимовой от информанта Д.Н. Чининой, п. Каргасок, 1958 г.р.) гидроним (не указано конкретное название водного объекта, зафиксировано лишь селькупское слово то «озеро») служит фоном для рассказа, где носитель языка повествует о важном национальном виде промысла — рыбной ловле, особенностях рыболовных снастей и видах водного транспорта (в данном тексте — *обласок*, изготовленный из ствола кедра) [6, с. 196].

Подводя итоги, отметим, что имена собственные — важный и неотъемлемый элемент номинативной системы любого языка. Они чрезвычайно распространены не только в произведениях устного народного творчества, но и в различных других литературных жанрах.

Не вызывает сомнений тот факт, что они и их разновидности (топонимы, ойконимы, гидронимы, урбанонимы) — уникальный лингвистический материал для из-

учения национального менталитета и реконструкции картины мира коллективистского этноса. Сквозь призму смысловых имен собственных можно узнать об обычаях, верованиях и миропредставлениях людей, живших сто-

летия назад; понять особенности освоения земель и зарождения цивилизаций, а также приоткрыть многочисленные тайны и загадки, которые несут в себе эти древние названия.

Литература:

1. Пропп, В. Я. Морфология сказки/В. Я. Пропп. — Москва: Изд-во «Астрель», 2012. — 246 с.
2. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур/Д. И. Ермолович. — Москва: Изд-во МГУ, 2010. — 321 с.
3. Кузьмина, Е. Н. Сибирский фольклор: материалы и исследования/Е. Н. Кузьмина. — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского дома, 2005. — 299 с.
4. Тучкова, Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой/Н. А. Тучкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — Выпуск 2 (130). — с. 205–208.
5. Мифология селькупов/науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. — 382 с.
6. Ким, А. А. Очерки по селькупской культовой лексике/А. А. Ким. — Томск: Изд-во НТЛ, 1997. — 219 с.
7. Терещенко, А. В. Особенности функционирования топонимов в селькупских фольклорных и бытовых рассказах/А. В. Терещенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — Выпуск 10 (151). — с. 81–86.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Методы передачи времени в дневнике «Сарасина никки»

Гафурова Хакима Шавкатовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
Университет мировой экономики и дипломатии (г. Ташкент)

Японская литература обладает рядом особенностей, которые делают ее отличной от литературы народов мира. Одной из особенностей является наличие дневниковой литературы, а именно, женской дневниковой литературы. Можно предположить, что подобное литературное явление встречается только в литературе Японии.

Когда мы говорим о дневниковой литературе Японии, то в первую очередь подразумеваем исторический период, в который она получила свое развитие — эпоху Хейан.

Эпоха Хейан (IX—XII вв.) считается периодом формирования и становления национальных японских литературных жанров, включая поэзию, прозу, повести и дневники. Литературу этой эпохи отличает высокая художественность и тонкий вкус. Именно эпоха Хейан создала условия для становления и развития такого литературного жанра как дневники.

Культурная ситуация Японии в период с VII по XII века характеризуется большим влиянием Китая. Причем это касалось почти всех сторон жизни, как политического строя, так и формирования некоторых моментов культуры общества. Религиозно-философская мысль Японии рассматриваемого исторического периода, также формировалась под пристальным влиянием буддийского Китая. Однако, утверждать, что заимствование шло слепо и полностью подчинило себе японское общество нельзя. Учитывая свою географическую отдаленность от континента, Япония стремилась сформировать особый «свой» тип сознания, преемственный для своего народа.

Таким образом, мы можем говорить о параллельном процессе формирования японской континентальной культуры. Пока шло заимствование и примирение всего китайского к японской действительности, Япония создавала свою, причем очень сильную культуру. И именно, в этот период женская литература Японии достигает своего наивысшего расцвета. Женщины аристократки создают шедевры мировой литературы — женские дневники.

Известно, что эпоха имеет большое влияние на формирование морально-этических, эстетических, духовных и нравственных принципов, которые впоследствии, находят свое непосредственное отражение в литературных произведениях.

Поэтому, при изучении любого литературного произведения, в первую очередь, необходимым представляется

изучение социальной обстановки в которой зародилось то или иное произведение. Под социальной обстановкой мы подразумеваем как общественную среду, так и семейные устои автора произведения.

Данная статья посвящена одному из выдающихся дневников женской средневековой литературы — дневнику «Сарасина никки» («Одинокая луна в Сарасина»), который был написан Дочерью Такасуэ в конце XI века.

Однако, прежде чем обратиться непосредственно к самому дневнику, необходимо кратко осветить некоторые особенности средневековой женской дневниковой литературы.

Культурный рост Японии и зарождение некоторых литературных жанров в данный исторический период, как уже отмечалось, происходил при активном участии аристократии, в среде которой поэзия являлась неотъемлемой частью данного общества.

В период развития дневниковой литературы происходит слияние повествовательной и поэтической литературы, что привело к зарождению особого художественного метода изложения, сущность которого заключалась в поочередном использовании языка прозы и поэзии.

Японская литература активно культивирует еще один вид художественного произведения, характерной чертой которого является соединение в одно целое элементов лирической поэзии и философского раздумья. Такой метод повествования широко применялся женщинами аристократки, при написании женских дневников.

Таким образом, соединяя в единое и поэзию, и прозу и философские рассуждения происходит зарождение такого жанра как лирико-философский дневник.

Надо отметить, что женские дневники обладают особой структурой повествования. События, представленные в дневниках, сконцентрированы вокруг главного героя, который одновременно выступает и повествователем. Все описываемое передавалось сквозь призму внутреннего мироощущения автора, тем самым адекватно отражая его чувства и переживания.

Особый стиль и язык произведений дневниковой литературы, эмоциональная насыщенность, передача реальности через индивидуальное участие автора, использование стихотворений для усиления лиризма и интимности, конструирование фабулы произведения вокруг главного

героя — все эти особенности характеризуют женские дневники.

Нельзя утверждать, что все дневники, созданные в эпоху Хейан можно отнести к литературным произведениям, но каждый дневник, получивший литературное признание, наделен своими характерными художественными особенностями.

Для полного исследования жанровых, тематических и стилистических особенностей дневника важным представляется комплексное изучение произведения с точки зрения охвата времени и метода его передачи, восприятия окружающей среды и отношения к природе, наличия художественных методов передачи внутреннего мира автора.

Изучение вышеперечисленных аспектов позволит определить художественные особенности отдельно взятого дневника и тем самым, выделить некоторые характерные черты японской женской дневниковой литературы в целом.

В рамках изучаемых проблем мы не могли проигнорировать такой философский вопрос, как категория времени в дневнике «Сарасина никки».

В первую очередь, необходимо отметить, что дневник «Сарасина никки» из всех произведений женской дневниковой литературы эпохи Хейан охватывает самый большой промежуток времени, повествуя о сорока годах жизни автора (1018–1059 гг.), но парадокс заключается в том, что по объему это самое короткое из всех произведений дневниковой литературы [1. с. 10].

Данный факт, возможно, говорит о художественном мастерстве автора изложения событий. Это первое, что делает отличным данный дневник от всех других.

Второй момент, который, неразрывно связан с первым, это вопрос передачи времени в дневнике. Под этим понятием мы подразумеваем восприятие автором дневника временных рамок.

Для полного освещения данного вопроса, необходимо, обратится к самому дневнику, и проанализировать те моменты как автор передает прошлое, настоящее и будущее.

Но, прежде хотелось бы обратить внимание на, что в дневниковой литературе время выступает как характеристика художественности произведения. Для женской дневниковой литературы характерно присутствие элемента «воспоминания», поскольку для автора существует свой личный календарь отсчёта времени. Как правило, автор описывает те моменты своей жизни, которые больше всего его волновали. И то, как он воспринимает прошлое, как передает читателю события своей жизни, в японской дневниковой литературе получило название «внутреннее время автора» [1. с. 43–44].

Надо отметить, что этот вопрос, требует отдельного научного исследования и рамки нашей статьи не позволяют нам полностью осветить данный вопрос, поэтому мы кратко остановимся на самых главных моментах, без которых, на наш взгляд, невозможно изучение дневника.

Прежде всего, важно обратить внимание на то, как автор передает время, а именно, соблюдает ли хро-

нологию, существуют ли пропуски во времени, всегда ли автор указывает конкретную дату того или иного события.

Безусловно, исследование данного вопроса невозможно без непосредственного обращения к тексту дневника, так как именно соприкосновение с самим произведением раскрывает нам все нюансы рассматриваемого вопроса. А так же важно понимать, что именно оригинальный текст способствует пониманию культуры определенного народа, определению основного содержания материальных и духовных ценностей, тем самым, определяет литературный фон страны в определенный исторический период.

В процессе написания статьи нами был проведен максимально полный анализ дневника с точки зрения передачи времени и указания автором конкретного времени описываемых событий. В следствии чего пришли к следующим выводам.

Во-первых, в дневнике присутствует всего одна запись, в которой конкретно указан год, месяц и дата. Речь идет о сне, в котором автору явился Амида Будда. Этот сон, по всей видимости, имел большое значение для автора дневника, что и побудило ее указать не только точную дату, но и даже время суток:

«...тринадцатого числа десятого месяца, на третий год Тэнки, я увидела во сне...» [3. с. 548] 「天喜三年十月十三日の夜の夢」 [2. с. 358].

Однако, записи с указанием месяца и конкретного числа встречаются чаще, например: «В двадцать пятый день двенадцатой луны...» [3. с. 525] 「十二月二十五日」 [2. с. 327].

В дневнике, присутствует запись, где автор открыто говорит о том что: «События, отстоящие друг от друга на два-три года, а то и разделенные четырьмя, пятью годами, я описываю одно за другим...» [3. с. 539] 二三年、四五年へだてたことを、次第もなく書きつづくれば。。。 [2. с. 346] или «Прошли месяцы и годы, но стоит мне вернуться к тем дням ...» [3. с. 549] 年月は過ぎ変はりゆけど。。。 [2. с. 360]. То есть сам автор, делает акцент на том, что вела записи не постоянно, что и является доказательством того, что в дневнике присутствуют большие пропуски во времени.

Во-вторых, важным моментом при изучении методов передачи

Времени является личное восприятие автором «прошлого», «настоящего» и «будущего». В дневнике часто встречаются моменты когда автор, говоря о «настоящем» сопровождает свои воспоминания прошлыми событиями: «Теперь же, по возвращении, все шло не так, как ей думалось,...» [3. с. 497] 継母なり士人は、宮仕へせしが下りしなれば、思ひしにあらぬことどもなどありて。。。 [2. с. 295] или говоря о «настоящем» автор обращается в будущее:... «Со страхом гляжу я *вперед* — неужели и в том мире, все будет не так, как грезится...? Этот сон дает мне веру в грядущее» [3. с. 548] 長らふめれど、後の世も思ふにかなはずぞあらむかしとぞ、うしろめたきに。。。この夢ばかりぞ後の頼みとしける [2. с. 358–359].

Еще один важный факт, который невозможно оставить без внимания, это большое количество в тексте дневника слова «вечер», и слов «ночлег», «ночь». Например,

«На этот раз на ночлег мы остановились в месте, называемом Курото-но Хама». [3. с. 488] その夜は、くろとの浜というふ所にとまる。 [2. с. 281] или «Вещи и прочее за ночь переправили лодками на тот берег». [3. с. 488] 夜一夜、舟にてかつがつ物など渡す [2. с. 282].

В данной статье мы осветили лишь некоторые моменты передачи времени и его восприятия автором днев-

ника, без которых, на наш взгляд, невозможно изучение художественных особенностей дневника, а тем более комплексное исследование данного вопроса в других произведениях дневниковой литературы.

Изысканность произведений женской дневниковой литературы эпохи Хэйан подтверждает ее причастность к культурной жизни аристократии, которая и стала почвой для становления и расцвета поэзии и прозы классического периода.

Литература:

1. В. Н. Горегляд. Японские средневековые дневники. — СПб.: Северо-Запад пресс, 2001. — 623 с.
2. Фуэкиока Тадахару. Полное собрание сочинений японской классической литературы. — Токио, 1994. — 386 с.
3. Ан Женсуку. Исследование Сарасина никки. Канринсебо. Токио, 2000. — 315 с.
4. Симото Нобухиро. Структура и методы дневниковой литературы. — Токио, 2001. — 832 с.
5. Оборото Хикиси. Средневековые и аристократия. — Токио, 1991. — 334 с.

Средства индикации социального статуса литературного персонажа: аксиологический аспект (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион»)

Князева Наталья Александровна, аспирант

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Драматический текст представляет собой многоплановое явление, обладающее свойствами конфликтности сюжета, выраженности ролевого поведения персонажей, обусловленного социальными параметрами ситуации, т.е. социальными ролями и стереотипами, статусом персонажей, социальным институтом [2, с. 10].

Речь персонажа литературного произведения всегда социально обусловлена, поскольку социальное положение, возраст, образование, профессия и другие факторы не могут не сказаться на его речевом портрете. При этом не только слова, словосочетания, синтаксические построения, но и голос, акцент, произношение, сама манера речи указывают на социальную принадлежность говорящего. Персонаж волен «играть» на различных социальных диалектах в зависимости от замысла автора литературного произведения. Поэтому речь того или иного персонажа непременно должна прежде всего оцениваться с точки зрения социолингвистической обусловленности данной речевой характеристики [3, с. 17].

Категориальную сущность социального статуса человека подробно исследует В. И. Карасик. Под социальным статусом ученый подразумевает «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения». Социальный статус может выражаться прямо (специальными словами и жестами, обращениями, титулами, формулами вежливости, поклонами) и косвенно, реализуясь в статусно-релевантных сферах жизни (об-

разование, происхождение, работа, материальное положение, манеры поведения). В то же время необходимо иметь в виду, что к пониманию социального статуса относится как независимые (пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение), так и усвоенные характеристики (образование, профессия, степень владения языком и др.). Список социальных характеристик личности дополняется её положением в социальных структурах, выражаемым в отношениях между вышестоящим и нижестоящим [1, с. 6–10].

Социальная индикация речи прослеживается на всех языковых уровнях: фонетике, лексике, грамматике и синтаксисе. Сигналы социального статуса человека в речи и общении разнообразны: богатство вокабуляра, использование жаргона, умение построить грамматически правильное предложение, точность обозначения, скорость речи, паузация, выразительность интонации, умение поддерживать и регулировать дистанцию в общении и др.. Языковая компетенция является одним из показателей социального статуса человека, наряду с профессией, образованием, богатством, стилем жизни [1, с. 60].

Охарактеризуем средства индикации социального статуса литературного персонажа на примере образа Генри Хиггинса в драме Б. Шоу «Пигмалион» и покажем значимость этого параметра для развития драматического конфликта.

Социальный статус изучаемого героя отражает статусную принадлежность его прототипа — Генри Суита,

о котором автор повествует в предисловии. Это профессор, который мог бы снискать более заслуженное положение в университетской среде, если бы не его характер: *His great ability as a phonetician (he was, I think, the best of them all at his job) would have entitled him to high official recognition, and perhaps enabled him to popularize his subject, but for his Satanic contempt for all academic dignitaries and persons in general who thought more of Greek than of phonetics* (3)¹. Как видно из примера, автор описывает отношение героя к коллегам посредством эпитета *Satanic*, который пишется с заглавной буквы, и вставной конструкции.

В пьесе представитель интеллигенции, имеющий высокий доход, профессор-фонетист Генри Хиггинс, постоянно отграничивает себя от прослойки простых людей. В первом акте герой случайно встречается с продавщицей цветов на улице и решает записать её речь в блокнот, чтобы зафиксировать результаты наблюдений. Девушка напугана тем, что записывающий её слова человек может оказаться полицейским доносчиком. Генри Хиггинс, именуемый автором как *the note taker*, решает успокоить девушку, потому что окружающие начинают обращать внимание на её панику:

THE NOTE TAKER... who's hurting you, you silly girl? What do you take me for (11)?

Обращение, построенное с помощью повтора местоименного дейкиса *you*, инвектива *silly*, риторические вопросы, являющиеся по сути, менасивами, исключают общение с девушкой на равных.

Хиггинсу не нравится, что девушка поднимает панику:

THE NOTE TAKER (overbearing but good-humored). Oh, shut up, shut up. Do I look like a policeman (12)?

Его речь отличается употреблением повелительных глаголов. Заданный профессором вопрос, имеющий целью разъяснить смысл сказанного бедной девушкой, следует расценивать как средство тактики наступления.

Наблюдатель сцены, сочувствующий цветочнице, делает уместное замечание по поводу поведения неизвестного:

THE BYSTANDER. You take us for dirt under your feet, don't you (14)?

На самом деле отношение профессора Хиггинса к людям зависит от того, как хорошо они говорят на английском языке. Он пытается остановить причитания цветочницы:

THE NOTE TAKER. A woman who utters such depressing and disgusting sounds has no right to be anywhere - no right to live. Remember that you are a human being with a soul and the divine gift of articulate speech; that your native language is the language of Shakespeare and Milton and The Bible; and don't sit there crooning like a bilious pigeon (17).

Аллитерация (*depressing and disgusting*), употребление двух подчинительных и сочинительной структур в одном сложном предложении, эмфатическое употребление полисиндетона, повелительного наклонения (*don't sit*) нейтрализуют оппозицию цветочницы по отношению к профессору.

Фабула пьесы завязывается тогда, когда к профессору Хиггинсу приходит идея создать образованную леди из уличной девушки посредством обучения её правильному языку:

THE NOTE TAKER. You see this creature with her kerbstone English: the English that will keep her in the gutter to the end of her days. Well, sir, in three months I could pass that girl off as a duchess at an ambassador's garden party (18).

Дейкис мистера Хиггинса носит пренебрежительное значение (*this creature*). Он предпочитает не использовать обращение, а говорить о девушке, присутствующей рядом, в третьем лице.

Узнав в одном из очевидцев сцены своего коллегу мистера Пикеринга, профессор Хиггинс зовёт его в гости. При этом герой называет свой адрес: *27 A Wimpole Street* (18). Отметим, что это престижная улица Лондона, на которой располагаются медицинские учреждения и живут лучшие врачи.

Во втором акте читатель знакомится с обстановкой дома профессора, куда приходит Элиза, желая обучиться языку, чтобы поступить на работу продавщицей в магазин. Автор даёт описание богатого убранства дома, которое составляют следующие предметы: *a comfortable leather-covered easy-chair, a grand piano, dessert dish heaped with fruit and sweets, engravings (mostly Piranesi and mezzotint portraits)* (59). Все это дополняется любопытной деталью: *no painting*. Гравюры в доме профессора представляют особый интерес. Они свидетельствуют об утонченном вкусе Генри Хиггинса. Гравюры Д.Б. Пиранези (1170–1778) и (возможно) его сына Ф. Пиранези (1758–59–1810) развивают тему античности, библейских и мифологических сюжетов, запечатлевают руины и архитектурные сооружения, домысленные воображением и фантазией художника. Техника меццо-тинто представляет собой способ гравирования на металле, пришедший в упадок в середине XIX века. Генри Хиггинс предстает перед нами ценителем старины, чувствующим романтику потерянных цивилизаций. Отметим, что отсутствие живописи и ярких цветовых решений в интерьере может указывать на строгость нрава хозяина дома, его чопорность.

Далее по тексту следует описание костюма профессора, в котором он предстает перед нами в рабочем кабинете: *a professional looking frock-coat with a white linen collar and black silk tie* (22). Описание одежды персонажа свидетельствует о его принадлежности к высшему

Shaw, B. *Selected Plays*. — М.: Менеджер, 2006. Здесь и далее текст пьесы на английском языке цитируется по этому изданию. Цифра в скобках после приведенной цитаты указывает на номер страницы в этом издании.

классу общества. Однако впечатление от облика благородного джентльмена портится из-за продемонстрированного им поведения по отношению к девушке, пришедшей не по приглашению:

HIGGINS. Pickering, shall we ask this baggage to sit down or shall we throw her out of the window (26)?

Профессор относится к цветочнице так, словно это была бы вещь, а не живой человек, на что указывает пренебрежительное употребление дейксиса лица (*this baggage*).

Узнав о том, что девушка растёт без присмотра родителей, профессор немедленно желает заняться экспериментальным трудом:

HIGGINS... Never lose a chance: it doesn't come every day. I shall make a duchess of this draggle-tailed gutter-snipe (29).

Эпитет *draggle-tailed* в сочетании с лексемой *gutter-snipe*, обозначающего ребенка из бедной семьи, который проводит большую часть своего времени на улице, усиливает сему «грязнуля» и эксплицирует высокомерное отношение профессора-белоручки к грубой уличной торговке.

Генри Хиггинс распоряжается поместить девушку в мусорное ведро, если никакого другого места в его доме не найдется. Возражения экономки миссис Пирс и полковника Пикеринга преодолеваются красноречивым оправданием героя:

HIGGINS (with professional exquisiteness of modulation). I walk over everybody! My dear Mrs. Pearce, my dear Pickering, I never had the slightest intention of walking over anyone. All I propose is that we should be kind to this poor girl. We must help her to prepare and fit herself for her new station in life. If I did not express myself clearly it was because I did not wish to hurt her delicacy, or yours (31).

Литота (*the slightest intention of walking over anyone*), повтор формул вежливости (*my dear, If I didn't express myself clearly it was because...*), литературное выражение (*to hurt smb's delicacy*) и особое интонационное оформление реплики (*exquisiteness of modulation*) помогают герою поддержать уверенность в престижности своего статуса.

В третьем акте профессор Хиггинс решает навестить свою мать, чтобы предупредить её о том, что к ним скоро придёт Элиза Дулиттл. Автор подробно описывает элегантное убранство дома Миссис Хиггинс. Здесь читатель знакомится с комнатой, обставленной просто и с тонким вкусом: *her room, which is very unlike her son's room in Wimpole Street, is not crowded with furniture and little tables and nicknacks (59)*. С помощью оппозиции Б. Шоу дает понять читателю, что в квартире мистера Хиггинса собрано слишком много ненужных вещей. Напротив, декор дома Миссис Хиггинс оказывается изысканно элегантным благодаря изысканной простоте: *too handsome to be hidden by odds and ends of useless things (59)*. Авторская ирония реализуется посредством конвергенции разнородных средств, наиболее яркими из которых можно

считать интенсификатор *too*, аллитерацию в лексемах *handsome u hidden*, ритмичной идиоме *by odds and ends*. О происхождении матери нам ничего неизвестно, за исключением одной детали, которая говорит, что с детства ей был привит аристократический вкус: *Mrs. Higgins was brought up on Morris and Burne-Jones (59)*. В данном случае речь идёт о художниках-прерафаэлиты У. Моррисе и Э. Бёрн-Джонсе (сер. 19 — конец 20 века), современниках миссис Хиггинс. Одухотворенная природа, изящные позы героев, застывшие в спокойном созерцании, на картинах прерафаэлитов воссоздают сцены библии, средневековых баллад, Шекспира, часто имеющие символическое значение. Тонкий художественный вкус матери служит профессору Хиггинсу образцом для создания новой герцогини. Образец идеальной женщины, живым воплощением которой служит мать учёного, столь высок и неоспорим, что когда у Элизы не получается усвоить урок, профессор обрушивается на неё со всей жестокостью.

Появление самого Генри Хиггинса у матери дома в приёмный день расценивается как знак неуважения. Оказывается, что сын своим поведением может опорочить мать перед гостями:

HIGGINS... I came on purpose.

MRS. HIGGINS. But you mustn't. I'm serious, Henry. You offend all my friends: they stop coming whenever they meet you (60).

Мать профессора напоминает сыну, что он является членом *Royal Society's soirées*, то есть является приглашенным на вечера, проводимые сообществом наиболее выдающихся учёных Соединенного Королевства, Ирландии и стран Содружества наций, что, однако, не производит на него желаемого воспитательного эффекта (65).

На посольском приеме профессор находится среди элиты общества, представителей которого он иронично именует *swells*. Посещение светского мероприятия не доставляет ему удовольствия, поэтому он весьма грубо отвечает на вопрос жены посла:

HOSTESS. How d'ye do, Professor?

HIGGINS. How do you do? Fearful bore for you this sort of thing. Forgive my part in it. (He passes on (82).)

В предложении *fearful bore for you this sort of thing* мы наблюдаем небрежную речь профессора, которая выражается в перестановке лексем и эллипсисе глагола *to be*, употреблении разговорного эпитета *fearful*.

Здесь же профессор встречает своего бывшего ученика, Непоммака, который стал знатоком европейских языков. Любопытен его комментарий, сказанный о сфере деятельности героя:

NEPOMMUCK. Ha ha ha! Oh, maestro, maestro, you are mad on the subject of cockney dialects. The London gutter is the whole world for you (83).

Повтор междометия и обращение к учителю как *maestro*, гипербола *The London gutter is the whole world* создают иронический контекст восприятия ремарки и намекают на то, что нравственная нечистоплотность героя соответствует специфическому роду его деятельности.

Придя домой после посольского приёма, Генри Хиггинс обнаруживает письмо от влюбленной женщины (*billet-doux*), помеченное особым символом (*coroneted*), означающим принадлежность к высшему сословию. Однако героя не интересует ни отношение, ни внимание со стороны высокой особы, поэтому он выкидывает письмо, не открыв конверта.

Приём в посольстве утомил Хиггинса, а обильное угощение за столом и общение со светскими дамами, привели героя в раздраженное состояние.

Профессор считает, что Элиза целиком обязана своим успехом ему. Он не задумывается над тем, где и как после эксперимента будет жить созданная им герцогиня. Девушка, для которой возврат к прошлой жизни теперь кажется унижительным, формулирует причину своих страданий:

LISA. I'm sorry. I'm only a common ignorant girl; and in my station I have to be careful. There can't be any feelings between the like of you and the like of me (93).

Ассоциативно-образный компонент значения лексем *the like of you and the like of me* разрастается благодаря прибавлению к коннотации «социальное положение» коннотации «моральный и нравственный облик», который усиливает различие между Элизой Дулиттл и Генри Хиггинсом.

Когда Элиза сбегает, Генри Хиггинс приходит к матери рассказать о случившейся беде. Вместе с полковником Пикерингом они обращаются в полицию, не догадываясь о том, что Элиза находится у неё дома. Курьезность обстоятельства усугубляется тем, что прислуга объявляет о прибытии неизвестного джентльмена. И тут профессор всерьез начинает думать, что у Элизы имеются благородные корни:

HIGGINS... By George, Pick, it's some relative of hers that she's gone to. Somebody we know nothing about. (To the parlormaid) Send him up, quick (100).

Если бы герой смог догадаться, что вновь пришедший джентльмен — отец Элизы, то он, вероятно, не пустил бы его в дом, считая, что приобрел права на девушку. Междометное восклицание *By George*, отсечение конца лексемы *Pick* передают возбуждение героя перед знакомством с родственником своей ученицы.

Профессор Хиггинс не ценит заботу Элизы по дому, проявляющуюся в стремлении отблагодарить его. Он желает кармического возмездия уличной цветочнице:

HIGGINS... Very well: be off with you to the sort of people you like. Marry some sentimental hog or other with lots of money, and a thick pair of lips to kiss you with and a thick pair of boots to kick you with (121).

Отграничение героя от людей подобных своей ученице выражается в употреблении повелительного наклонения (*be off with you*), наименовании таких людей как *the sort* и оскорблении её потенциального мужа, именуемого разговорным грубым словом *hog*, ритмичном ругательстве в форме синтаксического параллелизма, воссоздающего образ пошлого мужчины, не ценящего красоты (*thick pair*

of lips to kiss you with and a thick pair of boots to kick you with).

Элиза сообщает, что она собирается замуж за Фредди, чем вызывает у профессора сильное чувство ревности, ведь, по его словам, будущий жених не богат, не умен и не способен трудиться. Его неспособность к работе не огорчает Элизу, которая сама планирует обеспечивать мужа. Профессор приходит в ярость и эксплицитно выражает свое возмущение, когда бывшая ученица объявляет ему, что будет применять данные им знания, устроившись на работу к Непоммаку:

HIGGINS (rising in fury). What! That impostor! That humbug! That toadying ignoramus! Teach him my methods! My discoveries! You take one step in his direction and I'll wring your neck. (He lays hands on her.) Do you hear (122)?

Именно это заявление Элизы унизило Хиггинса, но заставило уважать её. Герой реагирует множеством восклицательных предложений, инвективами, использует в речи синонимический повтор (*impostor, hunbug*) и лексику с архаичным звучанием (*impostor, ignoramus*), имеющую латинские корни (*imponere, ignorare*). Для этого человека нет ничего дороже своих методов, науки о языке, которые всегда оказывались для него важнее, чем окружающие люди, особенно когда они стояли на более низкой социальной лестнице.

Итак, в ситуации ассиметричного общения персонаж употребляет множество восклицательных предложений и инвектив. Дейксис Генри Хиггинса по отношению к Элизе имеет пренебрежительное значение. Властный характер героя выражается в использовании повелительного наклонения. Образование и изворотливость ума профессора проявляются в его ораторском таланте, умении употребить аллитерацию, архаичную лексику, синонимические повторы, литературные выражения, формулы вежливости, полисиндетон, несколько придаточных в сложном предложении.

Манеры поведения героя и его моральный облик не соотносятся со статусом выдающегося учёного, профессора, представителя интеллигенции Англии. Независимые характеристики, а именно социальное и культурное происхождение, идущее от матери из благородной семьи, позволили Генри Хиггинсу дать хорошее образование, обеспечить его жизнь всем необходимым. Идеальный образ матери явился причиной высоких требований, выдвигаемых героем по отношению к женщинам, развил у него склонность к перфекционизму, стремление достичь совершенства. Если этого не получается, то герой становится жестоким. Среди независимых и усвоенных характеристик персонажа доминируют те, которые представлены средствами индикации его образовательного и профессионального статуса. Пренебрежительное отношение к окружающим людям связано с тем, что профессор больше всего заинтересован в науке о языке. Генри Хиггинс избегает светские мероприятия, не знает о чем поговорить с женщинами из высшего общества, не может найти

в этом обществе женщину, которая могла бы воссоздать идеальный образец его матери. Герой предпочитает гравюру живописной картине, суровость и строгость жизни светской лёгкости и беспечности.

Таким образом, исследование средств индикации социального статуса персонажа позволило выявить, с одной

стороны, важные аксиологические составляющие образа профессора Хиггинса, а, с другой стороны — причину возникновения конфликта в сюжете произведения. Столкновение двух персонажей из полярных социальных классов в контексте всей пьесы приобретает глубокое воспитательное значение.

Литература:

1. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст]/В. И. Карасик. — М., — 2002, — с. 6–10, 60 с..
2. Ржевская, А. А. Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта (на материале английской драмы): автореф. дис... канд. филол. наук [Текст]/А. А. Ржевская. — М., — 2014, с. 1–24.
3. Чижевская, М. И. Язык, речь и речевая характеристика (вопросы изучения речи персонажа) [Текст]/М. И. Чижевская. — М., — 1986, с. 6–17.
4. Shaw, B. Selected Plays [Text]/B. Shaw. — М., — 2006. с. 3–124.

Проблема телесности в романе Дж. Уинтерсон «Тайнопись плоти»: философский аспект

Хацкевич Татьяна Маратовна, соискатель
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Гендерная проблематика давно стала предметом междисциплинарных исследований в силу своей значимости для существования индивида. В связи с ней ставится вопрос о самоидентификации личности в социальном, национальном, философском плане. Одна из ключевых сфер, рассматриваемых в последние десятилетия — это сфера телесности, так как тело становится одной из значимых основ самоидентификации личности. В романе Дж. Уинтерсон «Тайнопись плоти» эта сфера становится основой проблематики, и на ее анализе мы сосредоточимся в нашей статье.

Ключевые слова: английская литература, постмодернизм, гендерная проблематика, «Другой/Иной», самоидентификация, телесность, Дж. Уинтерсон, «Тайнопись плоти/Письмена на теле».

The corporality question in Jeanette Winterson's novel «Written on the body»: philosophical aspect

T.M. Khatskevich

This paper deals with the analysis of corporality question because the body becomes one of the basic elements for person's identification. The gender problem is the subject of interdisciplinary research and the integral part of person's existence. That's why the identity question is raised in social, national and philosophical spheres.

Key words: English literature, Postmodernism, gender questions, personal identity, corporality, «Other», Jeanette Winterson, «Written on the Body».

В философии XX века человек выступает смысловым и целевым центром Универсума. Человек становится центральной проблемой философии. Исследователи обращаются к проблеме жизненного и культурного пространства человека (В.Б. Устьянцев), проблеме отчуждения человека в обществе (М.В. Шугуров), целостности человека (Н.А. Тельнова), специфике его личностного бытия (В.П. Барышков), телесность человека в западной

философской культуре стала предметом серьезного философского анализа (Д.В. Михель). В XX веке существенно расширилась проблемная сфера изучения человека, одной из таких сфер является сфера самосознания человека с точки зрения телесности. В З. Фрейд в своей работе «Я и Оно» рассматривает бессознательное как протяженность психики, то есть телесное. Телесное понимается как источник и поле бессознательного, а идеальное

является результатом социализации и социальной рефлексии. В психоаналитической психологии телесности занимает «патологический» контекст. Индивид пережитый опыт социализации преобразует в символическую форму. Согласно З. Фрейду образ Я находится в тесном единстве с телесными переживаниями («Я прежде всего телесно, оно не только поверхностное существо, но даже является проекцией некоторой поверхности»). Психические акты Фрейд выводит из биологической природы тела, обозначая значимость социальных связей и взаимодействия с другими людьми для психологического развития самого индивида. Фрейд подчеркивал важную роль тела как психологического объекта в развитии Эго-структур, а также в генезисе психопатологии, например, в развитии симптомов конверсионной истерии, где особенно важны телесные нарушения [1].

Впервые проблему телесности как социального бытия поставил Мишель Фуко в своих работах «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Его точка зрения заключается в рассмотрении социального как продолжении тела, так как восприятие окружающего мира происходит терминах телесности и посредством тела, в истории человечества тело функционировало как знак, объект манипуляции и как мишень власти. Воздействие на тело происходит исключительно через душу [2].

Гредновская Е. В. в своей статье «Дискурс как телесная практика» говорит о том, М. Фуко утверждает, что в XVIII веке произошла предельная патологизация женского тела: оно не стало ничем иным, как медицинским объектом. Для Фуко история женского тела — сексуальная дисциплина, целью ее исследования являлся анализ влияния власти не против, а через женскую сексуальность. То есть женская история в европейской культуре — есть история сексуальности, а вся история полов — история власти. В представлении Фуко тело является как объектом, так и субъектом знания, а «современной формой существования тела является форма, которую он обозначает как «послушное тело», функционирование которой определяется интенсивными нормами саморегуляции, самоуправления и самоконтроля» [3].

М. Фуко интерпретирует «тело как поверхность, на которой, прописаны социальные нормы и регулятивы», а предметом анализа является социальное, публичное тело. Данное понимание телесности дает возможность переосмыслить «онтологию репрессивных механизмов патриархальной власти в репрезентации женской субъективности», является одной из предпосылок зарождения суфражизма и феминизма [4].

Телесность, прежде всего женская, становится и предметом феминистских исследований. Феминизм стремится преодолеть бинарную картину патриархального мира и дихотомическое построение общественной теории, где женское воспринимается как негативное или упускается из вида. Проблема идентичности, в частности женской, стала одной из центральных. Феминисток беспокоит

«идентификация с точки зрения телесности, то есть как сущности женского пола, имеющего самостоятельное значение, а не способного самоопределяться только в терминах противопоставляющих мужское и женское». Так, Элен Сиксу (представительница феминизма) считает, что «осознание своей телесности и поиск своего либидо важны для самоидентификации любой женщины, которая должна нарушать границы мира, созданного мужчинами, и через осознание собственного тела как нестыдного и неограниченного, найти и понять свое Я» [5].

В настоящее время этой проблеме посвящено множество работ из самых различных сфер гуманитарного знания, например, взаимоотношения тела и души специально рассматриваются в многочисленных психологических исследованиях, в отдельную отрасль психологической науки достаточно давно выделилось изучение языка жестов, языка телодвижений (А. Пиз, Г. Вилсон, К. Макклафин), которые рассматриваются в качестве способа невербального общения. Современные психологи (С. С. Степанов, И. Сомоди, сестры Сорины, И. Н. Горелов, В. А. Лабунская, И. Д. Ладанов, В. А. Пронников) изучают «бессловесный язык» человеческого тела, частей тела, одежды, мимики, жестов, осанки, позы, почерка. Признаки внешности человека в систематизированном виде в целях его идентификации изучаются и в юриспруденции.

В частности, доктор философских наук Башкирского государственного университета Б. Г. Акчурин рассматривает телесность как форму проявления сущностных потенций человека. В своей книге «Человеческая телесность: трансцендентная сущность и социальные аспекты ее идентификации» отмечает, что «телесные атрибуты и метафоры имеют доминирующее значение в человеческой жизни». Данный факт он объясняет тем, что человек «не умея представить себе телесно неосознательное, как бы накладывает понятие телесности на явления нематериальные, духовные» [6].

С учетом этих аспектов интересно рассмотреть роман Дж. Уинтерсон «Письмена на теле» или «Тайнопись плоти», вышедший в свет в 1992 году («Written on the Body»). Предшественницей Уинтерсон, обращающейся к проблеме женской телесности (и гендера в целом) в области литературы является Моник Виттиг. Концепция гендерных отношений в современном обществе в интерпретации Виттиг имеет радикальный характер. Для данной последовательницы феминистических идей «пол — социальная роль, сопряженная с системой прав и обязанностей». В своих произведениях Моник Виттиг наделяет тело сакральным значением, мироощущение и восприятие женщины строится на чувственности, так, например, Рай в произведении «Вергилий, нет!», ассоциируется с полнотой телесных ощущений [7]. Произведение «Лесбийское тело» М. Виттиг близко «Письменам на теле» Дж. Уинтерсон созданной атмосферой возвышения женской телесности. Специфическое изображение телесности, заключается в возведении в ряды сакрального женского тела. Плотская любовь несет в себе выражение всего жен-

ского опыта. Несмотря на то, что любовь показана на пути от «тела к душе», автору удается передать важность и необходимость взаимного познания любящих, учета чувств, особенностей и желаний друг друга.

Произведение «Письмена на теле» находится в диалоге с библейской Песнью песней. Общим с данным произведением является тщательное исследование тела, мотив поиска возлюбленной. Чувство любви в начале является неуверенным, неопределенным, в конце становится явным и сильным. В тексте присутствует библейский мотив, встречаются цитаты, упоминаются благовония (ладан, мирра). Кроме того, произведение и в полемике, поскольку есть явный естественнонаучный уклон, Уинтерсон доказывает, что и ткани, и полости, а не только части тела могут быть предметом поэтизации. Центральным мотивом книги является тело, целая часть ее посвящена клеткам, тканям и полостям тела. Главный (ая) герой/героиня живет в потоке беспорядочных связей, и как следствие теряет смысл и уверенность в любви, появление единственной значимой женщины не устраняет неуверенность в чувствах, прячась за благородством самоустранения из жизни любимой во имя ее спасения. Главное действующее лицо романа начинает разбираться в своих чувствах и сожалеет о потере любимой. Название романа является метафорой, раскрывающей суть произведения, а именно невозможность забыть ощущения прикосновений (в том числе на уровне мышечной памяти) любимого человека, который пишет общую для возлюбленных историю, впечатывает свое присутствие в книгу жизни другого. Еще одним ярким примером обращения художественного текста данного произведения к телесности может служить цитата «когда-то и мне довелось поклоняться им; а теперь я здесь, со своим одиночеством, на камне, высеченном из моего собственного тела», воплощающая идею автора о безжизненности тела и одиночестве духа, лишившихся возможности любить.

Проблема человеческой телесности многоаспектна, ее можно структурировать по трем основным направлениям: изучение человеческого тела как биологического организма; «телесность» как экзистенциальный феномен, образующий один из параметров человеческой онтологии; тело как объект культуры, социокультурной реальности [8:6].

Первое направление исключает необходимость введения термина «телесность», так как остается в рамках классического физико-механистического подхода, где исключены вопросы о соотносительности в человеке его телесных и внетелесных качеств и свойств, в данном случае употребляется термин «тело».

Дж. Уинтерсон во второй главе произведения, названной «Клетки, ткани, системы и впадины тела», во-первых, использует именно термин «тело», во-вторых, предлагает читателю ознакомиться с краткими комментариями по каждой составляющей тела, то есть изучает как биологический организм. Кроме того, структурирование главы согласно составляющим тела, подразумевает «композиционную фигурацию» тела, которое, по мнению

В.А. Подороги, воспринимается всегда фрагментарно, подробно, однако живет образами целого [9].

Согласно пониманию «телесности» в парадигме неоклассической философии Ф. Ницше «тело как конфигурация потока становления само обладает, господствует над сознанием, создает его как одну из граней самовозрастания». Вслед за Ницше А. Бергсон пришел к мнению, что «тело есть, но мы переживаем его изменения, «жизнь» изнутри, и пока оно есть, существует, оно является лишь телом, которому мы принадлежим и которым мы обладаем» [8:9]. Уинтерсон раскрывает зависимость от состояния тела через заболевание раком. Автор подчеркивает невозможность решения проблемы орудием ума «Он [врач] считал генную терапию наиболее вероятным решением проблемы [рак] для тела, взятого в плен самим собой... Преданное тебе тело совершило ошибку», если само тело не начнет выздоравливать, то помощи ждать не имеет смысла [10].

Для устранения зияния между телом и сознанием, между живым телом и мыслью о нем, философы-экзистенциалисты включили в дискурс понятие «телесности», а также синонимический термин «живое тело», «плоть», обозначающие факт непосредственного телесного бытия, присутствие человека в собственном живом теле [8:10]. Необходимо пояснить, что для других философов термины имеют иные определения, например, Н. Бердяев определяет «плоть» как материальный состав, строительный материал [8:40]. Уинтерсон не отрицает строительную функцию, кроме того, она даже сравнивает тело с домом, который является временным вместилищем, однако при этом подчеркивается единство и цельность всех отдельных составляющих, с их обязательной ценностью (в отличие от Бердяева). Для автора актуально бережное и трепетное отношение к каждой клетке, составляющей тела, так как оно создает необходимое (несмотря на то, что временное) «хранилище» души, личности. Кроме того, тело имеет характеристики, привлекающие первоначально до познания души, и определенные физиологические функции, которые важны для автора в целостности объединения качеств.

В постмодернизме телесность становится знаком подлинного присутствия, «исходной формой явления человека миру», «одним из компонентов человеческой онтологии», а тело — условие присутствия в мире. Исходя из категории «интенциональности» Э. Гуссерля М. Мерло-Понти пришел к выводу о том, что телесность побуждает человека к взаимодействию с миром. Тело одновременно и видящее, и видимое. Первичный телесный образ возникает, сталкиваясь с другими телами, пространственными вещами, которые воспринимаются благодаря пограничному чувству «бытия в» и «обладания» телом. Подход к проблеме логически приводит к учению Ж.-П. Сартра о познании границ и пределов собственного восприятия через Другого, то есть на первый план выходит процесс идентификации. Самоидентификация возникает через телесное самочувствие, происходит осознание себя как отдельного индивида от всего остального мира [8:13].

Для Уинтерсон проблема идентификации является ключевой, имеющей отражение практически во всех произведениях. Она исследует различные способы идентификации и воплощения Другого. Автор воплощает данную концепцию с помощью постановки проблемы главного (ой) героя/героини — неуверенность в выбранной спутницы жизни с точки зрения собственного отношения к ней. Мысленное «переживание» возможной раковой болезни девушки вводит в эмоциональное состояние, в котором герой/героиня узнает о собственных тревогах и чувствах. Интеграция «Я» приходит через самопознание через Другого. Любовь как форма телесности позволяет человеку раскрыться полностью. Э. Фромм полагает, что «любовь — это объединение с кем-либо или чем-либо вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного «Я»», то есть проявление идентификации «Я». Уинтерсон в данном произведении происходит «исследование как своего физического «я», так и «я» влюбленного, «я», чувствующего все, что происходит вне его. Ведь когда влюбляешься в человека, это неразрывно связано с твоим телом...И в то же время это неразрывно связано и с телом другого. Именно так между вами впервые устанавливается настоящая связь... Тем самым рушится твоя обычная, эгоистическая, определенная, замкнутая на самом себе жизнь». Согласно постмодернизму телесность «вписана» в культуру, она присваивает семантический механизм различных культурных дискурсов и потому артикулируется как сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов («социальное тело» у Ж. Делеза и Р. Гваттари, «текстуальное тело» у Р. Барта, «повседневное тело» в культурной антропологии, «политическое тело» у М. Фуко) [8:21].

Уинтерсон воплощает данную концепцию в более узком смысле, хотя и использует мотив власти. Так, например, одна из девушек героя/героини заявляет, что тело принадлежит ей: «Когда мы расстались, мне захотелось получить назад свои письма. «Твои авторские права, но моя собственность» — как она сказала. То же она говорила о моем теле» [10]. Тело включается в мир культуры, так как оно начинает выполнять социальные функции, используется в различных видах человеческой деятельности. Тело и телесность находятся в ценностном взаимоотношении. Можно быть собственником своего тела, но в то же время не являться собственником его ценности, если не присуще использование телесных сил и способностей, чтобы добиться еще большего их развития [6:104–105].

С.Л. Франк в работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» обосновывает тезис о душевно-телесности человека. Тело без души и наоборот равнозначно смерти, живой человек-цельность, он душетелен. Он рассуждает о временной связи души с телом: «наша молодость — не только физическая, но и душевная — быстротечна, наше вдохновение, любовь и ненависть, страдание и радость — все проходит, все становится тенью прошлого, и мы безвозвратно, роковым образом старимся

не только телом, но и душой» [11:65–66]. Л.П. Карсавин отстаивает мысль о том, что личность представляет собой конкретно-духовную, «телесно-духовную» определенную сущность, уникальную, незаменимую и многостороннюю в своем роде [6:136].

Именно данная концепция душестелесности и неразрывной временной связи между ними наиболее близка Уинтерсон. Такое видение проблемы озвучивает автор в интервью: «...я не хочу жить лишь в своем сознании, я хочу жить в себе целиком. Отсюда вполне реальная связь со своим физическим «я». Помимо всего прочего это «я» стареет, разрушается; придет время, и это «я» окончательно сдаст и перестанет существовать...Мне нравится, что дом этот — временный; в конце концов, все дома временны» [12:316–317]. Здесь можно проследить связь и с философской мыслью Древнего Китая. Человек «Дао» не пользуется отдельными органами чувств, а воспринимает мир всем своим телом, существом [6:24].

Современный исследователь проблемы телесности С.В. Фролова прослеживает зависимость особенностей различных уровней и соответствующих им форм телесного бытия от особенностей той системы, в которой происходит социализация индивида, развитие его личностного потенциала. «Человек любящий всем своим бытием, утверждает принципиально иной тип, способ телесного бытийствования. Телесное, плотское вертикально возносится до горизонта духовного бытия, что, безусловно, предполагает определенное «искусство» любви, те есть духовное усилие со стороны любящих». Таким образом, любовь рассматривается в качестве *формы телесности*, является проявлением личностного потенциала. В. Розин в книге «Природа любви» говорит о «выращивании» влюбленными в своей телесности органов любви (ласка, нежные чувства), те есть происходит реализация культурного концепта [6:178–181]. Таким образом, произведение Уинтерсон содержит не только описание состояния реального живого тела, но и описание «рождения тела любви» (анализу которого в литературе, согласно Акчуруну, в последние годы посвящено много работ).

Несмотря на то, что основная идея Уинтерсон лежит в плоскости определения телесности как целостности тела и духа, в котором ни одно не подавляется другим, можно проследить философские мысли различных направлений. Являясь центральным мотивом, «тело», так или иначе, появляется в разнообразных вариациях. Описание любовных взаимоотношений, как правило, сопровождается словом «плоть» («Наши короткие дни и еще более короткие часы — это наши маленькие подношения богу, которого не ублажит и сожженная плоть... Она не шелестела, но ее плоть была как лунная тень серебристой березы»). Термин «тело» возникает в нейтральном контексте и в биологическом значении при описании заболевания и самого тела, кроме того, возникают однокоренные термины медицинского происхождения (кровяные тельца). Несмотря на то, что текст полон развёрнутых описаний не только внешности, но и частей тела

возлюбленной (Луизы), особенностей ее тела, например, шрама, акцент ставится на том, что не только тело важно для героя/героини: «Я хочу не только плоть Луизы, я хочу ее кости, ее кровь, ее ткани, те сухожилия, которые связывают ее вместе. Я буду крепко держать ее в объятиях, даже если время сотрет и оттенок, и текстуру ее кожи. Я смогу держать ее тысячу лет, пока сам скелет не превратится в пыль. Кто ты, заставляющая меня чувствовать это? Кто ты, для кого время не имеет значения?» [10]. В финале произведения герой/героиня готов (а) принять любимую и в момент разрушения тела, тем самым показывая не исключительный интерес к телу, а именно единству тела и души. Тревогу вызывает не болезненное изменение тела, а именно его потеря, и как следствие связи с душой любимой.

Произведение Уинтерсон, по-моему, отражает идеи различных философских концепций, изучающих единство или разрыв духа и плоти, указывая при этом на связь

философии и других наук. Однако будучи автором-постмодернистом, она ставит во главу постструктуралистско-постмодернистскую доктрину, в которой происходит теоретическое «сращивание» тела с духом, постулатом которой является неразрывность чувственного и интеллектуального начал. Приверженность автора к данному направлению объясняет введение телесности через тему любви: сознание находится вне власти волевого и рационального начал, происходит «растворение» автономности и суверенности в «актах чувственности» (тенденции, повлекшие принцип телесности в постмодернизме) [13:298–303]. Любовь, в данном случае, представляет собой некое раздвижение границ, высвобождение женского желания. Плотское обретает сакральный смысл благодаря полному познанию тела и духа, готовности при необходимости отдать плоть и кровь, несмотря на страдающее мученическое женское тело возлюбленной (при подтверждении диагноза).

Литература:

1. Самозванова, Е. А., Андропова Л. О. Проблема телесности в истории психологии URL: <http://rae.ru/forum2012/pdf/3205.pdf>
2. Соколова, Д. М. Телесность как субстанция социального. Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Серия Философия. Психология. Педагогика, вып. 1 с31–34 URL: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/2012-1-9.pdf>
3. Гредновская, Е. В. Дискурс как телесная практика. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106), с. 117–121 URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=10435839>
4. Евсеева, Л. В. Телесность как топология женской субъективности Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. с. 29–36. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15223506>
5. Агафонова, Е. Е. Динамика представлений о женской самоидентификации: от модернизма к постмодернистскому феминизму. Вестник РУДН. Серия Социология, 2009, № 3 с. 13–19 URL: <http://elibrary.ru/download/94499642.pdf>
6. Акчурин, Б. Г. Человеческая телесность: трансцендентальная сущность и социальные аспекты ее идентификации/Б. Г. Акчурин; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отд-ние социал. наук. — Уфа: Гилем, 2005. — 254 с.; 21 см. — Библиогр.: с. 226–254
7. Ватолина, Ю. В., Кребель И. А. Коммуникация и ее социокультурные модели: на примере работ М. Виттиг, В. Бен-ьямина, Ж. Бодрийяра Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 3–4. с367–375 URL: <http://elibrary.ru/download/78502175.pdf>
8. Иванов, А. А. Телесность в пространстве культуры: культурологические и философские аспекты изучения тела в культурно-историческом процессе: учебное пособие/Ант. А. Иванов; М-во образования Рос. Федерации, Федер. агентство высш. образования, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Комсомольский-на-Амуре гос. техн. ун-т». — Комсомольск-на-Амуре: Редакционно-издательский отдел Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», 2010. — 103 с.; 20 см. — Библиогр. в конце гл.
9. Чеснов, Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание/Я. В. Чеснов; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. — Москва: ИФ РАН, 2007. — 210, [3] с.; 17 см. — Библиогр. в примеч.: с. 204–211
10. Уинтерсон Дж. Письмена на теле. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/WINTERSON/dnevnik.txt>
11. Маслов, Р. В. Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты/Р. В. Маслов; под ред. д. филос. н., проф. С. Ф. Мартыновича. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — 200, [1] с.; 21 см
12. Александров, Н. Д. Тет-а-тет: беседы с европейскими писателями/Николай Александров. — Москва: Б. С. Г.-пресс, 2010. — 415 с.: портр.; 21 см
13. Ильин, И. П. Постмодернизм: словарь терминов/Илья Ильин; Рос. акад. наук, ИНИОН. — Москва: INTRADA, 2001. — 384 с., [8] л.: ил.; 21 см. — Библиогр.: с. 356–369. — Имен. и предм. указатели: с. 370–382

Черты ренессансной новеллы в новеллах У.С. Моэма (на материале сборника «Космополиты»)

Чивильгина Елена Андреевна, аспирант

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Рассматривается влияние новеллы эпохи Возрождения на английскую новеллу XIX–XX вв. на примере творчества У.С. Моэма. Писатель использует типичные для ренессансной новеллы образы и мотивы, перерабатывая их в реалистическом ключе.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, новелла, новеллистическая сказка, жанровые модификации.

Жанр новеллы существовал на протяжении практически всего литературного процесса, актуализируясь в разных формах сообразно историческим эпохам и их нуждам. Литературный процесс непрерывен, и литературные направления, сменяясь, перенимают друг у друга некоторые черты и традиции, трансформируя их и преподнося в новых формах. Не менее важно и то, что литературный процесс является отражением человеческой жизни, движения мысли в направлении, подсказанном ноосферой. В ходе исторического процесса жанр новеллы претерпевал изменения, появляются более сложные жанровые формы, например, психологическая новелла, вариации которой можно встретить в творчестве Кэтрин Мэнсфилд. Тем не менее, многое в современную новеллу, в том числе английскую, пришло из ранних форм — новеллистической сказки (протоновеллы) и ренессансной новеллы. Классические персонажи (мудрец, плут, хитрая женщина) и сюжетные ходы (супружеская измена, неожиданный поворот судьбы), позаимствованные оттуда, модернизировались, переосмысливались сообразно духу времени.

Искусство эпохи Возрождения оказало существенное влияние на творчество Сомерсета Моэма. Так, например, Моэм вдохновился на написание романа «Узорный покров» («The Painted Veil», 1925), благодаря «Божественной комедии» Данте, о чем и упоминает в предисловии к тексту. Влияние ренессансной эстетики коснулось и новеллистики писателя.

Моэм писал «short stories» — новеллы и короткие рассказы — на протяжении всей своей жизни (первый изданный сборник рассказов — 1899, последний, в соавторстве — 1952). Возможно, именно поэтому они крайне разнородны. В отличие от более строгих в построении романов, малые прозаические формы стали для Моэма областью непрекращающегося творческого поиска и, нередко, проб пера. Как истинный художник, писатель постоянно стремился к новому звучанию. Так, жанр травелога, находящийся на стыке литературы и публицистики и представляющий собой автобиографический рассказ о путешествиях, обыгрывается им в сборнике новелл «Космополиты» («Cosmopolitans: The very short stories», 1936). Оригинальное англоязычное название содержит акцент на необычности жанра входящих в сборник историй (не «короткая история», а «очень короткая история»), ко-

торый утрачен при переводе. «Очень короткая история» (very short story) — это, по сути, та же «short story», ее фабула строится по тем же канонам, в ней может присутствовать пуант (поворотный пункт, который полностью меняет восприятие сюжета читателем), однако она максимально упрощена, лишена длинных описаний, возможно, даже некоего дополнительного «погружения» в ситуацию. Все это (включая наличие композиционного поворота) роднит «очень короткую историю» с бытовым анекдотом и новеллистической сказкой, лежащими у истоков ренессансной новеллы.

В предисловии к «Космополитам» У.С. Моэм размышляет на тему того, как нужно писать новеллы. По его мнению, главное в художественном произведении — способность заинтересовать читателя, развлечь его, а, как отмечает Н. Меднис, занимательность крайне важна для новеллы Возрождения [1].

Монография Мелетинского «Историческая поэтика новеллы» [2] дает детальное представление о ренессансной новелле. Новелла эпохи Возрождения черпает свои образы из фольклора. В ней возникают те же смекалистые женщины, которые могут запросто обвести мужчину вокруг пальца, и хитрецы, напоминающие героев пикарески. Все они показываются подчеркнуто «снаружи», потому что для произведения важно не глубинное понимание их поступков, которое придет в литературу позже, в эпоху психологизма, а юмор, так называемая «соль» ситуации. Неудивительно, что и у Моэма мы находим обращение к корням: в его новеллах воспевается телесная, «мирская» природа человека, а колкая ирония автора делает тесты поучительными, но никогда — морализаторскими.

Так, например, тема «хитрой женщины, которая может получить все, что захочет» обыгрывается Моэмом в новелле «Завтрак» («The Luncheon»). Несмотря на то, что образ героини выглядит ренессансным — она добивается от главного героя приглашения на ленч в один из самых дорогих ресторанов в округе, а уж там ни в чем себе не отказывает, прикрываясь «хорошими манерами» и тем, что она «никогда не ест больше одного блюда» [4, с. 51], — Моэм раскрывает его необычным образом. Новелла написана от первого лица, но герой-повествователь сообщает о себе факты, позволяющих заподозрить в нем

самого Моэма: он упоминает, что в прошлом жил какое-то время в Париже, писал книги. Подобные автобиографические детали приближают новеллу к травелогу, но представленный в ней женский образ позаимствован из ренессансной новеллы или новеллистической сказки. Тем не менее, в классической новеллистической сказке хитрая женщина отбыла бы со свидания, оставив своего спутника в дураках и не поплатившись за издевательства над ним, тогда как Моэм замыкает композицию «Завтрака», делая ее кольцевой, и вводит мотив воздаяния: «И вот он, настал час отмщения. Вообще я не считаю себя человеком мстительным, но когда в дело вмешиваются бессмертные боги, простительно созерцать результат с чувством злорадного удовлетворения. Сегодня эта дамочка весит двадцать один стоун» [4, с. 55]. Характерно, что наказание героини связано с обжорством. Это наводит на мысль об аде Данте, где мучения каждого грешника после смерти предопределялись тем, что он сделал при жизни.

Патриархальная трактовка женщины как «сосуда зла», свойственная переходному периоду между средневековьем и эпохой Возрождения, находит новое звучание в творчестве У.С. Моэма благодаря его женоненавистническому настрою. После неудачного брака с Сири, который «был браком по расчету для обеих сторон» [3, с. 163], писатель все чаще обращается к образам жестоких, равнодушных, эгоистичных женщин, разрушающих жизнь мужчин, — так называемых «злых жен». В сборнике «Космополиты» подобные персонажи встречаются в новеллах «Сон» («The Dream»), «Луиза» («Louise»). В последнем случае Луиза — притворщица, внушавшая всем, что очень больна, чтобы манипулировать ими, испортила жизнь не только двум своим мужьям, но и дочери. Ее ложь очевидна лишь для героя-повествователя.

Хитрым и коварным женщинам противопоставляются ловкие работяги, которые не обделены фантазией и могут выпутаться из сложной ситуации, но при этом всего добились сами. Так, в новелле «Помощник викария» («The Verger») рассказывается история помощника викария Альберта Эдварда Формэна, которого лишили должности при церкви Святого Петра, потому что он не умел ни читать, ни писать. После этого он захотел покурить, чтобы развеять тоску, но не смог найти поблизости ни одной лавки, где бы торговали сигаретами. Это навело Формэна на мысль открыть собственный магазин, что он и сделал, а через какое-то время стал владельцем целой торговой сети. Новелла заканчивается разговором Формэна с управляющим банка. Бывший помощник викария признается, что не знает грамоты, но именно на этом и стоит его коммерческий успех, ведь если бы он умел читать и писать, то до сих пор бы работал в церкви и жил в бедности. Новеллы, в которых купцы или работники хитростью и упорством справляются с неудачами и в результате получают крупное материальное вознаграждение, характерны для периода Ренессанса; обычно в основе сюжета таких новелл лежит противостояние умельца с хозяином

или чертом [2]. Моэм переосмысливает мотив противостояния: в его текстах работнику приходится иметь дело лишь с жизненными обстоятельствами.

Е.М. Мелетинский отмечает, что отсутствие фантастического элемента — «характерный, но не необходимый признак новеллистического повествования» [2, с. 5]. Это связано с тем, что в новеллистической сказке, в отличие от волшебной, герои вынуждены полагаться не на волшебных помощников и вмешательство высших сил, а на собственные умения и личностные качества, главным образом на ум и хитрость. Сомерсет Моэм нечасто вводит в повествование фантастический элемент. В новелле «Божий суд» («The Judgement Seat») он реализуется за счет того, что ее события разворачиваются в загробном мире, у трона Царя царей. Три души умерших людей ожидают суда Всевышнего. Это супружеская чета, Джон и Мэри, а также юная Рут, которая стала истинной любовью Джона. Тот, однако, к тому времени уже был скован узами брака, так что влюбленным пришлось приложить множество усилий, чтобы не дать своей страсти вырваться на свободу. В итоге, они оставались несчастными до конца своих дней: Рут стала черствой и жестокой, Джон — мрачным и раздражительным, а его жена Мэри — желчной и сварливой. Интересно, что у Боккаччо в сборнике новелл «Декамерон» настоящая любовь всегда сильнее смерти, однако у Моэма эта установка заменяется более прозаической, и жизненные обстоятельства оказываются сильнее любви.

Бог, выслушав историю несчастной троицы, уничтожает страдальцев, потому что, по его мнению, тот, кто потратил впустую шанс обрести счастья, не достоин ничего другого. Мотив супружеской неверности, традиционный для новеллистической сказки, трансформируется под влиянием христианских ценностей, однако в финале новеллы автор отказывается и от них, вкладывая в уста Бога слова: «— Я часто удивлялся, почему люди полагают, будто я придаю столь важное значение беспорядочным половым связям. <...> Если бы они внимательнее читали мои произведения, то увидели бы, что из всех человеческих слабостей именно к этой я всегда относился с пониманием» [4, с. 117]. Возникает в новелле и образ мудреца-философа, беседующего со Всевышним на равных. Бог при этом выступает не просто персонификацией высших сил, его образ очеловечивается (через использование разговорной лексики: «Катитесь к дьяволу» — эти слова уже крутились на языке Всевышнего» [4, с. 116]), тогда как философ поднимается до уровня того, кто готов вершить судьбы. Подобная интерпретация отношений между божеством и человеком также соответствует культурно-эстетическим установкам эпохи Возрождения.

В новелле встречаются отсылки к библейским историям («Боролись с грехом столь же яростно, как Иаков боролся с ангелом Божьим» [4, с. 115]), мифам Древней Греции и образам Данте («Любили как Дафнис и Хлоя, как Паоло и Франческа» [4, с. 114]). Подобное совмещение разнородных реминисценций создает особый ренессансный

флер, ведь, как известно, в эпоху Возрождения произошла реабилитация античной культуры, но, вместе с тем, влияние церковной схоластики было еще сильно.

Таким образом, Сомерсет Моэм в своем новеллистическом творчестве обращается к темам, мотивам и образам, свойственным новелле эпохи Возрождения, но перерабатывает и подчас «разрушает» их, чтобы придать им совре-

менное звучание. Например, тема вечной любви заменяется темой любви, не выдержавшей жизненных перипетий. Классические герои ренессансной новеллы: злые жены, ловкие умельцы, мудрецы, — в творчестве У.С. Моэма достаточно узнаваемы, но мотив противостояния все чаще реализуется не за счет столкновения двух героев, а через борьбу героя с неблагоприятными обстоятельствами.

Литература:

1. Меднис, Д. Ренессансные новеллистические традиции в «итальянских» произведениях Ю. Буйды // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4.
2. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.
3. Морган, Т. Сомерсет Моэм: Биография. М.: Захаров, 2002.
4. Моэм, С. Космополиты. М.: АСТ, 2009.
5. Хлодовский, Р. И. Декамерон. Поэтика и стиль. М.: Наука, 1982.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Определение поведенческих характеристик и характера бабы (женщины) посредством контекстуального анализа газетного подкорпуса НКРЯ

Аверкова Ольга Владимировна, старший преподаватель;

Пачина Елизавета Владимировна, студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

На сегодняшний день слово «баба» представляет широкий интерес для тех, кто интересуется этимологией и семантикой данной лексемы.

Так, количество запросов «баба» в поисковой системе Google от 26 июля 2015 года — более 17 млн. вариантов. В системе Яндекс — более 48 млн. В социальной сети «В контакте» найдено 173695 видеофайлов, 297506 аудиозаписей, 19687 сообществ, 19271641 новостей, содержащих субстантив *баба* в своих названиях. 6936 человек выбрали слово «баба» в качестве имени или никнейма.

Лексема *баба* также исследуется в трудах Е.А. Аносова, С.Ц. Дашиевой, Т.А. Денисовой, М.С. Досимовой, О.В. Комкова, И.В. Лифановой, О.В. Ломакиной, А.Н. Махмутовой, В.С. Самариной, К.В. Скобелева, Е.О. Цалко, Т.С. Чеховой и др.

В вышеуказанных работах рассматриваются следующие аспекты изучения лексемы *баба*:

— стилистическая окраска лексемы *баба*: большинство исследователей отмечают, что слово *баба* в некоторых случаях обладает негативной оценкой (М.С. Досимова, А.Н. Махмутова, Т.С. Чехова);

— использование концепта *баба* в разных культурах: в своей работе М.С. Досимова произвела сопоставительный анализ концептов *женщина/баба, эйел/катын* в русском и казахском языках. В результате исследования выяснилось, что в русском языке концепты *женщина* и *баба* являются разными, т.к. обладают антонимичными когнитивными признаками с противоположной оценочностью (*женщина* — красивая, умная; *баба* — некрасивая, глупая), а *эйел* и *катын* в казахском языке — один и тот же концепт. В обоих языках данные лексемы включают национальную специфику восприятия мира [30, эл. ресурс];

— сопоставление концептов *баба* и *мужик*: для русскоязычной культуры характерно противопоставление мужского и женского, которое отражается в использовании концептов *мужик* и *баба* (в данном случае авторы рассматривают именно значение «женщина вообще») (Е.А. Аносов, О.В. Комкова, Т.С. Чехова);

— *баба* как ключевое слово-репрезентант понятия «женщина»: данная лексема является ядерной для кон-

цепта «женщина», однако оно обладает более высокой стереотипностью и оценочной коннотацией (Т.А. Денисова, М.С. Досимова, А.Н. Махмутова);

— *баба* как термин родства: ученые-нелингвисты дают очень интересные характеристики термина родства «баба», но при этом употребления самой лексемы избегают, заменяя ее синонимами или дериватами (Т.А. Агапкина, Н.А. Араловец, В.Б. Безгин, Ю.М. Гончаров, Т.А. Денисова, И. Савкина, Т. Трохина, П.П. Щербинин).

Работы, посвященные изучению поведения и характера *бабы*, нам не встретились. Так как данная лексема широко используется представителями современного общества, исследование особенностей поведения и характера *бабы* на основе газетных источников представляется нам актуальным.

В ходе анализа 391 лексикографического источника нами было выделено более 80 значений у слова «баба». Значение «женщина вообще» было зафиксировано в 59 словарях.

Объектом исследования настоящей статьи стало значение «женщина вообще». Для того чтобы определить частотность употребления данного слова в этом значении мы обратились к Национальному корпусу русского языка (газетному подкорпусу). Нами было отобрано 1133 примера из источников, датированных не ранее, чем 1980 годом, ввиду того, что нас интересует современное состояние языка. В результате анализа всех примеров мы установили, что в 232 примерах лексема «баба» употреблена в значении «женщина вообще». Для того чтобы определить, какие из них соответствуют данному значению, и отделить их от других значений, был проведен анализ микроконтекста.

Например:

1. «— С отцом он так и не виделся, — поправляет синенький платочек *баба Катя*» [95, эл. ресурс]. В данном случае мы выбирали между двумя вариантами: 1) женщина вообще и 2) старая женщина. Благодаря микроконтексту мы поняли, что данный пример соответствует значению 2.

2. «Он еще не говорит, за исключением нескольких слов — «мама», «папа», «*баба*»» [29, эл. ресурс].

В этом случае мы выбирали между значениями 1) женщина вообще и 2) бабушка (родственница). По микроконтексту также понятно, что речь идет о термине родства.

3. *«И тут баба, сидевшая в такси, набросилась на мою дочь и стала избивать...»* [86, эл. ресурс]. Из данного примера совершенно очевидно, что лексема *баба* используется в значении «женщина вообще».

Однако нам также встретились спорные случаи употребления слова *баба*, для установления значения которых нам пришлось обратиться к макроконтексту.

Например:

1. *«И баба для них была символом независимой от власти жизни и, значит, формой протеста»* [9, эл. ресурс]. Для того чтобы установить значение данной лексемы мы обратились к макроконтексту: *«Началось все примерно с Пушкина. Который был натуральным интеллигентом. Вместо царя-батюшки истово любил женщин. Кстати, советские интеллигенты также часто этим отличались. Некоторые достигли истинных высот. Я бы сказала, что настоящие вдохновенные бабники сошли на нет вместе с интеллигенцией. Они могли уложить даму без всякого ресторана. Просто поболтав. И баба для них была символом независимой от власти жизни и, значит, формой протеста»* [9, эл. ресурс]. Исходя из анализа макроконтекста, мы приняли решение, что лексема используется в значении «женщина вообще».

2. *«Гляжу — мой Развоняй бабу с лежанки поднял. Поднялась баба с лежанки и бежит. Я за ней, по Развоняеву голосу. Час бежит, два, устала баба... В общем, с той охоты я к жене с бабой пришел»*. [88, эл. ресурс]. В данном примере мы также обратились к макроконтексту: *«Собака у меня что надо! След — на раз берет! В любую погоду, в любом лесу обязательно на баб выведет... Как-то раз иду я по берегу реки. Гляжу — мой Развоняй бабу с лежанки поднял. Поднялась баба с лежанки и бежит. Я за ней, по Развоняеву голосу. Час бежит, два, устала баба...»* В общем, с той охоты я к жене с бабой пришел. Пальто с нее содрали, жене шубу справили» [88, эл. ресурс]. Макроконтекст помог нам установить, что данная лексема используется в этом случае в значении «женщина вообще».

3. *«Мы все вставали в кружочек, рядом Станислав Львович кричал традиционное: «Баба сеяла горох!»* [12, эл. ресурс]. В данном случае нам пришлось выбирать между значениями «женщина вообще» и «жена». Мы вновь обратились к макроконтексту:

«— Болото очень коварное, — это Ирина Шевчук. — Мы должны были идти по указателям, но постоянно оступались — сапоги увязали. Ольга Остроумова сошла с тропы и тут же попала в трясины. Пришлось ее вытягивать из болота. Это было страшно!

Ирина Долганова:

— А каждый день начинался у нас одинаково. Мокро, грязно, противно. Мы все вставали в кру-

жочек, рядом Станислав Львович кричал традиционное: «Баба сеяла горох! Ух! Пошли!» И — понеслось...» [12, эл. ресурс].

После ознакомления с макроконтекстом было выявлено, что данный пример — отрывок из детской считалочки (к макроконтексту которой нам вновь пришлось обратиться). Лексема *баба* в ней употребляется в значении «женщина вообще», а не «жена».

В 106 примерах отражено поведение и/или характер *бабы*. Для определения поведенческих характеристик авторы данной статьи выбрали следующую типологию: 1) «какая + баба» и 2) «баба + что делает».

Например:

1. *«...баба за рулем — обезьяна с гранатой»* [62, эл. ресурс].

2. *«А то, что у Николая богатый внутренний мир, это баба не понимает»* [20, эл. ресурс].

Были проанализированы примеры из газет «Комсомольская правда», «Труд-7», «Известия», «Советский спорт», «РИА Новости».

Когда мы даем оценку поведения человека, зачастую мы обращаем внимание на его взаимоотношения в обществе в целом и с определенными людьми, играющими немаловажную роль в его судьбе, в частности. Как в общественной, так и в личной жизни отношения могут быть основаны на принципах равноправия или подчинения. В случае подчинения нас интересует, какую роль выбирает себе объект изучения: роль раба или хозяина. При анализе межличностных отношений немаловажным фактором также является поведение лица с представителями противоположного пола. Иногда взаимодействие с противоположным полом может внести определенные изменения в привычный образ жизни. Так, например, можно привить себе привычки человека, с которым тесно общаешься долгое время. В общественной жизни немаловажным фактором является функциональность человека, отношение к труду, отношение к материальным ценностям. Все это может оказать влияние на темп жизни и речевое поведение человека.

Рассмотрим выделенные критерии поведения и характера более подробно:

1. **Властность/независимость vs. подчинение/зависимость.** Стремление женщин к власти и независимости обусловлено изменениями, как в экономической сфере, так и в социальной. Ввиду того, что женщины все чаще воспринимаются работодателями наравне с мужчинами, у них появилось больше возможностей для того, чтобы стать независимой (например, когда женщина занимает руководящую должность) [29, с. 455].

Например: *«...баба ... была символом независимости от власти жизни, ... формой протеста...»* [8, эл. ресурс]; *«...в состоянии сама заработать на жизнь...»* [80, эл. ресурс]; *«...хоть и баба, а с яйцами...»* [86, эл. ресурс]; *«...учит жить...»* [15, эл. ресурс]; *«...кажет баба небу х...»* [42, эл. ресурс]; *«...сама нанимает мужиков-работников...»* [35, эл. ресурс].

С другой стороны, женщины все также имеют обязательство перед мужчинами в кругу семьи. Распределение домашних обязанностей происходит неравномерно: большинство видов домашних работ (приготовление пищи, уборка, стирка и т.д.) по-прежнему выполняется женщинами [29, с. 414–416], например: «...уступчивая, неконфликтная...» [36, эл. ресурс]; «...тупо и послушно идет за писателем...» [36, эл. ресурс]; «заезженная баба» [24, эл. ресурс]; «...находится то под коровой, то под мужиком...» [24, эл. ресурс]; «...из дома, пинком под зад, вылетает в сугроб...» [2, эл. ресурс]; «...дополнительное животное в хозяйстве...» [35, эл. ресурс].

2. Поведение в отношении мужчины. Говорят, что сила женщины в ее слабости, что мужчины не любят сильных женщин. Неравноправие в гендерных отношениях определенно имеет место, что обусловлено исторически. Л.Н. Денисова отмечает несовпадение юридического и фактического статуса жены в семье. По документам женщины обладают теми же правами, что и мужчины, они могут самостоятельно зарабатывать деньги. Но домашнее хозяйство так и осталось полностью на плечах женщин, заработная плата женских профессий уступает мужским. Женщина начинает чувствовать себя «загнанной лошастью», при этом фактически не выходит из-под власти мужа. Рассмотрим примеры. Можно выделить следующие особенности поведения в отношении мужчины:

- имеет власть над мужчиной, сама делает выбор партнера: «В хорошего мужика баба мертвой хваткой впиается, а если отпустила в никуда, значит достал» [40, эл. ресурс], «...уйдет к другому самцу-олигарху» [51, эл. ресурс], «Не та баба страшна, что за х... держит, а та, что за душу держит...» [78, эл. ресурс].

- ищет партнера не моложе себя: «В деревне не принято, чтобы старая баба за молодого выходила» [71, эл. ресурс].

- проявляет глубину, но непостоянство чувств: «...Алла безумно любила Филиппа. Вообще баба влюбчивая» [71, эл. ресурс].

- любит ласку: «Баба — кошка. Кто погладит, к тому и ластится» [6, эл. ресурс].

- является сексуальным партнером для мужчин: «...за х... держит» [79, эл. ресурс]; «...разденется до гола...» [25, эл. ресурс]; «...должна нравиться мужикам...» [95, эл. ресурс]; «...зарится на мужчину...» [79, эл. ресурс]; «...даст...» [56, эл. ресурс].

- страдает от действий мужчины: «...под мужиком» [24, эл. ресурс]; «...ей муж изменяет» [14, эл. ресурс]; «...мужем битая...» [39, эл. ресурс].

Довольно часто **вредные привычки** обусловлены желанием женщин быть подобными мужчинам. Это так же связано с неравноправием двух полов. Во многих культурах женщинам было запрещено употреблять алкоголь, в то время как мужчины могли употреблять вино и другие спиртосодержащие напитки в умеренных количествах. Что касается табакокурения — «распространению табака

способствовала вера в его целебные свойства, а также мода на его употребление, которую ввели королевские особы» [81, эл. ресурс]. Рассмотрим примеры:

- употребление алкоголя: «...распивала коктейль из «колокольчика» и дешевой водки...» [80, эл. ресурс]; «...спилась...» [37, эл. ресурс].

- курение: «...попыхивает папиросой...» [86, эл. ресурс].

- обжорство: «...по ночам из-за дурного настроение глотает калорийные бутерброды...» [71, эл. ресурс].

4. В межличностных отношениях от партнера обычно ожидают **умение понять другого, доброжелательность, радушие**. Обладает ли баба всеми этими качествами? Чтобы понять, нужно уметь проводить анализ, критически мыслить, выстраивать причинно-следственные связи. Все это требует логических операций. Мужчины нередко полагают, что у женщин либо нет логики вообще, либо эта логика настолько непредсказуема, что ее стоит назвать «женской логикой». Неудивительно, что во всех проанализированных примерах не нашлось ни одного, где баба понимает что-либо или кого-либо, например:

- «...что у Николая богатый внутренний мир баба не понимает...» [20, эл. ресурс];

- «...не понимает своего счастья...» [56, эл. ресурс];

- «...ущербная баба с грубым лагерным голосом...» [38, эл. ресурс].

Но проницательность женщинам все же свойственна, только она обусловлена не мыслительным процессом, а чувственным восприятием мира. Она интуитивно знает, что происходит, что нужно окружающим. Рассмотрим примеры: «...баба сердцем чувствует...» [63, эл. ресурс]; «...приветливая, компанейская, всегда рада гостям...» [37, эл. ресурс].

5. При характеристике поведения человека в обществе важно соотнести его с моральными устоями и нормами, выработанными в ходе истории. Баба нередко не вписывается в рамки норм. Такое поведение часто является реакцией женщины на тяжелые жизненные ситуации. Некоторые случаи **неадекватного поведения** вызваны отчаянием или безысходностью. Необходимо также обратить внимание на то, что, даже подражая мужчинам в тех или иных поступках, баба старается оставаться женщиной. Рассмотрим примеры:

- намеренное причинение вреда/ущерба: «...неисправимая злостная кровососка...» [50, эл. ресурс]; «...кидает отраву в воду...» [16, эл. ресурс]; «...издевалась...» [66, эл. ресурс]; «...набросилась и начала избивать...» [85, эл. ресурс]; «...воровка...» [43, эл. ресурс].

- поведение за рулем: «...водит на каблучках...» [93, эл. ресурс]; «...красит губы, смотря в зеркало заднего обзора...» [93, эл. ресурс]; «...не ведет себя как мужчина...» [93, эл. ресурс]; «...баба за рулем — обезьяна с гранатой...» [64, эл. ресурс].

- отклонение в психическом состоянии: «...сбежала из сумасшедшего дома...» [33, эл. ресурс].

6. Одной из норм общества является **занятость** человека. Как видно из нижеприведенных примеров, баба взваливает на себя тяжелую ношу, выполняя одновременно и мужскую, и женскую работу. Тем не менее, она все равно остается недооцененной мужчиной. М. Е. Бландова в своей статье «О современном положении русской женщины» говорит, что, несмотря на то, что изменение экономических условий дало женщинам больше возможностей для профессиональной деятельности и роста, сфер, где они могут себя проявить по-прежнему мало (чаще всего женщины могут добиться успехов на руководящих должностях в области культуры, образования и медицины). С другой стороны, женщины-крестьянки ценятся мужчинами больше, так как они способны выполнять сложные виды работ. Мужчины считают их своими помощницами [11, с. 261–271]. Рассмотрим примеры:

а. Женские обязанности:

— растениеводство: «...сеяла горох...» [12, эл. ресурс]; «...со льном торопится...» [33, эл. ресурс]; «...грядки прополола...» [46, эл. ресурс]; «...находится на грядках с мая по сентябрь...» [59, эл. ресурс].

— животноводство: «...*(находится)* под коровой...» [24, эл. ресурс]; «...своих кур, коров, овец посчитала, записала...» [22, эл. ресурс]; «...с утра поросят накормила, сена накосила, коров подоила...» [46, эл. ресурс].

— домоводство: «...обращаться с домашней утварью...» [5, эл. ресурс]; «...воды натаскала, обед приготвила...» [46, эл. ресурс]; «...наберет полный кузовок дров...» [21, эл. ресурс]; «...подметает полы...» [52, эл. ресурс]; «...хозяйничает...» [1, эл. ресурс]; «...кормит...» [92, эл. ресурс]; «...мечется, развешивая белье...» [18, эл. ресурс].

— продолжение рода: «...рожала...» [17, эл. ресурс]; «...должна ежегодно рожать...» [45, эл. ресурс]; «...когда родит третьего...» [88, эл. ресурс].

б. Мужские виды работ:

— «...с отбойным молотком...» [13, эл. ресурс]; «...купит стройматериал самостоятельно...» [78, эл. ресурс]; «...могла легко тащить на спине деревянную шпалу или по четыре ведра воды разом...» [77, эл. ресурс]; «...мечется с молотком от мотора к рулю...» [59, эл. ресурс]; «...сама нанимает мужиков-работников...» [33, эл. ресурс].

с. Совмещение мужских и женских обязанностей:

— «...и лошадь, и бык, и баба, и мужик...» [3, эл. ресурс; 23, эл. ресурс; 48, эл. ресурс] — о женщине, вынужденной исполнять все мужские работы и вести домашнее хозяйство.

7. Отношение к материальным ценностям. Когда женщина сама прочувствовала, каким тяжелым трудом достигаются материальные блага, она начинает считать каждую копейку, экономить, бережливо относиться к вещам. Тем не менее, щедрость тоже не чужда бабе. Рассмотрим примеры:

— жадность/скупость: «...жадная, скупая...» [50, эл. ресурс]; «...за штуку пешком дойдет, а то и бегом

добежит...» [50, эл. ресурс]; «...баба со склонностью к счетоводству в особо крупных размерах...» [69, эл. ресурс]; «...норовит содрать на ремонт 30 миллионов...» [69, эл. ресурс].

— экономность/бережливость: «...должна исхитриться и растянуть два бюстгальтера на три года...» [9, эл. ресурс].

— щедрость: «...за одну брошку... семерку отдала...» [70, эл. ресурс].

— особые чувства: «...домик этот ни за что не бросит...» [1, эл. ресурс].

Исходя из вышеперечисленных примеров, мы можем заметить некое непостоянство женской натуры.

8. Плотный график работы, в котором практически нет места для отдыха и сна, заставляет бабу двигаться быстро. **Описание движений женщины (бабы)** чаще всего производится при помощи глаголов действительного залога, что придает персонажам высокую динамичность, например:

— скорость передвижения: «...бежит...» [92, эл. ресурс]; «...прибегает...» [84, эл. ресурс]; «...из дома, пинком под зад, вылетает в сугроб...» [2, эл. ресурс]; «...побежала...» [68, эл. ресурс]; «...мечется с молотком от мотора к рулю...» [58, эл. ресурс]; «...носила по салону...» [19, эл. ресурс]; «...шла по деревне...» [96, эл. ресурс]; «...баба приходит...» [2, эл. ресурс]; «...приходила...» [7, эл. ресурс].

— направленность движения: а) вверх: «...поднялась баба с лежанки...» [91, эл. ресурс]; б) приближение: «...прибегает баба...» [85, эл. ресурс]; «...баба приходит...» [2, эл. ресурс]; «...появилась...» [26, эл. ресурс]; «...приходила...» [7]; в) отдаление: «...съехала...» [7, эл. ресурс]; г) по заданным точкам: «...мечется с молотком от мотора к рулю...» [58, эл. ресурс].

9. Огромный объем работы, который баба вынуждена выполнять, высокий темп жизни являются причинами стрессовых ситуаций. Эти внутренние переживания нередко проявляются в **речевом поведении** в виде крика, болтливости как способа облегчить душу. Нужно отметить, что баба не привыкла держать все в себе, она выражает свои чувства, не всегда способна их контролировать. Рассмотрим примеры:

— повышенный тон: «...истерично и внезапно кричащая...» [61, эл. ресурс]; «...кричала так, что стекла дрожали...» [15, эл. ресурс]; «...отъявленная скандалистка...» [26, эл. ресурс]; «...вздорная баба...» [60, эл. ресурс]; «...орет...» [58, эл. ресурс]; «...проорала...» [54, эл. ресурс]; «...кричала...» [73, эл. ресурс]; «...орала...» [18, эл. ресурс]; «...обругала...» [54, эл. ресурс].

— болтливость/разговорчивость: «...сообщила по секрету...» [30, эл. ресурс]; «...охотно рассказала...» [21, эл. ресурс]; «...говорила, что у нее есть идея, которую хотела рассказать...» [7, эл. ресурс].

— эмоциональная вовлеченность в разговор: «...не без важности сообщила...» [21, эл. ресурс]; «...с лукавинкой отвечает...» [1, эл. ресурс]; «...успокаивает...» [1, эл. ресурс]; «...жалуется...» [14, эл. ресурс].

— пение: «...пела...» [97, эл. ресурс]; «...попела...» [88, эл. ресурс].

— верит и подчиняется мнению других: «... (сколько) положишь, столько несет...» [55, эл. ресурс].

Подводя итог нашему исследованию, мы можем отметить, что довольно часто лексема «баба» использовалась при цитировании чьих-то слов, отзывов и т.д. (например, в интервью). В большинстве случаев данная лексема употреблялась малообразованными людьми, живущими в сельской местности. В $\approx 0,3\%$ случаев она употреблялась для обозначения обязанности продолжения рода; $\approx 4,7\%$ случаев — случаи употребления данной лексемы для обозначения вредных привычек и отношения к материальным ценностям; $\approx 6,6\%$ случаев — выражение неадекватного поведения женщины; примерно $8,5\%$ — случаи, когда женщина либо проявляла независимость и властность

(55%), либо нет (45%); примерно в $10,3\%$ случаев — авторы статей использовали данную лексему для того, чтобы передать манеры передвижения женщин; $\approx 12,3\%$ от всех примеров — выражения отношения к мужчинам; по $\approx 22\%$ случаев пришлось на примеры, в которых слово *баба* употребляется в контексте выполнения различного вида работ и описания речевого поведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что для СМИ баба — прежде всего работник, а лишь потом представительница прекрасного пола, представляющего интерес для мужчин. Неравноправие мужчин и женщин, как оказалось, не является ключевым при описании поведения и характера бабы. Интересен тот факт, что, несмотря на политические программы, направленные на улучшение демографической ситуации, единичны случаи употребления авторами статей лексемы «баба» в подобном контексте.

Литература:

1. Алексеев, А. Есть бабушки в русских селеньях [эл. ресурс]. // Труд-7. — 2004. — 21 мая. — URL: guscorpora.ru.
2. Анекдоты в номер [эл. ресурс]. // Комсомольская правда. — 2007. — 25 декабря. — URL: guscorpora.ru.
3. Андреев, Б. Россиянка породнилась с правителями Малайзии [эл. ресурс]. // Комсомольская правда. — 2006. — 15 марта. — URL: guscorpora.ru.
4. Аносов, Е. А. Лингвистическая репрезентация константных/динамических гендерных стереотипов в русской и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.20/Е. А. Аносов; Челябинский гос. ун-т. — Челябинск, 2013. — 174 с.
5. Антонова, И. Весомые знаменитости [эл. ресурс] // Труд-7. — 2008. — 04 апреля. — URL: guscorpora.ru.
6. Асламова, Д. Бобыли змазневские [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 17 января. — URL: guscorpora.ru.
7. Асламова, Д. Меж звездами и сточной канавой [эл. ресурс]. // Комсомольская правда. — 2001. — 22 июня. — URL: guscorpora.ru.
8. Бакушинская, О. В потолке открылись люки, не пугайтесь — это брюки [эл. ресурс]. // Комсомольская правда. — 2003. — 15 августа. — URL: guscorpora.ru.
9. Бакушинская, О. Третья мировая уже идет? [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2004. — 28 мая. — URL: guscorpora.ru.
10. Бакушинская, О. Шутка с гексогеном [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 14 марта. — URL: guscorpora.ru.
11. Бландова, М. Е. О современном положении русской женщины // Русские женщины в лабиринте равноправия/М. Е. Бландова. — М.: ЗАО «РИК Русанова», 1998. — с. 261–271.
12. Бродский, В. А «Тихие зори» не угасают уже 30 лет! [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002–04 апреля. — URL: kp.ru
13. Букчина, Я. На шпильках — но с монтировкой [эл. ресурс] // Труд-7. — 2008. — 03 августа. — URL: guscorpora.ru.
14. Бухарова, Н. Пусть горькая, но правда [эл. ресурс] // Труд-7. — 2003. — 12 августа. — URL: guscorpora.ru.
15. Васильева, Л., Селиванова А./Слет лесбиянок сорвала непогода/Васильева Л., Селиванова А. // Комсомольская правда. — 2001. — 14 июня. — URL: guscorpora.ru.
16. Вандышева, О. В ожидании звонка от президента Дмитрий Рогозин не ел три дня [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2004. — 06 июля. — URL: guscorpora.ru.
17. Варсегов, Н. 14 человек погибли из-за разгильдяйства [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2005. — 12 декабря. — URL: guscorpora.ru.
18. Варсегов, Н. Два кретина сбили с толку и сыщиков, и «Комсомолку» [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 20 августа. — URL: guscorpora.ru.
19. Варсегов, Н. Выйдешь поутру в народ — душу лепота берет!.. [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 19 мая. — URL: guscorpora.ru.
20. Варсегов, Н. На Чукотке шибко пьют и народ суров и лют... [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 10 января. — URL: guscorpora.ru.

21. Варсегов, Н. Первая леди аграрного комплекса [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 14 июля. — URL: guscorpora.ru.
22. Варфоломеев, П. И это тоже «мы»? // Труд-7. — 2005. — 06 апреля. — URL: guscorpora.ru.
23. «Ваших кур пора настала». Стартует всероссийская сельхозперепись [эл. ресурс] // РИА Новости. — 2006. — 01 июля. — URL: guscorpora.ru.
24. Виравов, И. Три свежих повода порадоваться жизни [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2004. — 05 марта. — URL: guscorpora.ru.
25. Голлай, И. На южном Урале мамаша выбросила бочку из окна роддома [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2008. — 25 июля. — URL: guscorpora.ru.
26. Гром пушек не заглушал любовных стонов [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 05 октября. — URL: guscorpora.ru.
27. Губайдуллина, Е. В Большом все говорят о «Похождениях повесы»... [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 03 марта. — URL: guscorpora.ru.
28. Дашиева, С.Ц. Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.22/С.Ц. Дашиева; Бурятский гос. ун-т. — Улан-Удэ, 2011. — 172 с.
29. Двухлетний малыш сутки бродил по лесной чащобе [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 24 сентября. — URL: kp.ru
30. Денисова, Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт/Л.Н. Денисова. — М.: «Памятники исторической мысли»; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 408 с.
31. Денисова, Т.А. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в языковом сознании русского народа: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.01/Т.А. Денисова. — Тамбов [б. и.], 2006. — 22 с.
32. Долгодворов, В. В Морозове потеплело [эл. ресурс] // Труд-7. — 2005. — 28 апреля. — URL: guscorpora.ru.
33. Досимова, М.С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина»: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.19/М.С. Досимова; Астраханский гос. ун-т. — Астрахань, 2008. — 206 с.
34. Дятлов, А. Как натянуть изделие № 2 на лампочку 60 Вт? [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 31 марта. — URL: guscorpora.ru.
35. Ежедневник 'КП'-НН': 17 сентября // Комсомольская правда. — 2008. — 17 сентября. — URL: guscorpora.ru.
36. Емельяненко, В. Остров надежды [эл. ресурс] // Труд-7. — 2004. — 16 июля. — URL: guscorpora.ru.
37. Заозерская, А. Александра Маринина: «Я мягкая, добрая, неконфликтная — баба бабой» // Труд-7. — 2010. — 25 февраля. — URL: guscorpora.ru.
38. Комкова, О.В. Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феменинных номинаций лица: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.01/О.В. Комкова; Владимирский гос. гумм. ун-т. — Владимир, 2011. — 186 с.
39. Концлагерь в океане [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 29 августа. — URL: guscorpora.ru.
40. Корец, М. Президент Коля [эл. ресурс] // Труд-7. — 2000. — 10 июня. — URL: guscorpora.ru.
41. Корец, М. Утопить деда мороза [эл. ресурс] // Труд-7. — 2008. — 31 декабря. — URL: guscorpora.ru.
42. Корлыханова, Ю. У Орловой, Муравьевой, Дроздовой мечта одна — непьющий инженер! [эл. ресурс] // Корлыханова Ю. // Комсомольская правда. — 2002. — 11 октября. — URL: guscorpora.ru.
43. Короткая, Т. («КП» — Челябинск»). «Жизнь, как коня, держи за узду».. [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 28 июля. — URL: guscorpora.ru.
44. Лифанова, И.В. Национальный характер и национальная история в творчестве Б. Можая: автореф. дис... канд. филол. наук.: 10.01.01/И.В. Лифанова; Московский гос. пед. ун-т. — Москва, 1999. — 179 с.
45. Лобанова, З. На деревне нет культуры без бутылки «денатуры» [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 17 марта. — URL: guscorpora.ru.
46. Лобов, Ю. [эл. ресурс] // Труд-7. — 2003. — 25 сентября. — URL: guscorpora.ru.
47. Ломакина, О.В. Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления: автореф. дис... канд. филол. наук.: 10.02.01/О.В. Ломакина; Тульский гос. ун-т. — Белгород, 2006. — 176 с.
48. Маринин, А. Угонщицы [эл. ресурс] // Труд-7. — 2006. — 18 мая. — URL: guscorpora.ru.
49. Махмутова, А.Н. Оценочные существительные со значением женского пола в русском и английском языках: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.20/А.Н. Махмутова; Казанский гос. ун-т. — Казань, 2002. — 287 с.
50. Машкин, С. Москва немытая [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 12 ноября. — URL: guscorpora.ru.
51. Маянцева, А. Москвичи издеваются над нянями своих детей [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 18 января. — URL: guscorpora.ru.
52. Мешков, А. Как я стал неотразимым соблазнителем [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 03 ноября. — URL: guscorpora.ru.
53. Мешков, А. Кокорды сменили — и в путь [эл. ресурс] // Труд-7. — 2004. — 15 июля. — URL: guscorpora.ru.

54. Мешков, А. Элис Купер забросал зрителей бриллиантами и убил младенца [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 22 ноября. — URL: guscorpora.ru.
55. Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007 — URL: dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/29643/Я.
56. На что корова? Была бы баба здорова! [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 26 января. — URL: guscorpora.ru.
57. Носова, О., Хрусталева С., Фомина О., Гончарова Ю. и Левина Е. Бьёт — значит любит? [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 09 июля. — URL: guscorpora.ru.
58. Обезьянки го хоум! [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 30 ноября. — URL: guscorpora.ru.
59. Он, она и автомобиль [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 04 октября. — URL: guscorpora.ru.
60. Павлов, А. Ой вы, гуччи, широки-могучи! [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 01 ноября. — URL: guscorpora.ru.
61. Павлючик, Л. Дурь несусветная [эл. ресурс] // Труд-7. — 2007. — 19 сентября. — URL: guscorpora.ru.
62. Панкратьева, Е. Медленно танцуешь — ничего не мешает [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 11 мая. — URL: guscorpora.ru.
63. По материалам зарубежной прессы. Кошмарней страха только ужас [эл. ресурс] // Труд-7. — 2003. — 04 января. — URL: guscorpora.ru.
64. Проще воровства [эл. ресурс] // Труд-7. — 2008. — 06 августа. — URL: guscorpora.ru.
65. Прохорова, О. Анфиса Чехова: «Таксисты делятся со мной подробностями своей сексуальной жизни» [эл. ресурс] // Труд-7. — 2009. — 15 апреля. — URL: guscorpora.ru.
66. Ремизова, М. Пугачева снова выйдет замуж за Киркорова [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2006. — 08 февраля. — URL: guscorpora.ru.
67. Родкин, А. Менты сейчас — не козлы [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2004. — 01 сентября. — URL: guscorpora.ru.
68. Руденко, И. Удивительная судьба Маргариты Коненковой: Любила Эйнштейна и работала на НКВД [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2005. — 05 сентября. — URL: guscorpora.ru.
69. Русские всех стран, соединяйтесь! [эл. ресурс] // РИА Новости. — 2006. — 19 сентября. — URL: guscorpora.ru.
70. Рынска, Б. Карпаччо, пеперони и прочие страсти [эл. ресурс] // Известия. — 2006. — 11 сентября. — URL: guscorpora.ru.
71. Самарина, В. С. Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.19/В. С. Самарина; Ставропольский гос. ун-т. — Ставрополь, 2010. — 199 с.
72. Сапрыкина, О., Бакушинская О. День рождения Пугачевой Филия встретил с другой [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2003. — 16 апреля. — URL: guscorpora.ru.
73. Секрет счастья от Нины Дорошиной [эл. ресурс] // РИА Новости. — 2009. — 03 декабря. — URL: guscorpora.ru.
74. Сибирь [эл. ресурс] // Труд-7. — 2001. — 20 февраля. — URL: guscorpora.ru.
75. Скобелев, К. В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): автореф. дис... д-ра экон. наук: 07.00.02/К. В. Скобелев; Омский гос. тех. ун-т. — Омск, 2002. — 335 с.
76. Скойбеда, У. Лучше быть бомжом в Москве, чем бедным в России? [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2006. — 02 ноября. — URL: guscorpora.ru.
77. Скойбеда, У. Мать-одиночка на три года заточила малыша в квартире [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2006. — 25 июня. — URL: guscorpora.ru.
78. Скойбеда, У. Хроники рассерженной москвички: Хозяева жизни [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 09 июня. — URL: guscorpora.ru.
79. Снегирёв, Ю. Как я попал в любовные сети интернета [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 08 декабря. — URL: guscorpora.ru.
80. Сотникова, А. Поговори со мною, Катя... [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 17 октября. — URL: guscorpora.ru.
81. Танькова, Я. «Дочке миллионеров не повезло с родителями» [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2006. — 16 октября. — URL: guscorpora.ru.
82. Трезвый образ жизни: учебное пособие, электронная версия: А. А. Почекета «Трезвая Украина» [эл. ресурс]/Н. А. Гринченко. — 2010–2013. — Режим доступа: <http://www.grinchenko.tvreza.info/>, свободный. — Загл. с экрана.
83. Труд-7. — 2001. — 05 марта. — URL: guscorpora.ru.
84. Туманов, Д. Дебаты вокруг БАТЭ [эл. ресурс] // Советский спорт. — 2008. — 21 октября. — URL: guscorpora.ru.
85. Туманов, Д. Как я нес флаг сборной. Часть 2 [эл. ресурс] // Советский спорт. — 2008. — 03 июня. — URL: guscorpora.ru.

86. Турьялай, С. Не родись красивой на кубани [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2001. — 05 сентября. — URL: guscorpora.ru.
87. Фокина, Н. Окурки в красной помаде [эл. ресурс] // Труд-7. — 2001. — 17 мая. — URL: guscorpora.ru.
88. Фото из семейного архива. «Он вошел в свою смерть, как в роль...» [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2006. — 09 октября. — URL: guscorpora.ru.
89. Хрусталева, С. Василий Белов — журналистке «КП»: Когда третьего родишь, будешь настоящая русская баба [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2007. — 26 октября. — URL: guscorpora.ru.
90. Цалко, Е. О. Гендерный аспект национальной идентичности русских: социологический анализ: автореф. дис... канд. филолог. наук: 22.00.04/Е. О. Цалко; Ивановский гос. ун-т. — Иваново, 2011. — 165 с.
91. Чехова, Т. С. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре (на материале афористики): автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.19/Т. С. Чехова; Северо-осетинский гос. ун-т. — Владикавказ, 2009. — 229 с.
92. Что должен знать каждый таракан об оружии массового поражения [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2004. — 30 января. — URL: kp.ru
93. Что общего у террористки Наджи и молодого гвардейца? Они — комиксы [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 16 октября. — URL: guscorpora.ru.
94. Шайдакова, С. Певца Ирина Аллегрова: За рулем я не женщина! [эл. ресурс] // Комсомольская правда. — 2002. — 28 ноября. — URL: guscorpora.ru.
95. Шушпанова, Н. О своем полете в крыле самолета Андрей Щербаков: «Жалко, следователи курточку мою не отдали» [эл. ресурс] // Известия. — 2007. — 23 ноября. — URL: guscorpora.ru.
96. Юрий Поляков подземный художник [эл. ресурс] // Труд-7. — 2002. — 10 октября. — URL: guscorpora.ru.
97. Ямпольская, Е. В цитадели у Михалкова [эл. ресурс] // Известия. — 2007. — 06 августа. — URL: guscorpora.ru.

Отношения одновременности и разновременности в сложноподчинённых предложениях с придаточными времени (на примерах текстов Л.Н. Толстого)

Астраханцева Марина Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель

Тамбовский железнодорожный техникум — филиал Московского государственного университета путей сообщения

Сложные предложения, выражающие временные отношения, по значению делятся на предложения с отношением одновременности и предложения с отношением разновременности. Эти отношения складываются за счет союзов, порядка следования частей и видо-временных форм выражения сказуемых в обеих частях. Отношения одновременности выражаются в предложениях с придаточными, присоединяемыми союзами *когда, пока, как, покамест* \архаич.\, *покуда, в то время как* обычно при глаголах в главной и придаточной частях несовершенного вида одного времени.

Союз *когда* служит для выражения отношений одновременности без подчеркивания совпадения во времени действий главной и придаточной частей:

Это выражение часто было на лице Долохова, когда он смотрел на него.

Когда Ростов говорил про это, Денисов не слушал.

Когда он приступил к масонству, он испытывал чувство человека, доверчиво становящего ногу на ровную поверхность болота.

Союзы *пока, покуда, покамест*, в случае если оба глагола (главной и придаточной частей) несовершенного вида, подчеркивают совпадение сроков действия:

Он всегда спокойно молчал, пока говорили о чем-нибудь, не имеющем прямого к нему отношения.

Те же союзы указывают на то, что действие главной части целиком укладывается в промежуток времени действия придаточной. В таком случае в главной части употребляется глагол совершенного вида, а в придаточной — несовершенного:

Глаза его стали больше обыкновенного, покуда он оглядывал комнату.

Союз *в то время как* (при глаголах совершенного вида) подчеркивает момент совпадения действия придаточной с действием главной:

В то время как проходил этот Апшеронский батальон, румяный Милорадович, без шинели, в мундире и орденах и со шляпой с огромным султаном, надетой набекрень и с полями, марш-марш выскакал вперед и, молодецки салютуя, осадил лошадь перед государем.

В то время как Ростов делал эти соображения и печально отъезжал от государя, капитан фон Толь случайно наехал на то же место и, увидав государя, прямо подъехал к нему...

Отношение одновременности выражается союзами *когда, пока, покамест, покуда, после того как, с тех пор как, как только, лишь только, едва, лишь, прежде чем, раньше чем, перед тем как*, а также соотношением видовых форм глаголов-сказуемых и порядком расположения главной и придаточной частей предложения.

Сложные предложения с отношением одновременности имеют две основные разновидности: в одних предложениях действие главной части следует за действием придаточной, в других — действие главной предшествует действию придаточной.

Наиболее употребительными являются конструкции с обозначением того, что действие или состояние, о котором говорится в главной части предложения, следует за действием или состоянием, обозначенным в придаточной. Для выражения такой последовательности во времени служат союзы *когда, после того как, с тех пор как, как только, только что, лишь только, только лишь, только, чуть, как, едва лишь*. Сказуемые в таком случае выражаются глагольными формами совершенного вида и реже — несовершенного.

Поскольку союз *когда* употребляется и в предложениях с отношением одновременности, основным средством выражения последовательности действий или состояний служит глагольная форма совершенного вида в придаточной.

Сложные предложения с союзом *когда* при наличии глаголов совершенного вида в главной и придаточной обозначают, что действие главной следует за действием придаточной.

Когда Телянин кончил завтрак, он вынул из кармана двойной кошелек, изогнутыми сверху, маленькими белыми пальцами раздвинул кольца, достал золотой и, приподняв брови, отдал деньги слуге.

Когда они вышли из-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее в другую комнату.

Когда жене будет время родить, пошлите в Моксву за акушером.

Чувство это еще более усилилось, когда он увидал военного министра, сидевшего над большим столом и первые две минуты не обращавшего внимания на вошедшего.

Наличие в главной части предложения глагола несовершенного вида служит средством обозначения того, что совершение действия придаточной совпадает с продолжением действия главной:

Когда князь Василий вошел в гостиную, княгиня тихо говорила с пожилой дамой о Пьере.

В сложных предложениях с союзами *как только, лишь только, только лишь, только что, только лишь, чуть, едва* указывает на то, что действие или состояние главной части предложения следует за действием или состоянием (или его началом) придаточной особенно быстро:

Как только Ростов вошел в двери дома, его обхватил запах гниющего тела и больницы.

В этом кружке одно из самых видных мест заняла Элен, как только она с мужем поселилась в Петербурге.

Почти всякий раз, как подъезжал новый экипаж, в толпе пробегал шепот и снимались шапки.

Как только он увидел Наташу, лицо его просияло.

Госпитальные товарищи Денисова, окружившие было Ростова — вновь прибывшее из вольного света лицо, — стали понемногу расходиться, как только Денисов стал читать свою бумагу.

Как только Бонапарте, находившийся в Шенбрунне, в двадцати пяти верстах от Голлабруна, получил донесение Мюрата и проект перемирия и капитуляции, он увидел обман и написал следующее письмо к Мюрату.

Как только князь Андрей стал доказывать невыгоды того и выгоды своего, князь Долгоруков перестал его слушать и рассеянно смотрел не на карту, а на лицо князя Андрея.

Союз *после того как* указывает, что действие главной части предложения начинается только после окончания действия придаточной:

Этот аккуратный, невеселый смех долго не переставал звучать в ушах князя Андрея, после того как он уехал от Сперанского.

Второе письмо князя Андрея, писанное из-под Витебска, после того как французы заняли его, состояло из краткого описания всей кампании с планом, нарисованным в письме, и из соображений о дальнейшем ходе кампании.

Союз *с тех пор* подчеркивает начальный момент действия главной части:

С тех пор как мир стоит, немцев все били.

Юнкер Ростов, с тех самых пор как он догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром.

Сложные союзы *после того как, с тех пор как* и др. могут расчленяться, в придаточной в таком случае остается лишь союз *как*:

Немцев били с тех пор, как мир стоит.

Этот аккуратный, невеселый смех долго не переставал звучать в ушах князя Андрея после того, как он уехал от Сперанского.

Другую группу предложений с отношением одновременности составляют предложения, в которых действие или состояние главной части предшествует действию или состоянию придаточной. В таких предложениях придаточная присоединяется посредством союзов *пока, покуда, прежде чем, раньше чем, перед тем как*.

Неосложненное указание на то, что действие или состояние главной части предложения предшествует действию или состоянию придаточной, содержится в предложениях с союзами *перед тем как, прежде чем, раньше чем*:

Французы успели сделать три выстрела, прежде чем гусары вернулись к коноводам.

Перед тем как они подъехали, князь Андрей с улыбкой обратил внимание Пьера на суматоху, происшедшую у заднего крыльца.

То же значение может быть передано союзами *пока, покамест, покуда*, но с указанием предела, до которого продолжается действие главной части:

Пока происходят споры и интриги о будущем поле сражения, пока мы отыскиваем французов, ошибившись в их месте нахождения, французы натываются на дивизию Неверского и подходят к самым стенам Смоленска.

Среди сложных предложений с придаточными времени данного типа есть предложения, придаточные которых приобретают большую самостоятельность, что приближает эти сложные предложения к сложносочиненным предложениям. Такие переходные случаи между сочинением и подчинением возникают при употреблении союза как (в сочетании с *вдруг*).

Сложноподчиненные предложения с придаточными времени по структуре могут быть и такими, когда придаточная часть относится к обстоятельству времени главной части и уточняет его содержание:

Вечеру, когда после ужина стали расходиться, Анатолий поцеловал руку княжны.

Было уже поздно вечером, когда они вошли в Ольмоцкий дворец, занимаемый императорами и их приближенными.

По отношению к главной части придаточная часть времени может занимать любое положение.

В то время как у Ростовых танцевали в зале ше-

стой англез под звуки от усталости фальшививших музыкантов и усталые официанты и повара готовили ужин, с графом Безуховым сделался шестой уже удар.

Михаил Иванович, m-lle Bourienne с радостными улыбками смотрели на него, когда он разговаривал с старым князем.

Денисов, когда все разошлись, потрепал своей коротенькой рукой по плечу своего любимца Ростова.

Используя в художественном произведении различные типы сложных предложений расчленённой структуры, Л. Н. Толстой создаёт уникальную систему художественных образов, назначение которых в произведениях разнообразно: одни дают представления о внешности героев, другие раскрывают динамику их душевного состояния, третьи — вносят эмоционально-оценочный элемент. У Толстого эти предложения широко распространены, поскольку способны глубоко и разнообразно отражать явления действительности.

Пристальное внимание к синтаксической стороне произведений позволяет увидеть роль синтаксиса в организации лексического материала, в формировании интонации и настроения, почувствовать текст как целое и проследить некоторую систему синтаксических средств, развивающуюся и изменяющуюся от начала к концу произведения и непосредственно связанную с развитием мысли писателя.

Фитонимы в башкирской и русской языковой картине мира

Гималетдинова Розалия Робертовна, студент

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

Язык является одним из важных средств познавательной деятельности человека и отражает культурно-национальные представления о мире, или его языковую картину. Совокупность представлений об окружающей нас действительности, заключенных в значении различных языковых единиц, складывается в некую единую систему взглядов и установок, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на данном языке.

Сегодня существует много вариантов определения языковой картины мира. За основу мы возьмем обозначение Р. Х. Хайруллиной: «Языковая картина мира (ЯКМ) — это исторически сложившаяся в обыденном сознании определённого языкового коллектива и отраженная в его языке совокупность знаний и представлений о мире, способ восприятия объективной действительности: устройства мира, взаимосвязи его объектов, места человека в этом мире и т. д.». [3, с. 61]. Также рассмотрим определение Попова, которое объясняет языковую картину мира как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях — языковое членение мира, языковое упо-

рядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [2, с. 14]. В работах В. В. Красных освещается следующее понимание термина: «Языковая картина мира» — «мир в зеркале языка» [1, с. 18].

Труды, посвященные языковой картине мира, имеются у таких учёных, как В. фон Гумбольдта («Избранные труды по языкознанию». 2000), А. Эйнштейна («Собрание сочинений. Т. 8. 1968»), И. Гердера, Л. Вейсгербера, у которого имеется своя концепция языковой картины мира («Родной язык и формирование духа». 1993), у Сепира-Уорфа выдвинута гипотеза лингвистической относительности и т. д. Если же обратиться к более современным трудам исследователей, то можно назвать следующие фамилии: Г. В. Колшанский, Н. И. Сукаленко, С. А. Васильев, Д. Хаймс, М. Блэк (коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира»). Также эта тема представлена в работах О. А. Корнилова, В. В. Красных, Ю. Д. Апресяна, Ю. С. Степанова, А. Вежицкой, Ю. А. Рылова, В. В. Воробёва, В. А. Мас-

ловой, И.А. Стернина, В.И. Постоваловой, В.Н. Телия; освещена в трудах таких башкирских исследователей: М.В. Зайнуллина, Л.Г. Саяховой, Р.Х. Хайруллиной, Л.Х. Самситовой, Р.Ш. Усманова.

При сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются их сходства и расхождения, как следствие определенного восприятия окружающей действительности в силу национально-культурных особенностей.

Среди языковых единиц, принимающих непосредственное участие в создании языковой картины мира, занимают важное место фитонимы (названия растений). В состав башкирских и русских фитонимов входят названия деревьев и кустарников, цветов и трав, культурных и дикорастущих деревьев, съедобных и несъедобных растений и т.д.

В данной статье башкирские и русские фитонимы рассматриваются в сравнительно-сопоставительном аспекте, позволяющим установить моменты схождения и расхождения в области растительной лексики двух разнотурных языков (башкирского и русского).

В первую очередь, человек запечатлевает в языке, наряду с другими фактами реальной жизни, явления природы, т.е. то, что ему близко и понятно. С этой точки зрения вполне объяснимо, что большинство лексических единиц того или иного языка и наоборот по наличию их в языке можно теперь судить о растительности края. Растительная лексика башкирского и русского языков содержит названия тех деревьев, которые растут на территории России и Республики Башкортостан. Приведем примеры: *сосна, ель, пихта, дуб, береза, осина, ольха, липа, клен, ясень, ива*. Это может объясняться тем, что большая часть равнинной территории Российской Федерации занята лиственными, хвойными и смешанными лесами. Такая же картина наблюдается и в башкирской лексике. Основными лесобразующими породами являются: береза, липа, осина, сосна, дуб, клен, ель, другие породы (ольха черная, пихта, ильмовые). По-башкирски соответственно: *кайын, йүкә, усаҡ, карагай, имән, саған, шырышы*. Кроме того в башкирском языке существуют эквиваленты следующим дендронам русского языка: *бузина, вяз, ива, калина, лиственница, акация, липа, можжевельник, облепиха, ольха, орешник, плющ, рябина, сирень, тополь, черемуха, шиповник и мн. др.*

В жизни башкирского и русского народов лес сыграл и играет большую роль. Значение леса для народа находит свое отражение в национальной языковой картине мира. Лексическая система башкирского языка, например, помимо вышеназванных примеров включает в себя отдельные лексемы для обозначения деревьев в зависимости от их возраста: *саука* — молодая береза, *саукалык* — молодой березняк; *сауыл* — одинокая большая береза, *сауыллык* — старый березняк; *туйра* — молодой дуб, *туйралык* — молодой дубовый лес; *бешә* — молодые заросли сосны, ели или лиственницы, *бешәлек* — молодой сосняк или ельник. В русском языке возраст и высота дерева отображаются в лексеме аффик-

сальным или синтаксическим способом: *елочка, молодая ель*. Место произрастания дерева также влияло на номинацию: *мандыш* — сосна, растущая на влажном месте.

Приведем примеры фитонимов, которые включают в себя дендрокомпонент благодаря внешнему сходству с конкретным деревом/кустарником или благодаря месту произрастания вблизи него. Сравните: *кайын еләге* «березовая ягода» — *земляника*, диал. *асы балан* «кислая калина» — *рябина*, диал. *кара кайын* «черная береза» — *боярышник*, ерек «ольха» — *лобазник*, *шырышы үләне* «еловая трава» или *карагай үләне* «сосновая трава» — *хвоц, хвостник/сосна водяная* — *һыу карагайы* «водяная сосна»/ *һыу шырышы* «водяная ель».

Рассмотрим примеры грибов, которые получили свое название в зависимости от места произрастания (на самом дереве, либо вблизи него или под ним). Пример полного лексического соответствия в двух языках представлен в номинации гриба подберезовика: *подберезовик* — *кайын бәшмәге*. Во втором случае мы видим абсолютную эквивалентность перевода в башкирском и русском языках: *подосиновик* — *усаҡ бәшмәге* «осиновый гриб». Следующий пример представляет собой случай полного лексического несоответствия, когда упомянутые языки выделили и зафиксировали в одном и том же денотате разные характерные для него особенности: *вешенка* — *карама* «вяз». При этом в башкирском языке название данного гриба основывается на метонимии. Перенос названия произошел с дерева на гриб, растущий рядом с ним. По такому же принципу образовано название дубавик: *дубовик* — *имән бәшмәге* «дубовый гриб». Как видно из данных примеров в башкирском и русском языках название мотивировано локацией у конкретного дерева.

Для того, чтобы раскрыть семантику фитонимов в истинно полном объеме, рассмотрим их использование в устном народном творчестве башкирского и русского народов. Фольклорные образы отражают коннотативное отношение народа к представителям растительного мира. В одном и том же языке дерево может предстать в различных обликах.

Наиболее широко представлены следующие аллегорические образы: сосна/ель — это молодой парень, ассоциация возникла благодаря постоянному зеленому покрову: *Йәй эә егет, кыш та егет, йөрөй йәшел кейем кейен*. Паренек и летом, и зимой, зеленую одежду носит. Береза — девушка нарядная: *Ак кейемен кейгән, йәшел сугын элгән*. Белую одежду одела, зеленую бахромой повесила. Осина — беспокойная мать: *Инәһе тулғана* — *балалары кул саба*. Мать беспокойно ворочается — детишки в ладошки хлопают. Яркие и красочные плоды деревьев и кустарников послужили причиной возникновения женского образа растений в народном творчестве многих народов. Сравним: Рябина: *Ете юлдыҫ сатында, егәрле еңгә ултыра*. На перекрестке семи дорог сидит невестка (жена брата, дяди, тети). *Муйынсаҡ таккан, кызыл*

кершэн япкан. Бусы надела, красной шалью укрылась. Калина: *Юл буйында һылыу килен бизәнә лә төҙәнә.* Вдоль дороги невестка-красавица, всё наряжается да прихорашивается. Сравним образ калины из русского фольклора: *Над водой, над водой стоит с красной бородой.* Шиповник: *Ал яулыгын ябынган, башына ут кабынган.* Укрылась алым платком, что огонь на голове зажгла. *Ак яулыгын ябынган, тырнагына кызыл хына яғынган.* Белым платком укрылась, ноготки красной хной покрасила. В последнем примере отражены красивые белые цветы и красные шипы кустарника. В связи с этим хотелось бы привести образ шиповника из русского устного народного творчества: *Древо ереванское, листья шамаханские, когти дьявольские, цветы ангельские.* Сок плодов растений уподобляется в фольклоре крови: Вишня: *Эй, кан тамды, кан тамды, кан тиэнем, бал булды.* Ой, кровь капнула, кровь капнула, а кровь мёдом оказалась. Малина: *Тәме балдай, һыуы кандай.* Вкус словно

мёд, сок словно кровь. Нередко плоды растений ассоциируются с различными птицами: Рябина: *Сытыр-мытыр араһында кызыл этәс ултыра.* Среди хвороста красный петух посиживает. Яблоко: *Озон колта башында кызыл сәпсек ултыра.* «Ел-дауылдар сыктиһә, осамын», — тип ултыра. На длинном столбе красная трясогузка сидит, «Коли ветра да грозы будут, улечу», — говорит. Таким образом, при помощи аллегории были представлены различные образы дендронимов в башкирском и русском устном народном творчестве.

Итак, сопоставив наименования растений двух структурных языков (башкирского и русского), мы убедились в том, что эти выражения отличны по компонентному составу и образной основе. Как показал анализ, среди этой части фитонимов имеются как общие, так и отличительные черты. Разница обусловлена национальной спецификой культуры, образа жизни, образного восприятия внешнего мира обоими народами.

Литература:

1. Красных, В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М., 2003. — 375 с.
2. Попова, З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. — 68 с.
3. Хайруллина, Р.Х. Сопоставительная лингвокультурология: учебное пособие для магистрантов [текст] — Уфа: Мир печати, 2014. — 139 с.

Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов звучания

Голубева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу калмыцких глаголов звучания и соответствующих единиц в русском, монгольском, английском языках. Произведена лексико-семантическая классификация глагольных лексем русского языка с приведением имеющихся эквивалентов в указанных языках.

«В подавляющем своём большинстве глаголы звучания характеризуют сам процесс звучания, при этом тип издаваемого звука выражается обычно имплицитно, то есть значением самого глагола» [1, 15]. Например: свистеть — издавать свист, стонать — издавать стон. В основном они носят звукоподражательный характер (*брякать, каркать, жужать, клохтать, кудахтать, пикать, тархтеть, цыркать, чвакать, шуришать; плюхать, пыхтеть, шваркать, шмякать и другие*). В.Ю. Норман относит подобные глаголы к иконическим знакам, поскольку принципиальная особенность иконических знаков состоит в том, что «форма их выражения берёт на себя функцию значения — она сама по себе есть информация о денотате».

Глаголы звучания — это лексико-семантическая категория глаголов, которые или образованы от звукоподражаний при помощи словообразовательных ресурсов языка (например: *кар-кар — каркать, хрю-хрю — хрюкать, гав-гав — гавкать, ме-ме — мекать*), или форма которых связана со звуками, звуковая семантика обуславливает их материальное буквенное выражение (например: *шуришать, грохотать, греметь, звенеть*).

В русском языке глаголы звучания представляют собой довольно многочисленную группу слов, имеющих все характеристики полных глаголов и обладающих явным звуковым содержанием.

В калмыцком языке глаголы звучания, образованные при помощи аффиксов от звукоподражательных основ,

занимают особое место в морфологии, но их не так много, как в русском языке, например: *Бур-бур* — *бур-буржңх* — бурлить, бормотать; *гуң-гуң* — *гуң-гуңх* — гнусавить; *хош-хош* — *хош-хожкнх* — хохотать; *дар-дар* — *дар-даржңх* — тараторить, трещать; *кар-кар* — *Кар-каржңх* — скрежетать, хрустеть; *күр-күр* — *күр-күржңх* — грохотать, греметь [2, 305].

Автор раздела «Изобразительные слова», входящего в «Граматику калмыцкого языка», Б.Б. Манджикова наряду со звукоподражаниями, глаголами звучания, существительными и прилагательными, выделяет еще в их составе особые образные слова, которые обозначают понятия, тесно связанные с реальным образом предмета, человека и всех живых существ. «Эти слова имеют много общих черт со звукоподражательными словами», — пишет автор. На наш взгляд, это может касаться их структуры или производности/непроизводности. Семантика же указанных слов может разграничиваться по наличию/отсутствию характеристики природных звуков, например, сравним: *гедң-гедң гих* — идти не спеша, запрокидывая назад голову; *даб гих* — почувствовать внутреннюю готовность, собраться с мыслями, желание принять решение. Коннотативно эти единицы выражают отношение говорящего к тому, что он говорит, а также демонстрируют собственную и внешнюю оценку. *Кир-кир гих* — трещать, скрипеть, хрустеть; *цасн кир-кир гихэд бээнэ* снег хрустит (под ногами); *гүңгр-гүңгр гих* — бормотать, тихо (негромко, приглушенно) разговаривать, беседовать. В данных примерах мы видим описание звуков.

Таким образом, включение калмыцких звукоподражаний и глаголов звучания в один раздел с изобразительными словами не совсем правомерно, потому что стратификация по разным лексико-семантическим группам возможна на основе их явных смысловых различий.

В калмыцком языке глаголы звучания образуются двумя способами: **синтетическим**, при помощи аффиксации (например: *киржң-н-х* — трещать, скрипеть, хрустеть; *гүң-н-х* — жужжать (о шмеле), бормотать, гнусавить, говорить в нос; *буржң-н-х* — клочкотать, кипеть; *давжң-н-х* — дрожать, трястись, стучать зубами от холода) и **аналитическим**, при помощи глагола *гих/гихэд* — *досл. пер.* сказать-произнести/сказав-произнес (например: *таш-таш гих* — греметь; *гүг-гүг гих* — ворковать (о голубях); *гүңгр-гүңгр гих* — бормотать, тихо (негромко, приглушенно) разговаривать, беседовать; *кирд гих* — трещать, скрипеть, хрустеть *чочад зүркн кирд гихэд одв* сердце екнуло от испуга; *таш-таш гих* — греметь; *оһтһу таш-таш гихэд ду һавр* прогремел гром).

В монгольском языке, являющемся родственным калмыцкому языком, образование глаголов звучания имеет явные сходства, приведем примеры: *чимчигнэх* — звенеть; *хягтнах* — скрипеть; *хавирах* — скрежетать; *дэвсэх* — топать; *тажигнах* — грохотать. При образовании звукоподражательных глаголов так же используются вспомогательные слова: *ган гэх/хийх* взвизгивать, виз-

жать; *ган гэх нохойгүй, газар гишгэх малгүй погов. букв.* нет ни собаки, которая бы визжала, и ни скота, который бы бродил по земле; *гон гон хийх* ныть, хныкать, докучать жалобами, плакаться; *Чи юу гэж гон гон гээд байгаа юм бэ?* Чего ты ноешь? *пяс хийх/гэх* — трещать; *сүр сүр хийх, сүр сар хийх* издавать шелест, издавать шорох.

Таким образом, условный характер буквенного обозначения звуков, существующих в живой и неживой природе, и буквенный облик глаголов звучания, образованных от звукоподражаний, во многом обусловлен возможностями языка, национально-культурной спецификой некоторых языковых элементов, различиями в мироощущении, в картине мира каждого народа.

В английском языке звукоподражания и звукоподражательные глаголы привлекают внимание исследователей, так как обладают некоторыми специфическими свойствами: для данной группы слов характерна эксплицитность (поскольку используется небольшое количество флексий и аффиксов); в английском языке звукоподражательные глаголы состоят из одного корня: *bang* — *взрыв (n)*; *plop* — *шлеп (n)* или присоединяют ограниченное число флексий (одну, редко две): *scream* — *кричать (от ужаса)*, *shout* — *кричать*; *creak* — *скрипеть*; *squeak* — *пищать*. В русском языке производящие звукоподражательные основы чаще всего окружены другими морфемами, например: *бряк-ну-ть, плеск-а-ть-ся, шепт-а-ть*.

Можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых языках состав характерных звукоподражаний очень сильно различается. На наш взгляд, это во многом зависит от особенностей культуры, хозяйственной деятельности и географической среды обитания того народа, который говорит на данном языке.

В лексике русского языка имеется большое количество глаголов звучания, которые характеризуются богатой и разветвленной системой форм. В калмыцком и монгольском языках глаголов звучания не так много, они используются в нескольких значениях, развита полисемия, что говорит о некоторой скудности словарного состава.

Для проведения анализа методом сплошной выборки из словарей было выделено около 100 русских глаголов звучания, имеющих разную стилистическую окраску и употребляющихся в различных ситуациях общения. Русские лексемы взяты как доминанта в связи с тем, что исследуемый пласт лексики наиболее многочислен именно в русском языке.

Мы предлагаем совершенно новую классификационную лексико-семантическую систему глаголов звучания, связанных с человеком (данная группа наиболее многочисленна), которая ориентирована на трехуровневую модель мира, свойственную всем монгольским народам. Голова человека — это верхний мир; тело человека до пояса — средний мир; тело человека ниже пояса — нижний мир. Вторая и третья группа выделены нами в отдельные классификационные пункты; данные лексемы не отличаются разнообразием и отсутствуют в некоторых исследуемых языках.

1 группа. Глаголы, обозначающие звуки, связанные с человеком, его телом, деятельностью.

Глаголы, обозначающие звуки, производимые дыхательным или речевым аппаратом человека (голова) –
верхний мир

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Бормотать	Бүргх, бүргэд үг келх, шальшх	Бөвтнөх	Mutter, mumble
Бубнить	—	Амандаа ярих	Mutter, mumble
Бурчать	— Бурх	Гурчигнах	Grumble, mutter
Ворчать	Зондх	Архирах	Grumble, growl
Икать	Чальчарх	Зогьсох	Hiccup
Лепетать	Ханях	Шулганах	Babble
Кашлять	— Яхлх, инцглх	Ханиалгах	Cough
Клацать (зубами)	— Сөөлцкэдх	—	Chatter
Кряхтеть	—	Янцаглах	Groan
Пыхтеть	—	Аахилах	Pant, puff
Сипеть	— Тачкнж инэх	Сөөнгөтөх	Speak hoarsely
Тараторить	Хоржннх, сүркрх	Дуржганах	Chatter, jabber
Улюлюкать	— Шухтнх	Ичиглэх	Hoot, halloo
Хныкать	— Нээтхх	Гинших	Whimper
Хохотать	—	Тачигнатал инээх	Laugh
Храпеть	Шимлдх, шивр-шивр гих	Хурхирах	Snore
Хрумкать	Архулхнар гих, э угаһар гих	—	Crunch
Хрустеть	—	Шарчигнах	Crunch, crackle
Чавкать	—	Тамшаах	Champ
Чихать	—	Найтаах	Sneeze
Чмокать	—	Шал шал гэх	Smack
Шептать	—	Шивнэх	Whisper
Шикать	—	Чимээгүй гэх	Shoo
Шмыгать	—	Шажигнах	Sniff

Глаголы, обозначающие звуки, производимые телом человека до пояса – средний мир

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Барабанить	Цокх, дару-дарунь цокх Ә һарх, жиңнүлх	Пижигнүүлэх	Drum
Бренчать	—	Харжигнуулах	Strum
Пиликать	Цокх, тоңшулж цокх	Хятатнуулах	Scrape
Стучать	— Цокх, ташх	Тогших	Knock
Тюкать	Шавдх, индетх	—	Chop
Хлопать	Шухтнх, саржннх,	Алга таших	Clap
Щелкать	шаржннх	Няслах	Click
Шуршать	—	Шаржигнах	Rustle

Глаголы, обозначающие звуки, производимые телом человека ниже пояса – нижний мир

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Пукать	Оңһх	—	Fart
Топать	—	Дэвсэх	Stamp
Хлюпать	—	Шалчганах	Squelch
Чвакать	—	—	Squelch
Шлепать	—	Алгадах	Splash
Шоркать	—	—	Shuffle

Единицы калмыцкого языка, выделенные в этой группе, отсутствуют, на наш взгляд, в связи с тем, что для калмыков нижняя часть тела человека считалась уровнем нижнего (потустороннего, запретного) мира, поэтому данная лексика столь небогата.

2 группа. Глаголы, обозначающие звуки, производимые живыми существами, кроме человека.

Глаголы, обозначающие звуки, производимые домашними и дикими животными

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Бебекать	Мээлх	— Майлах	Baa
Блеять	Мээлх	Улих	Bleat
Вить	Уульх	—	Howl
Гавкать	Хуцх	Хуцах	Bark
Лаять	Хуцх	—	Bark
Мемекать	Мээлх	—	Bleat
Мычать	Мөөрх	Хүржигнэх	Moo
Мурлыкать	Хоржннх	Мяу-мяу гэх	Purr
Мяукать	Мээлх	Уаглах	Miaow
Квакать	Бээхтнх	Мөөрөх	Croak
Реветь	Оркрх, хэркрх	Янцгаах	Roar
Ржать	Инцхэх	Ярхирах	Neigh
Рычать	Күркрх, оркрх	Хуцах	Roar
Тявкать	Хуцх	Хур хар гэх	Yelp
Хрюкать	—	Ширчигнэх	Oink, grunt
Шипеть	Шиигх, жиигх		Hiss

Глаголы звучания, связанные со звуками, производимыми домашними животными, напрямую обусловлены условиями хозяйственной деятельности калмыков и монголов, занимавшихся разведением четырех традиционных видов скота (баранов, лошадей, верблюдов и коров), поэтому в калмыцком языке отсутствует лексема *хрюкать*, а в монгольском языке представлена описательно.

Глаголы, обозначающие звуки, производимые птицами

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Ворковать	Гүвржгнх	Гөвтнөх	Coo
Галдеть	Ниргх, шуугх	Шуугилдах	Clamor
Гоготать	—	Гангар гунгар хийх	Cackle
Каркать	Бээгх, бэркрх, хээкрх	Уаглах	Caw
Клекотать	Нүһсн ду нарх	Янцгаах	Scream, screech
Крякать	Донһдх, так аду нарх	Ганганах	Quack
Кудахтать	Эр така хээкрх	Донгодох (эм тахиа)	Cackle
Кукарекать	Донһдх	Донгодох	Crow
Куковать	—	Донгодох (хөхөө)	Cuckoo
Курлыкать	—	Гуру гуру гэх (тогоруу)	Call
Ухать	— Жиргх	Нижигнэх	Hoot
Чирикать		Жиргэх	Chirp
Щебетать		Жиргэх	Twitter

Глаголы, обозначающие звуки, производимые насекомыми

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Гудеть	Чишкх, ду нарх	Дүнгэнэх	Buzz
Жужжать	Зиигх, дүүгх, жиигх	Шүнгэнэх	Buzz, drone
Звенеть	Жиңнх	Жингинэх	Clink
Пищать	Гиңшх	Гангиналдах	Squeak, cheep
Свистеть	Ишкрх	Исгэрэх	Pipe
Стрекотать	—	Цархийх	Chirr
Шуршать	Шухтнх, саржңнх, шаржңнх	Шаржинах	Rustle

3 группа. Глаголы, обозначающие звуки неживой природы

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Бибикать	—	—	Honk
Бряцать	—	Хангиргах	Clank
Греметь	Күржңх, харжңнулх	Нижигнэх	Rattle
Дзинькать	—	—	Clank, rattle
Дребезжать	Даржңнх, тачкнх	Доргих	Tinkle, jingle
Звенеть	Жиңнх	Жингнэх	Ring
Звякать	—	Хангинах	Clink
Лязгать	—	Хавирах (шүд)	Clank, clang
Скрежетать	Тачкнх	Хяхтнах	Grind
Скрипеть	Шухтнх, жаагх	Чахирах	Creak
Тарахтеть	—	Хяхтнах	Rattle
Трещать	Тачкнх, тастусх, саржңнх	Хагарх	Crackle
Шкворчать	—	—	Sizzle

Глаголы, обозначающие звуки, связанные с явлениями природы

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Грохотать (о громе)	Күржңнх	Нижигнэх (аянга)	Thunder, rumble
Капать (о дожде)	Дусах, дуслх	Бороо дуслх	Drip, pitter patter
Стучать (о граде)	Цокх	Аянга цохих	Chatter, bang
Шуметь (о ветре)	Шуугх, ниргх	Салхи шуугих	Howl (завывать), blow (дуть)

Глаголы, обозначающие звуки, связанные с водой

Русский язык	Калмыцкий язык	Монгольский язык	Английский язык
Брызгать	Цацх	Цацах	Splash
Журчать	Шоржңнх	Хоржигнох	Babble
Клокотать	—	Поржигнох	Bubble, boil
Плескаться	Шалвачх, бульгх	Цолгилах	Swash, splash
Шуметь (о волнах)	Цокх	Шуугих	Splash
Капать (о воде)	Дусах, дуслх	Дуслх	Drip
Стекать	Һоожх	Гожих	Flow down
Шуметь (о море)	—	Шуугих	—
Грохотать (о шторме)	—	Нижигнэх (далайн шаарга)	Thunder, rumble

В результате проведенного анализа можно сделать некоторые обобщения. В родственных монгольском и калмыцком языках образование глаголов звучания имеет сходные черты, имеются идентичные лексемы (например: калм. Һоожх — монг. гожих, калм. ханях — монг. ханиалгах). По сравнению с русским языком лексемы калмыцкого и монгольского языков не столь разнообразны (например: гавкать, лаять, тывкать — калм. хуцх; гре-

меть, стучать, гроыхать — калм. цокх). В русском языке для образования глаголов звучания не используется аналитический способ (например: бубнить — монг. амандаа ярих, курлыкать — гуру гуру гэх).

В английском языке для образования глаголов звучания активно используется субстантивация, частеречная принадлежность глаголов определяется только из контекста.

Таким образом, в разных языках похожие звуки передаются различными звуковыми комплексами, что связано с фонетико-звуковыми возможностями каждой отдельно взятой языковой системы. Во всех глаголах звучания, по мнению носителей конкретного языка, форма, или план выражения, намекает на смысл, то есть на план содержания.

Литература:

1. Васильев, Л. М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке. В сб. «Системные отношения в лексике и методология их изучения», Уфа, 1978.
2. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983. 335 с.
3. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
4. Краткий русско-калмыцкий словарь // под ред. И. К. Илишкина, Б. Д. Муниева. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Сравнительно-сопоставительные исследования звукоподражаний, звукоподражательных слов, глаголов звучания представляют особый интерес для исследователей, потому что универсальные и специфические черты указанного круга лексики выявляют национально-культурные особенности сознания народов, отраженные в языке.

Компонент money («деньги») в пословицах и поговорках английского языка

Дворовкина Елена Васильевна, магистрант

Брянский государственный университет имени акад. И. Г. Петровского

В данной статье на материале современного английского языка рассматриваются некоторые пословицы и поговорки с компонентом «money» (деньги), раскрывается их характерная направленность в отображении жизненного уклада общества.

Ключевые слова: пословица, поговорка, компонент «деньги».

Фразеология — раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания в языке, и совокупность таких сочетаний.

Фразеология часто пользуется таким методом исследования, как компонентный анализ значения. Рассмотрим и проанализируем пословицы и поговорки как часть фразеологической системы английского языка, выделим пословицы и поговорки экономической направленности с компонентом «money» (деньги), так как полагаем, что тема денег является благоприятной почвой для ее осмысления, в том числе средствами фразеологии.

Пословица — малая форма народного творчества в кратком изречении, несущая определенный смысл. Это фразеологизмы со структурой целого предложения.

Поговорка — это особое выражение, характеризующее какое-либо жизненное явление. Это устойчивое выражение, которое можно выразить при помощи других слов. Смысловое значение фразы при этом останется неизменным, изменится только окраска высказывания. Поговорки являются всего лишь частью предложения, они делают более богатой и эмоциональной нашу повседневную речь.

Под пословицами обычно понимают афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме [4, с. 339]. Наряду с погов-

ворками пословицы являются коммуникативными фразеологическими единицами.

Пословицы и поговорки не создаются в процессе речи, а представляются как бы заранее данными, сделанными выражениями [1, с. 16].

Поговорки и пословицы — это пара слов, которая очень часто употребляется в речи совместно, имеющая много общих признаков — краткость, народность, афористичность, меткость, а иногда даже рифма и ритм. Однако это не тождественные понятия, так как они отличаются друг от друга.

В. В. Виноградов утверждал: «Пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [3, с. 18]. Они характеризуют народную мудрость, народные обычаи, рассматриваются как средство для более яркого, образного, острого выражения мысли в процессе общения. Характерной чертой пословиц является однозначность, а ценности, представленные в них, дают представление о культуре народа.

Отличить пословицы от поговорок иногда бывает сложно, но есть несколько ориентиров: пословица — законченная лексическая единица, предложение, содержащее поучительный смысл, а поговорка лишь констатирует какой-либо факт или явление без наставлений и выводов.

Основным критерием, позволяющим отграничить пословицы от поговорок, является наличие у первых назидательности.

В английском языке поговорок во много раз меньше, чем пословиц [4, с. 28]

Пословицы и поговорки охватывали самые разные сферы жизни людей, в том числе материальный аспект. С тех времен, когда появились первые монеты и люди отказались от натурального обмена (бартера), в употребление вошли пословицы и поговорки о деньгах. Тема богатства и денег представлена большим количеством пословиц благодаря значимости для человеческого бытия.

Многие пословицы и поговорки построены на основе контраста. Примером могут служить следующие поговорки: *a penny saved is a penny gained* (букв.: пенни сохранённое, есть пенни заработанное), *a light purse is a heavy curse* (букв.: легкий кошелек — тяжелое проклятие), *money spent on the brain is never spent in vain* (букв.: деньги, потраченные на мозг, никогда не потрачено зря), *Money doesn't grow to trees* (букв.: деньги не растут на деревьях), эта пословица обозначает, что деньги достаются нелегко. *He that has money in his purse, cannot want a head for his shoulders* (букв.: тому, у кого в кошельке деньги, не нужна голова на плечах), *he that has no money needs no purse* (букв.: тому, у кого нет денег, не нужен кошелек).

Некоторые пословицы и поговорки имеют негативную окраску, культурные ориентиры тут противоречивы. В английских пословицах упор делается на отношение к деньгам, на то, что деньги могут испортить человека, если сделать их целью своего существования. Для иллюстрации этого суждения хорошо подойдут пословицы и поговорки о деньгах, например: *money often unmakes the men, who make it* (букв.: деньги часто губят людей, которые их делают). В таких пословицах отражаются прямо противоположные взгляды на деньги, характерные для различного типа людей. Например: *money is a good servant, but a bad master* (букв.: деньги хороший слуга, но плохой мастер), *lend your money and lose your friend* (букв.: одолжите ваши деньги и потеряйте вашего друга), *muck and money go together* (букв.: грязь и деньги вместе ходят), *the best things in life are free* (букв.: лучшие вещи в жизни — бесплатные), *money is roof of all evil* (букв.: деньги — это крыша всех зол), *money is welcome though it come in a dirty clout* (букв.: деньги желанны даже если они завернуты в грязную тряпку), *rich knows not who is his friend* (букв.: богатые не знают, кто их друг), *money often unmakes the men who make it* (букв.: деньги часто портят тех, кто их наживает), *he that serves God for money will serve the devil for better wages* (букв.: тот, кто служит Богу за деньги, послужит и дьяволу за лучшую зарплату) Известная поговорка гласит: *money isn't everything* (букв.: деньги это не всё).

Прямо противоположную группу составляют пословицы и поговорки, демонстрирующие, что деньги — это двигатель, источник силы, власти и благополучия. Они

помогают в любой ситуации и лечат от всех болезней и все, что связано с деньгами, привлекательно для человека. Деньги могут быть предметом любви. Например, пословицы: *if money to before, all ways lie open* (букв.: если есть деньги, все дороги открыты), *money makes the mare go* (букв.: деньги заставляют кобылу идти). Поговорки: *money talks* (букв.: деньги разговаривают), *money makes the man* (букв.: деньги делают человека), *money makes the world go round* (букв.: деньги заставляют мир крутиться), *money has no smell* (букв.: деньги не имеют запаха).

Английскими пословицами неоднократно подчеркивается необходимость экономии денег: *a fool and his money are soon parted* (букв.: глупец и его деньги скоро расстанутся), *it easy to spend someone else's money* (букв.: чужими деньгами платить легко), *never spend your money before you have it* (букв.: никогда не трать деньги, пока их не заимел)

Идея расточительности выражается следующим образом в пословицах: *spend money like it is going out of fashion* (букв.: тратить деньги — выходит из моды), *play ducks and drakes with money* (букв.: играть в селезня и утку с деньгами), и поговорках: *spend money like water* (букв.: тратить деньги как воду); *no bees, no honey; no work, no money* (букв.: нет пчел — нет мёда, нет работы — нет денег), *to have money is a fear, not to have it a grief* (букв.: иметь деньги — страх, а не иметь — горе), *make the money fly* (букв.: заставлять деньги летать); *throw money down the drain* (букв.: выбрасывать деньги в канализацию); *have more money than sense* (букв.: иметь больше денег, чем здравого смысла), *money begets money* (букв.: деньги порождают деньги). Лишаясь денег, как правило, говорят: *good-bye my money* (букв.: прощайте, мои деньги), *your money went west* (букв.: ваши деньги ушли на запад).

Напрасная же трата денег осуждается. Общеизвестно, что деньги — быстро истощаемый ресурс и обычно не залеживаются в кармане: *your money burns in your pocket* (букв.: ваши деньги горят в вашем кармане), *money is round and rolls away* (букв.: деньги круглые, и укатываются).

В английских пословицах есть множество советов на тему того, как *save money for a rainy day* (букв.: экономить деньги на черный день), *early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise* (букв.: кто рано ложится и рано встает, тот будет здоровым, богатым и мудрым).

В научной литературе представлены тематические классификации пословиц. Так, английские пословицы очень разнообразны по своему содержанию и охватывают все стороны жизни английского народа [4, с. 74]

Среди пословиц особое место занимают те, которые представляют собой законченные предложения, выполняющие функцию наставления, предостережения, назидания. Являясь результатом народного творчества, пословицы и поговорки демонстрируют мыслительную

деятельности народа, их создавшего, а анализ пословиц помогает нам понять внутренний мир носителей языка, выделить отличительные черты мировоззрения (см., например: [3, с. 12], [2, с. 31–36]).

Все, связанное с деньгами, актуально для человека, и, следовательно, в силу такой актуальности, можно обнаружить пословицы и поговорки, позволяющие выявить характерные особенности разговора человека о деньгах.

Таким образом, рассмотренные пословицы и поговорки в основном отражают универсальные поведенческие черты английского и русского народа по вопросу обращения с деньгами. Некоторые пословицы и поговорки учат, как заработать деньги, другие — как сэкономить, отложить для непредвиденного случая (на черный день), в них осуждается напрасная трата денег, расточительство, подчеркивают необходимость экономии денег. Часто в пословицах и поговорках можно услышать о том, как не-

легко заработать деньги, накопить состояние. Одни пословицы и поговорки показывают силу и власть денег, демонстрируют преимущества богатства и благополучия, рассказывают о том, что за деньги можно купить всё, включая здоровье, любовь и спокойствие. Другие — наоборот, представляют негативное отношение к деньгам, так как деньги — источник зла, и, имея деньги, никогда не знаешь, кто твой враг, а кто друг.

На примере рассмотренных фразеологизмов можно отчетливо представить, насколько разнообразны по своей семантике и образной выразительности пословицы и поговорки с компонентом «money» в современном английском языке, и насколько одинакова главная роль денег, представляемая фразеологизмом (и не только английского языка!), — быть неотъемлемым инструментом в удовлетворении материальных и духовных потребностей человека.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. Учебное пособие — М.: Флинта, Наука, 2009
2. Василенко, А. П. Принципы изучения национально-культурной специфики фразеологических единиц — Мурманск: МГПУ, 2010.
3. Виноградов., В. В. Основные понятия русской фразеологии. — М.: Наука, 1989.
4. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. — М.: Международные отношения, 1996.

Словообразовательные возможности глаголов арабского языка с темами состояния и деструкции

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Российский университет дружбы народов

Статья посвящена двум многочисленным лексико-семантическим группам глаголов арабского языка — глаголам состояния и глаголам деструкции. Данные группы глаголов рассматриваются с точки зрения их словообразовательных особенностей и возможностей, что доказывает взаимосвязь и спаянность лексики и грамматики в арабском языке. В исследовании устанавливаются продуктивные для данных лексико-семантических групп породы глаголов и модели отглагольных существительных (масдаров), а также указываются отсутствующие и избыточные грамматические формы, специфические словообразования.

Ключевые слова: арабский язык, глаголы состояния, глаголы деструкции, арабское словообразование, словообразовательная цепочка, породы глагола, масдар

Как известно, деление на лексические и грамматические категории в языке несколько грубо и условно, особенно когда мы рассматриваем язык в его непосредственном функционировании. Семантика и грамматические свойства слова обычно оказываются связаны друг с другом и взаимодействуют, образуя сложную лексико-грамматическую категорию с набором специфических признаков. Так, смысловое наполнение слова может диктовать его форму и устанавливает границы словообразовательных возможностей, в результате чего глаголы с общей семой имеют одинаковые особенности словообразования или словоизменения. Количество дериватов в словообразовательном гнезде, модель какого-либо из образований, возможно, тип спряжения, отсутствие словоформы в парадигме или избыточное наличие ее грамматического синонима и др. зачастую зависят также от семантики слова и системы рассматриваемого языка. Глаголы арабского языка в этом отношении не являются исключением, более того, они показывают чрезвычайно последовательную систему соотношения формы слова и его значения, состоящего из набора сем.

С этим ключе нами были рассмотрены два корпуса арабских глаголов, образующих обширные лексико-семантические поля: глаголы, называющие физические и эмоциональные состояния (как *смеяться, скучать, радоваться, беспокоиться, ненавидеть, удивляться, раскисиваться, смущаться, бодрствовать, пресыщаться, потеть, источать аромат, сохнуть, пьянеть, пылать* и др.), и глаголы с темой деструкции (как *разваливать, разрушать, уничтожать, губить, громить, искоренять, бомбить, крушить, истреблять, дробить, изводить, сносить, сжигать, взрывать, испепелять, гасить* и др.). В первую очередь мы анализировали закономерности наличия/отсутствия той или иной породы глаголов данных лексико-семантических полей, полноту и особенности их словообразовательных глагольных цепочек (глагол в прошедшем времени — глагол в настоящем времени — отглагольное существительное — причастия действительное и страдательное) и последовательное присутствие других специфических словообразований в гнезде корня рассматриваемых единиц.

Исследованные глаголы с семей «состояние» оказались в основном непроемкими, принадлежащими к первой породе арабского глагола — самой простой форме глагола, состоящей из трех корневых согласных. Причем, абсолютное большинство из них относится к тому немногочисленному подтипу глагола первой породы, который в прошедшем времени несет в середине огласовку «и» (кясра). И это отличает их от остальных глаголов первой породы — глаголов, обозначающих действие, где все три огласовки «а» (фатха), и глаголов со значением обладать каким-либо качеством, где срединной огласовкой в прошедшем времени является «у» (дамма). Сравните глаголы состояния

радоваться — fa-rI-ha — فَرِحَ *быть слабым ногами* — ka-sI-ha — كَسِبَ
печалиться — ha-zI-na — حَزِنَ *быть женственным* — kha-nI-əa — خَنَثَ
болеть — ma-rI-da — مَرَضَ *страдать болезнью глаз* — ra-mI-da — رَمَدَ
слепнуть — *a-mI-ya — عَمِيَ *испытывать жажду* — *a-tY-sha — عَطَشَ
беспокоиться — qa-II-qa — قَلِقَ *изумляться* — ba-hY-ra — بَجَرَ

и некоторые глаголы действия:

идет — yath-gA-bu — يَذْهَبُ *рисует* — yar-sU-mu — يَرْسُمُ
прогоняет — yat-rU-du — يَطْرُدُ *сидит* — yaj-II-su — يَجْلِسُ

Сравните также один и тот же корень — * (смычный гортанный айн) — г- q — عَرَقَ, который меняет значения в зависимости от типовой огласовки: عَرَقَ [*a-rA-qa] с фатхой во втором слоге обозначает действие — *очищать от мяса, обглаживать*, عَرَقَ [*a-rU-qa] с даммой во втором слоге означает *быть древнего рода, благородного происхождения* и عَرَقَ [*a-rI-qa] с кясрой служит для выражения состояния, когда человек *покрывается испариной, потеет*.

В форме настоящего времени такие глаголы с гласной «и» (кясрой) в начальной форме, то есть в форме прошедшего времени, однозначно имеют срединную огласовку «а» (фатха). Закрепленная же за другими глаголами срединная огласовка настоящего времени может быть любой из трех существующих, не прогнозируется и сверяется обычно по справочникам. Ср.:

гневаётся — yas-khA-tu — يَسْخَطُ *кровоточит* — yad-mA — يَدْمَى
печалится — yah-zA-nu — يَحْزَنُ *злится* — yash-rA-su — يَشْرَسُ
болеет — yam-rA-du — يَمْرَضُ *бодрствует* — yas-gA-ru — يَسْهَرُ
источает аромат — ya*-IA-ru — يَنْفُثُ *портится* — yat-lA-fu — يَتَلَفُّ

и глаголы других лексико-семантических групп:

идет — yath-gA-bu — يَذْهَبُ *рисует* — yar-sU-mu — يَرْسُمُ
прогоняет — yat-rU-du — يَطْرُدُ *сидит* — yaj-II-su — يَجْلِسُ

Также по грамматическим справочникам и словарям, как правило, проверяется отглагольное существительное — масдар, которое в арабском языке имеет широкое употребление: как обстоятельство образа действия, указывающее на его тщательность, в ряде синтаксических конструкций вместо формы инфинитива, в функции глагола в сослагательном наклонении и др. Моделей масдара для первой породы насчитывается порядка десятка: فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ، فَعْلٌ [fa-*a-l, fa*-l, fi*-l, fu*-l, fa-*a-l, fu-*u-l, fi-*a-lat] и др. У глаголов состояния обнаруживается продуктивная модель масдара — fa-*al فَعْلٌ с фатхой, то есть гласной «а» в середине, например:

радость — fa-rA-h — فَرَحٌ *болезнь* — ma-rA-d — مَرَضٌ
глухота — kha-rA-s — خَرَسٌ *паралич* — sha-lA-l — شَلَلٌ
пресыщение — sha-bA-* — شَبَعٌ *раскаяние* — na-dA-m — نَدَمٌ
бездействие — *a-tA-l — عَطَلٌ *опьянение* — sa-kA-r — سَكْرٌ

Масдар глаголов, называющих эмоции и состояния, имеет также функциональные особенности. В форме винительного падежа без предлога масдар этих глаголов способен выступать в предложении обстоятельством причины, именуемым в арабской языковедческой традиции аль-халь — *состояние*. Например: *умереть от болезни* — مَاتَ مَرَضًا, *мучиться от бездействия* — عَطِلًا عَانِي.

Те же огласовки в формах прошедшего и настоящего времени наблюдаются у неправильных глаголов с темой «внутреннее состояние и эмоция». У удвоенного глагола, в котором совпадают второй и третий согласные, в начальной форме пр.вр., м.р., ед.ч. кясра скрыта, однако она проявляется в тех личных формах, где удвоенный согласный «раскалывается» на два отдельных согласных звука, разделенных огласовкой. Например:

он счастлив — я счастлив jad-da — ja-dId-tu جَدُّ — جَدِّتُ
он нагрелся — я нагрелся ham-ma — ha-mIm-tu حَمَّ — حَمِمْتُ
он заскучал — я заскучал mal-la — ma-lIl-tu مَلَّ — مَلِّتُ

Масдары удвоенного корня глаголов состояния образуются в основном по указанной нами распространенной в этой лексико-семантической группе модели fa-*a-l. Но поскольку удвоенность корня сохраняется, масдары выглядят следующим образом: *серьезность* — jadd — جَدُّ, *жар* — hamm — حَمٌّ, но *скука* — ma-la-l — مَلَلٌ.

Другой тип неправильных глаголов — недостаточные — в рамках исследуемой лексико-семантической группы имеют также типовую огласовку кясру в прошедшем времени, а в форме настоящего времени из-за слабого третьего согласного алиф-максур — долготу на «а».

испытывать стыд kha-zI-ya — yakh-zA: خَزِيَ — خَزِيْ
быть довольным ga-dY-ya — yar-dA: رَضِيَ — رَضَى
горевать sha-jI-ya — yash-jA: شَجِيَ — شَجَى
желать sha-gI-ya — yash-gA: شَهِىَ — شَهِىَ
приходить в себя sa-hI-ya — yas-hA: صَحِيَ — صَحَى
быть глупым gha-bI-ya — yagh-bA: غَبِيَ — غَبَى

Масдары перечисленных глаголов образуются по той же продуктивной для глаголов состояний модели, но с учетом третьего слабого согласного заканчиваются на алиф-максур, реже на обычный алиф, и две фатхи — окончание «ан», например:

стыд — kha-zan — خَزَى здоровье — sa-han — صَحَا
удовлетворение — ra-dan — رَضَى глупость — gha-ban — غَبَا
горе — sha-jan — شَجَى

Словообразовательная цепочка проанализированных глаголов состояний и эмоций фактически неполная. Действительное причастие по модели деятеля с первым длинным слогом на «а» и вторым коротким на «и» fa:-*i-l — فَاعِلٌ во многих случаях отсутствует, от остальных корней оказывается малоупотребительной в речи формой, как:

сердящийся — gha-dy-b — غَضِبُ радующийся — fa:ri-h — فَارِحٌ
праздный — *a:-ty-l — غَاطِلٌ раскаивающийся — na:-di-m — نَادِمٌ

Можно предположить, что это следствие того, что содержательная сторона данной группы глаголов предполагает скорее качественную характеристику, чем деятельность. Как компенсация от глаголов этой категории путем добавления суффикса ان «а:н» образуются прилагательные типа

исполненный печали — haz-na:-n — حَزَنٌ пьяный — sak-ra:-n — سَكْرَانٌ
радостный — far-ha:-n — فَرَحَانٌ обиженный — za*-la:-n — زَعْلَانٌ
голодный — jaw-*a:-n — جَوْعَانٌ томимый жаждой — *at-sha:-n — عَطْشَانٌ
раскаивающийся — nad-ma:-n — نَدَمَانٌ обезумевший — wal-ga:-n — وَلَهَانٌ
вспотевший (в испарине) — *ar-qa:-n — عَرَقَانٌ

Такие прилагательные в качестве грамматической характеристики, как правило, имеют одну огласовку на конце, а значит они двухпадежные, и ломаную форму мн.ч. м.р. одуш. по редкой модели fa-*i-la: فَعْلَى с сукуном посередине:

радостные — far-ha: — فَرَحَى больные — mar-da: — مَرَضَى
жаждущие — *at-sha: — عَطَشَى сердитые — ghad-ba: — غَضِبَى
раскаивающиеся — nad-ma: — نَدَمَى

Страдательное причастие от этих глаголов первой породы по модели مُفْعُول maf-*u:-l не образуется по определению.

Равной по значению первой породе в данной категории глаголов можно признать относительно регулярно образующуюся (путем приставки та- и удвоения второго корневого согласного) пятую породу соответствующего корня. К основному значению в пятой породе традиционно добавляется значение многократности, повторяемости или постепенности действия. Ср.:

сердиться gha-dy-ba — ta-ghad-da-ba غَضِبَ — تَغَضَّبَ
раскаиваться na-di-ma — ta-nad-da-ma نَدِمَ — تَنَدَّمَ
испытывать жажду *a-ty-sha — ta-*t-ta-sha عَطِشَ — تَعَطَّشَ
испытывать боль 'a-li-ma — ta-'al-la-ma أَلِمَ — تَأَلَّمَ
насыщаться sha-bi-*a — ta-shab-ba-*a شَبِعَ — تَشَبَّعَ

Также регулярно от глаголов с заданными семами образуются вторая и четвертая породы. Основное значение, связанное с эмоцией или состоянием во второй и четвертой породах сохраняется, при этом появляется дополнительно значение каузативности. Ср.:

радовать — вызывать радость fa-ri-ha — far-ra-ha — 'af-ra-ha فَرَحَ — فَرَحَ = أَفْرَحَ
дымиться — чадить da-khy-na — dakh-kha-na — 'ad-kha-na دَخِنَ — دَخِنَ = أَدَخِنَ
сердиться — сердить gha-dy-ba — ghad-da-ba — 'agh-da-ba غَضِبَ — غَضِبَ = أَغْضَبَ
обижаться — обидеть za-*y-la — za*-*a-la — 'az-*a-la زَعَلَ — زَعَلَ = أَزَعَلَ

В шестой породе глагола, образованного от корня с семой «эмоция», в основное значение встраивается не идея совместности действия, как в, *تَضَامَنَ تَفَاعَلَ* — ta-fa-*a-la, ta-da:-ma-na — *взаимодействовать, сплотиться*, а значение притворности. Для носителей арабского языка актуальными оказываются следующие немногочисленные образования: *притвориться слепым, глухим, больным, глупым, печальным* — ta-*a:-ma:, ta-kha:-ra-sa, ta-ma:-ga-da, ta-gha:-ba:, ta-kha:-za-na — *تَخَارَنَ تَغَابَى، تَمَارَضَ، تَخَارَسَ، تَغَامَى*. На этом у большинства корней данной лексико-семантической группы заканчивается потенциал образования глагольных пород, т. е. третья, седьмая, восьмая и десятая породы практически отсутствуют, по крайней мере с условием сохранения семы состояния.

Глаголы лексико-семантической группы деструкции в арабском языке также обнаруживают словообразовательные особенности. Большинство глаголов представлено моделью первой породы:

ломать — ka-sa-ra — كَسَرَ *молоть* — ta-ha-na — طَحَنَ
крушить — ga-da-ma — هَدَمَ *толочь* — sa-ha-qa — سَحَقَ
крошить — ga-sha-ma — هَشَمَ *рвать* — ga-ta-ka — هَتَكَ
раскалвать — shaq-qa — شَقَّ *пронзать* — ta-*a-na — طَعَنَ
расщеплять — fa-la-qa — فَلَقَ *ранить* — ja-ra-ha — جَرَحَ
резать — qa-ta-*a — قَطَعَ *царапать* — kha-da-sha — خَدَشَ

Второй породой (с удвоением второй корневой согласной) представлены глаголы, как правило, имеющие параллель в первой, обозначающие то же действие, только с дополнительным значением интенсивности.

рушить (до обломков) — khaR-Ra-ba — خَرَبَ
громить (до основания) — haT-Ta-ma — حَطَمَ
разносить (неистово) — haD-Da-ma — هَدَمَ
ломать (на мелкие кусочки) — kaS-Sa-ra — كَسَرَ
резать (на мелкие кусочки, многократно) — qaT-Ta-*a — قَطَعَ
толочь (тщательно) — daQ-Qa-qa — دَقَّقَ
стирать (в порошок) — saH-Ha-qa — سَحَقَ
изгрызть (до основания) — qaR-Ra-da — قَرَضَ
искусать, исцарапать (многократно) — khaM-Ma-sha — خَمَشَ

Глаголы третьей породы в рамках исследуемой лексико-семантической группы практически не встречаются, поскольку с помощью модели третьей породы выражаются те действия, которые могут быть взаимны и одновременно могут быть представлены шестой породой. Исключения составляют глаголы *ударять (корпусом)* — sa-da-ma — صَدَمَ (تَصَادَمَ صَادَمَ), *бодать, таранить* — na-ta-ha — نَطَحَ (تَنَاطَحَ نَاطَحَ), и немногие другие.

Четвертая порода образуется регулярно от тех глаголов, которые в первой породе непереходные, в основном это глаголы не просто разрушения, а их семантическая подгруппа полного уничтожения:

погубить — 'ag-la-ka — أَهْلَكَ *погубить* — 'aw-ba-qa — أَوْبَقَ
истребить — 'am-ha-qa — أَمْحَقَ *погубить* — 'af-na: — أَفْنَى
уничтожить — 'a-ba:-da — أَبَادَ *потушить* — 'at-fa-'a — أَطْفَأَ

Возвратное действие в данной лексико-семантической группе выражают глаголы пятой и редкой седьмой породы с приставкой in:

разбиться — tahat-ta-ma — تَحَطَّمَ *расколоться* — in-shaq-qa — انشَقَّ
разрушиться — ta-gad-da-ma — تَهَيَّأَ *обвалиться* — in-ha:-ra — انْهَارَ
сломаться — ta-kas-sa-ra — تَكَسَّرَ *потухнуть* — in-ta-fa-'a — انْطَفَأَ
раскрошиться — ta-gash-sha-ma — تَهَشَّمَ *оборваться* — in-qa-ta-*a — انْقَطَعَ
расклеиться — ta-fak-ka-ka — تَفَكَّكَ *раствориться* — in-hal-la — انْحَلَّ
расколоться — ta-shaq-qa-qa — تَشَقَّقَ *расплавиться* — in-sa-ga-ra — انصَهَرَ
износиться — ta-gar-ra-'a — تَغَرَّرَ *лопнуть* — in-fash-sha — انْفَشَّ

При всем многообразии моделей отглагольного действия (масдаров) в первой породе продуктивной оказывается одна модель — fa*-l — فَغَلَ с сукуном (закрытым слогом) посередине.

раздробление — daq-qun — دَقَّقَ *бомбардировка* — qas-fun — قَصَفَ

раскол — shaq-qun — شَقَّ *отрезание* — qat-*un — قَطَعَ
стирание (в порошок) — sah-qun — سَحَقَ *ампутация* — bat-run — بَتَرَ
уничтожение — mah-wun — مَحَرَ *вырывание (с корнем)* — qal-*un — قَلَعَ

Семантика глаголов подгруппы частичной деструкции такова, что их корни участвуют в образовании названий инструментов, для которых в арабском существуют отдельные модели — fa*-*a:-l — فَعَّالٌ, mif-*al (mif-*a:-l; mif-*a-la-t) — مِفْعَلٌ (مِفْعَلَةٌ مِفْعَالٌ). Например:

сверло, дрель — khar-ra:-m — خَرَّامٌ *катапульта* — miq-la:-* — مِقْلَاعٌ
дрель — miθ-qa:-b — مِثْقَابٌ *ножницы* — miq-ra:d — مِقْرَاضٌ
кирка, овощерезка — qat-ta:-*at — قَطَّاعَةٌ *ступка* — mig-ra:s — مِغْرَاسٌ
мясорубка — far-ra:-m — فَرَّامٌ *отвертка, штопор* — mi-fak-k — مِفَكٌ
каток — gar-ra:s — غَرَّاسٌ *мясорубка* — mif-ra-mat — مِفْرَمَةٌ
мялка — gar-ra:-sat — غَرَّاسَةٌ *компостер* — qar-ra:-dat — قَرَّاضَةٌ

Таким образом, можно утверждать, что в арабском языке семантика и грамматика (в том числе словообразование) теснейшим образом спаяны, и эта связь проявляется одинаково как у правильных, так и у неправильных глаголов. При этом связь лексики и грамматики отражается в специфических для арабского языка категориях (типовая огласовка, порода глагола, модель масдара и др.). Семантика является существенным фактором словообразовательных возможностей глаголов арабского языка (наличие или отсутствие действительного и страдательного причастий, возможность образования от корня инструмента действия и др.). Ею определяется форма слова в арабском языке (масдар глагола и др.), либо наоборот, традиционная форма приобретает у корней определенной семантики нестандартное дополнительное значение (шестая порода у глаголов состояния не несет значения взаимодействия). Нами с этой точки зрения были проанализированы только две лексико-грамматические группы арабских глаголов (глаголы состояния и глаголы деструкции) и выявлены их различные грамматические особенности и словообразовательные возможности. Несомненно, другие тематические группы глаголов арабского языка обладают своими наборами грамматических характеристик и также заслуживают детальных исследований в области словообразования. Подобные исследования могут не только представлять интерес с позиций теоретической лингвистики, но и служить материалом для практической методики преподавания арабского языка.

Литература:

1. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. — М.: Русский язык, 1996.
2. Зарытовская В. Н. Лексико-грамматическая категория глаголов арабского языка, выражающих состояния и эмоции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2012. № 2. С. 106–113.
3. 2001 المشرق، دار: بيروت المعاصرة، العربية اللغة في المنجد

Портрет современного учителя в немецкой языковой картине мира (по материалам СМИ)

Муратова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук
Волгоградская академия МВД России

Общественное предназначение школы, по определению немецкого педагога-теоретика Г. Фендта, состоит в передаче знаний, общественных норм и ценностей подрастающему поколению, в социализации последнего: «Institutionsziel besteht also darin zu erreichen, dass Menschen etwas glauben, dass Menschen etwas wissen, dass Menschen etwas können, dass Menschen ein bestimmtes Selbst- und Weltverständnis entwickeln» [1, с. 40].

Для немецкого социума учитель является ключевым субъектом образовательной среды немецкой школы, что подтверждается многочисленными языковыми приме-

рами. В немецких лексемах нашли отражение специализация, возрастные и квалификационные характеристики, статус немецких учителей и дополнительные должностные функции, например, «der Grundschullehrer»/«учитель начальной школы» — «der Gymnasiallehrer»/«учитель гимназии»; «der Privatlehrer»/«частный учитель» — «der Volksschullehrer»/«учитель народной школы»; «der Fachlehrer»/«учитель-предметник» — «der Klassenlehrer»/«классный руководитель»; «der Junglehrer»/«молодой учитель» — «ein pensionierter Lehrer»/«учитель пенсионного возраста»; «der Quersteiger»/«специалист

без компетенции — (часто) без педагогического образования — выполняющий функции учителя» и прочее [1].

Стилистически окрашенная лексика свидетельствует о неоднозначном отношении в немецком социуме к личности учителя: «der Steinmetz»/«каменотес»; «der Gärtner»/«садовник», «der Berater»/«советчик, консультант», «der Mentor»/«воспитатель, ментор, наставник, руководитель», «ein Wegbegleiter»/«соратник, попутчик» — «der Steintrommler» (salopp)/«учителишка» (уничиж.); «der Stundengeber» (ironisch)/«урокодатель» (ирон.).

По утверждению К.Х. Нгуен, языковая картина мира отражает состояние восприятия действительности в прошлые периоды развития языка и общества [2, с. 187–188]. Несомненно, достоверность суждений о современных представлениях этноса о мире будет нарушена, если игнорируются разнообразные эксталингвистические факторы.

Взаимообусловленность социального пространства этноса с его историей, политикой и идеологией находит отражение в языковой картине мира. Например, в немецкой педагогической терминологии эпохи ГДР для обозначения школьного коллектива использовались понятия «das Lehrerkollektiv», «das Pädagogenkollektiv»/«педагогический коллектив». В современном немецком языке для обозначения указанного понятия актуально английское заимствование «das Team» с дефиницией «eine Gruppe von Personen, die gemeinsam etwas macht, an etwas arbeitet ≈ Mannschaft» [1].

Объединение двух немецких государств не изменило признания обществом ценности учительского труда, о чем свидетельствуют ежегодные премии учителям и школам-новаторам «der Deutsche Lehrpreis — Unterricht innovativ», «der Deutsche Schulpreis». Однако звания «der Verdiente Lehrer»/«Заслуженный учитель», «der Volkslehrer»/«Народный учитель», праздник «Lehrtag»/«День учителя» для современного немецкого общества уже не актуальны — соответствующие понятия (и, соответственно, лексемы) являются архаизмами.

По данным немецкого педагогического портала Lehrerfreund. de, к современным реалиям немецкого школьного образования относятся в том числе «Mobbing», «Überforderung», «Frustation», «Burn out»/«моббинг», «перегрузка», «фрустация», «синдром эмоционального выгорания»: «Fast jede/r fünfte Lehrer/in wurde schon Opfer von Mobbing, 40% berichten von Mobbingversuchen in den vergangenen zwei Monaten». «Lehrer arbeiten 51 Stunden die Woche — jede/r Dritte ausgebrannt». «Jede/r vierte Lehrer/in fühlt sich überfordert, ausgebrannt und leer, was sich dann auf Magen, Kreislauf oder Seele legt» [8].

Согласно опросу общественного мнения, проведенного социологическим институтом (das Forsa-Institut), авторитет учителя у немецкого населения становится весомее: в десятке престижных профессий профессия учителя стоит на 9 месте (Lehrerfreund. de от 03.11.2011). Признанный эксперт в области экономики образования, профессор Людгер Весманн полагает, что тот, кто не рассматривает образование с точки зрения экономической перспективы,

тот в конечном счете также несет ответственность за будущую безработицу [4].

Тем не менее, немецкая языковая картина включает не только положительные коннотации в портрете педагога. Наиболее распространенное заблуждение обывателей состоит в том, что учителя работают значительно меньше, чем другие служащие. Приведем некоторые примеры, подтверждающие данное мнение:

1. *Ferientechniker*/дословно: «специалист по каникулам» — коннотация зависит от того, что учителя, якобы, имеют относительно много свободного времени: «Am Vormittag haben sie recht, am Nachmittag frei». [9].

Учительский портал комментирует: многие учителя фактически не работают в летнее время. Но тот, кто стремится проводить хорошие уроки с хорошим дидактическим материалом, все же работает в летние каникулы каждый день в течение многих часов — прежде всего новички в профессии: «Korrekturen, Unterrichtsvorbereitung und Elternabendorganisationen verschlucken einen beträchtlichen Teil der Ferien» (Lehrerfreund. de от 11.05.14).

2. «*Lehrer sind faule Säcke*»/«учителя — лентяи» — цитата экс-канцлера Германии Герхарда Шредера [3].

Фактически учителя инвестируют много времени и энергии в свою работу: подготовка к урокам, личная заинтересованность в учебном процессе, высокие временные затраты, например, при проверке письменных работ — и едва получают положительные отзывы за свою деятельность: «Die Ferien der Lehrer wollen alle, ihre Arbeit allerdings fast niemand» (Lehrerfreund. de от 14.05.2014). В течение года учителя Германии инвестируют почти 600 евро в учебный материал — из своего личного бюджета (Lehrerfreund. de от 20.09.2013).

3. «*Leerkörper*»/дословно: «пустой» + «тело, туловище» (орфографическая вариация слова «Lehrkörper»/«преподавательский состав») — подтекст прозвища заключается в том, что многие учителя не обучают и не оценивают умения и навыки, нанося тем самым невосполнимый ущерб.

По результатам опроса на тему «Чем вы занимаетесь на уроке, когда ученики выполняют письменное задание?», 2/3 учителей выступают в роли консультанта, помогая ученикам в той или иной форме; 1/3 опрошенных оставляет немного времени для заполнения журнала, 7% опрошенных «просто сидят». Экстремальные типы, которые предпочитают организовать только групповую работу на уроке и затем в течение 20 минут путешествуют в Интернете при помощи своего смартфона («surfen») или беспрепятственно проверяют письменные работы параллельного класса, встречаются в 3% случаев (Lehrerfreund. de от 04.10.2012).

4. «*Schwellendidaktik*»/дословно: «дидактика дверного порога» — обозначение стиля обучения, при котором содержание образования определяется дословно «на пороге двери» (при входе в учебный кабинет).

Основные функции немецких педагогов — «unterrichten»/«обучать», «erziehen»/«воспитывать», «beur-

teilen»/«оценивать»; «beraten»/«консультировать» — претерпели изменения. Немецкие педагоги считают, что они стали тренерами и няньками для детей, т.к. воспитательная работа, по предписанию министерств культуры, перекладывается с родителей на учителей: «Lehrer sind in den letzten Jahren zu Trainern der Kinder geworden, da die individuelle Förderung von den Ministerien vorgeschrieben und die Erziehungsarbeit häufig von den Eltern an die Pädagogen abgegeben wird» (Lehrerfreund-Newsletter от 27.12.2014).

Блог «frauhilde», опубликованный немецким учительским порталом, комментирует отношение родителей и учителей к консультациям/«Sprechstunde», которые, по плану школы, должен проводить каждый классный руководитель (*перевод наш, орфография и стилистика сохранена*):

— «Он не читает. Что Вы намереваетесь делать?» — «ЧТО?? Без слов ...»;

— «Я знаю, что мое время консультации закончилось 2 часа назад, но у меня не было мотивации, встать с дивана». — «А У МЕНЯ нет мотивации, разговаривать с тобой СЕЙЧАС!»;

— «Я привыкла с начальной школы, что учительница каждый день проверяет все тетради». — «ЧТО?? Без проблем — у 30 учеников. Охотно!»;

— «Вы должны немножко считаться с нами, родителями». — «В принципе не неправильно: но слышать это предложение в половине девятого — родительское собрание началось в половине четвертого — от родителей, которые работают только в первой половине дня, и не посчитали нужным, договориться о сроке визита, это чересчур»..

По данным популярного издания «Die WELT» и немецкого учительского портала, каждый третий учитель Германии страдает от синдрома эмоционального выгорания, который приводит к ухудшению их здоровья. Как результат — пропуск уроков, ранний выход на пенсию, низкое качество учебного процесса: «Die Mittagspause. Fast nie ist sie so eingerichtet, dass man in Ruhe Pause machen und zu Mittag essen kann. Stattdessen Aufsichten, Vertretungen, Besprechungen oder mit 50 anderen Kollegen im viel zu kleinen Lehrerzimmer hocken... Gesund ist anders» [7, 8].

5. «Istmirdochegal-Typen» / «Мне-все-равно-

типы» — отрицательно мнение об учителях, которые носят плохо сидящую, дешевую, неряшливую одежду, в частности, растянутые свитера/«Schlabberpullis».

Мнение немецких педагогов по этому поводу показательно: речь не о том, что хороший учитель может дать хороший урок, облачившись в мешок из-под картофеля («Kartoffelsack»), а о том, насколько уважение учеников связано с внешним видом учителя: «Wie schon gesagt, ich bin für passende, ordentliche Kleidung, die zum Typ passt und den Schülern signalisiert: Ich nehme das hier ernst» (Lehrerfreund, от 31. 01. 2010).

6. «Stoffvermittler»/«передатчик материала».

Стиль работы педагога, пользующегося авторитетом, немецкие ученики охарактеризовали следующим образом: «konsequent», «in Schach halten»/«держат в узде, не давать передышки» (перен.); «geduldig», «Spaß verstehen», «gegenüber Schülern Respekt haben»; «fachlich qualifiziert», «neutral in Bewertung» [5, 6].

В статье немецкого издания «Welt-Online» признается некорректность критики в сторону педагогов: «Angriffe auf Lehrer haben bei uns Tradition. Mal werden sie als dumm und faul beschimpft, dann wieder als schlecht ausgebildet und pädagogisch unfähig. Dabei ist an den Vorwürfen nicht viel Wahres dran» [7].

Подводя итог вышесказанному, отметим:

1. Личность учителя в немецком социуме является статусной, что, несомненно, находит отражение в языке данного этноса.

2. Портрет учителя в немецкой языковой картине мира отличается разнообразием: наряду с нейтральными лексемами в немецком языке присутствуют многочисленные метафоры с положительной и отрицательной коннотацией.

3. Языковая картина подвержена изменениям, что связано с экстралингвистическими факторами.

4. В современных немецких СМИ находят активное отражение вопросы образования, полемика о роли и имидже немецких учителей.

5. Профессия учителя в немецком обществе становится все более значимой, ее ценность определяется вкладом педагогов в экономическую перспективу Германии.

Литература:

1. Муратова, Е. Н. Структура и содержание фрейма «школа» (на материале немецкого языка): дис. канд. филол. наук. — Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2012. — 231 с.
2. Нгуен, К. Х. Языковая картина в лингвистике. / К. Х. Нгуен // Материалы международной заочной научно-методической конференции «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» — Волгоград, 15 апреля 2011 г. — В 3 частях — Ч. II. — с. 185–191.
3. Schwandt, Erhardt. Lehrer sind faule Säcke: Nachrichten aus der pädagogischen Provinz./Erhardt Schwandt. — Berlin: Saint-Albin-Verlag. — 1996. — 139 S.
4. Wößmann, Ludger. Wie viel Geld ist eine Lehrer/in wert?/Ludger Wößmann // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lehrerfreund.de>. (дата обращения 10.07.2015)
5. Bildung: Dergute Lehrer/ZEIT ONLINE.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/online/2007/30/>(дата обращения 04. 09.2015).
6. Bildung: Gute Lehrer, schlechte Lehrer./Berliner Morgenpost/09.03.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morgenpost.de> (дата обращения 13.09.2015).

7. Vorurteile gegen Lehrer — Faule Säcke im Schlabberpulli./SZ. de [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/bildung/vorurteile-gegen-lehrer-faule-saecke-im-schlabberpulli> (дата обращения 02.08.2015).
8. Vorurteile: — Warum die Dauer-Kritik an Lehrern falsch ist./Welt Online/06/03/2009/[Электронный ресурс]. URL: <http://www.welt.de/politik/bildung/article333712/warum-die-dauer-kritik-an-lehrern-falsch-ist.html> (дата обращения 23.08.2015).
9. Der Lehrerfreund — Informationen für Lehrer rund um die Schule. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lehrerfreund.de> (дата обращения 14.09.2015).
10. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mundmische.de>.

Понятие семантической деривации

Осадчая Алёна Владимировна, магистрант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Язык, как и все явления в мире, находится в процессе постоянного изменения. В первую очередь это касается словообразования как наиболее открытой и динамичной области в системе языка. Лексическая подсистема языка играет большую роль в выполнении языком важнейшей задачи — обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями. Лексикон языка постоянно видоизменяется, причём словообразование и заимствование обогащают словарный состав языка новыми словами, которые являются своеобразным откликом на изменения в технике, естественных науках, обществе. Не следует, однако, недооценивать роль изменения значения слов, уже существующих в системе языка, поскольку изменение их семантической структуры также является путём обогащения словарного состава языка.

В настоящее время накоплен достаточно большой опыт в изучении семантики слова, с которой тесно связан семантический способ словообразования. Активное изучение семантики слова, глубокий анализ её сложной многоаспектной структуры позволил прибегнуть непосредственно к выявлению механизма семантической деривации и поставить вопрос о закономерностях этого процесса, установлении моделей, отражающих характер деривационного процесса [6, с. 110].

Возникающие в языке XXI века и отразившиеся в его словарном составе изменения касаются как собственно семантики, так и словообразовательных процессов, результатами которых являются инновации, позволяющие выявить наиболее продуктивные модели сегодняшнего дня. Постоянно осуществляется как образование новых слов, так и семантическое преобразование уже имеющихся лексем, результатом которого являются семантические дериваты [1, с. 17].

Изучение семантических дериватов в языке вообще, и в языке СМИ, в частности, является необходимым по нескольким причинам. Во-первых, потому, что при этом принимаются во внимание семантические особенности языковых единиц. Во-вторых, семантические трансформации неразрывно связаны с общими языковыми зако-

нами. И, наконец, как и любое явление, возникновение новых значений слов — это результат определённых процессов, происходящих в языке или в окружающем мире. Они не только оказывают влияние на нашу речь и на языковую систему, но и отражают языковую картину мира носителей языка [8, с. 54].

Как известно, неморфемный путь образования новых номинативных единиц существует в языке параллельно с морфемным. Но, к сожалению, современных лингвистов в большей степени интересуют вопросы морфологического словообразования, проблемы же семантической деривации обычно рассматриваются в лексикологии не в разделе словообразования, а как самостоятельный раздел, связанный с изменением семантики слов.

Следует отметить, что В.В. Виноградов был одним из первых, кто обратил внимание на семантические преобразования в смысловой структуре слова. Он рассматривал лексико-семантический способ словообразования как «переосмысление прежних слов, формирование омонимов путём распада одного слова на два» [2, с. 156]. Данное положение стало теоретической основой, на которую опирались исследователи, занимающиеся освещением различных вопросов, касающихся рассматриваемой проблемы.

В дальнейшем развитие науки определило необходимость решения некоторых вопросов, связанных с семантическим переосмыслением. Одним из наиболее важных среди них является статус производных языковых единиц.

Известные отечественные языковеды А.А. Потебня и Л.В. Щерба не оставили без внимания эту проблему. О невозможности сочетания в одном слове нескольких значений пишет в своей работе А.А. Потебня, отмечая, что многозначности как таковой не существует, «на самом деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» [7, с. 15].

Л.В. Щерба также отмечает, что слово не может иметь несколько значений: «на самом деле столько слов, сколько данное фактическое слово имеет значений» [11, с. 184].

Отношение лингвистов к данному вопросу является неоднозначным. Одни, следуя традиционной точке зрения, признают существование многозначных слов и рассматривают семантическую деривацию как «регулярную многозначность» (Апресян Ю.Д., Янценецкая М.Н. и др.), подразумевая под ней способность слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений. Другие говорят о том, что семантические дериваты представляют собой качественный «скачок в виде акта рождения нового слова, возникающий в результате накопления различных ассоциаций по мере употребления слова» [4, с. 125].

В.М. Марков рассматривает семантическую деривацию как один из основных и наиболее продуктивных способов русского словопроизводства. На сегодняшний день исследования по данной проблеме представлены лишь наличием теоретических положений, касающихся признания этого пути возникновения новых номинативных единиц, определение его статуса в системе языка. Детальное изучение семантической деривации, исследование её результатов на конкретном практическом материале недостаточно отображено в трудах современных лингвистов. Как правило, в них рассматриваются вопросы, связанные с разграничением полисемии и омонимии (Будагов Р.А., Ермакова О.П., Задорожный М.И., Новиков Л.А., Прохорова В.Н. и др.).

Многообразие трактовок и терминов — например, лексико-семантическое производство (Мешков О.Д.), семантическое словообразование (Виноградов В.В.), полисемия (Прохорова В.Н.), семантическая деривация (Шмелев Д.Н.) — подчёркивает отсутствие единого взгляда на исследуемое явление и вызывает необходимость его изучения.

В словообразовании один из путей рождения новых слов, базирующийся на единстве плана выражения, обусловил появление нового направления в лингвистике — семантической дериватологии, где лексико-грамматические свойства производящего и производного слова детерминированы лексико-семантическим разрядом (Гак В.Г., Мешков О.Д.). Такие понятия, как продуктивность — непродуктивность, производность — непроизводность, регулярность — нерегулярность характерны семантической деривации. С их помощью раскрывается соотношение между производящей основой и производным словом, что является необходимой предпосылкой правильного понимания направления производности и сути семантических отношений в этой оппозиции (Падучева Е.В., Кустова Г.И., Трубачев О.Н.).

В большинстве случаев под семантической деривацией понимают образование производных номинативных единиц от исходных слов без изменения формы знака [6, с. 39]. Интерес к изменению значения слова исследователи начали проявлять ещё до возникновения самого термина «семантическая деривация». На сегодняшний день значительное внимание уделяется вопросам семантической деривации в рамках когнитивной, коммуникативной и функциональной лингвистики. К данной проблеме часто

обращаются также при прогнозировании развития значения слова.

Семантическая деривация трактуется в лингвистике в целом как частное проявление деривации. Однако само понятие «деривация» имеет в научной лингвистической литературе разное толкование. В узком смысле слова деривация представляет собой аффиксальное образование, образование новых слов посредством аффиксов (или при помощи деаффиксации) согласно словообразовательным моделям, характерным данному языку» [3, с. 129].

Учёные, следующие этой концепции, выделяют следующие типы деривации: первичная деривация — деривация от корня, вторичная деривация — деривация от производной основы, прогрессивная деривация — аффиксация, регрессивная деривация — деаффиксация. Широкая трактовка понятия «деривация» распространяется на процессы образования в языке любых вторичных знаков различных уровней языка, в том числе благодаря использованию знаков в новом значении. В последнем случае, собственно, и используется термин семантическая деривация.

Существует несколько иная точка зрения на значение этого понятия, в рамках которого семантическая деривация рассматривается не столько как термин словообразования, сколько как термин лексической семантики. Под семантической деривацией большинство лингвистов понимают образование значений многозначного слова. Шмелев Д.Н. при этом отмечает обязательное наличие между этими значениями отношений производности, или, в его терминологии, эпидигматических отношений [10, с. 158].

Тем самым семантическая деривация отграничивается от омонимии как «чисто внешнего совпадения двух или более слов, в значении которых нет ничего общего» [3, с. 183]. Таким образом, семантическая деривация как способ развития многозначности слова противопоставляется лексико-семантическому способу словообразования как способу образования омонимов [5, с. 153]. Данный подход находит отражение и в лексикографической практике исторических словарей. Однако при обращении к истории происхождения этого термина и к его общенаучному значению, можно установить некоторое несоответствие содержания и смысла лингвистического термина деривация узкоспециальному термину деривация, употребляющемуся в рамках других наук.

Термин деривация имеет латинское происхождение: слово *derivation* употреблялось сначала в значении «отверждение, отклонение». Таким образом, деривация в целом рассматривается как отклонение от нормального или исходного состояния, изменение направления развития, ответвление. Следовательно, соблюдая общенаучную тенденцию и традицию в определении термина деривация, лингвистический термин семантическая деривация следует использовать при описании семантических процессов, приводящих к отклонениям от исходного значения слова, его изменениям [8, с. 56].

Семантическая деривация — это процесс появления у слова семантически производных значений, семантиче-

ских коннотаций, дополнительных значений, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма, результатом которого является появление так называемой полисемии [9, с. 204]. Деривация имеет несколько направлений изменений, которые определяют основные типы самой деривации: **метонимические и метафорические процессы** изменений в семантической структуре слова, **расширение и сужение** лексического значения слова, **гипербола, литота, ирония** как представители второстепенных типов изменения значения.

Семантическая деривация отражает разные стадии развития семантики слова и выполняет разные функции в формировании семантической системы. Семантическая деривация является количественным фактором семанти-

ческих изменений: появляющиеся новые значения слова всё более расширяют его семантический объём [12, С. 253–258].

Следует отметить, что значительную роль в функционировании и распаде семантически значимых элементов играет контекст, определяющий значение слова. Таким образом, семантическая деривация — это изменения, возникающие в семантической структуре слова. Процесс развития имеет конечную цель — образование нового слова, в то время как семантическая деривация как процесс изменения семантической структуры слова точной цели не имеет, она не заканчивается появлением нового слова, хотя зачастую может рассматриваться как отправная точка семантического словообразования, то есть как определённый этап развития семантической системы.

Литература:

1. Агеева, Ю. В. Семантическая деривация в русском языке новейшего периода (на материале адъективной лексики): автореф. дис. канд. филол. Наук/Ю. В. Агеева. — Казань, 1997. — 17 с.
2. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова/Виноградов В. В. // Избранные труды: Лексикология и лексикография. — М., 1977. — 409 с.
3. Зеленский, А. Л. Теория немецкого языкознания: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений/А. Л. Зеленский, О. В. Новожилова. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 400 с.
4. Марков, В. М. Избранные труды по русскому языку/Под ред. проф. Г. А. Николаева/В. М. Марков. — Казань: Изд-во ДАС, 2001. — 275 с.
5. Никитченко, Н. С. Способы образования новых значений, отличные от семантической деривации/Н. С. Никитченко // Лингвистические исследования. 1984. Историко-типологическое исследование разносистемных языков. В 2 ч. — Ч. 1. — М., 1984. — с. 147–155.
6. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения/М. В. Никитин. — М., Высшая школа, 1988. — 168 с.
7. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. — М.: Учпедгиз, 1958. — 536 с.
8. Прохорова, В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. Лекции по спецкурсу/В. Н. Прохорова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 87 с.
9. Трубочев, О. Н. Приемы семантической реконструкции/О. Н. Трубочев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. — М., 1988. — с. 197–222.
10. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики/Д. Н. Шмелев. — М.: Наука, 1973. — с. 190–258.
11. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии/Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Т. 1. — Л., 1958. — с. 54–91.
12. Юнусов, Р. Р. Семантическая деривация в сфере русских и польских субстантивов/Р. Р. Юнусов // Исследования по русскому языку: Сб-к статей к 70-летию профессора Э. А. Балалыкиной/Под ред. В. М. Маркова. — Казань: КГУ, 2007. — с. 253–258.

Этнолингвистическая лексика, связанная со свадебными обрядами ичкинских татар

Саматова Рания Маратовна, учитель татарского языка и литературы
МБОУ СОШ № 98 (г. Казань)

Этнолингвистика — это наука, изучающая традиции и лексику, которая встречается в сфере культуры [1:17].

Свадьба — лексическая единица, которая знакома всем тюркским народам. Основное значение этого слова — роскошные пиры и гуляния. Но в то же время свадьба — это

своего рода торжественный обряд. Свадьбе свойственны следующие признаки: такая прибыль как — калым, древние поверья, которые наделены магическими свойствами и каноны, связанные с историей. Свадьба — это

явление, которое связывает этнографию с фольклором, традиции с поэзией.

Традиции татарской свадьбы в этнографии делятся на 3 части [3:27]:

1. Предсвадебный этап: сватовство, сговор, брачный договор, обручение;
2. Свадьба: никах, оформление брачных отношений, сама свадьба;
3. Послесвадебный этап: проводы невесты и другие обряды.

Мы уделили особое внимание свадебным традициям татар, живущих в деревнях Кызылбай и Байрак Шатровского района Курганской области. Сравнивая традиции этих татар и татар Поволжья, мы можем сделать следующий вывод: между ними есть как различные, так и схожие черты. Особенности проявляются не только в традициях, но и в говорах. Научная статья написана на основании собранных нами материалами во время диалектологической практики.

Баш қода — отец жениха. Баш кода, сам жених и родственники жениха идут просить руки невесты. Когда приходит баш кода, назначают день свадьбы: *Ин алдан баш қода килә, анын белән егет, ир туганның да була инде. Шуннан сон, баш қодага эти белән әни, әйтеп қайтаралар туй көнөн.*

Қалын сорав — это материальная помощь, которую просит сторона невесты у стороны жениха для проведения свадьбы: *Ул вақытта қалын сорағаннар. Қалыңға ақца кергән. Мал белән дә булған.*

Некә (никах) — жених и невеста закрепляют отношения религиозным обрядом: *Туй алдыннан элгәрәк некә уқыталарийе. Болай мулланы қақыртып өйдә генә әти-әнисе аш-су пешереп анын йақын туганнары некә уқытқаннар. Некә уқытқанда берәз ғына қунақлар килгән. Бүләкләр алып килгәннәр инде шунда. Муллаға хәйер бирә торған булғаннар.*

Бирнә — это подарок со стороны как жениха, так и невесты друг-другу: *Бирнәне жегет йақтағы туганнарга қыз йақ бирә, ә қыз йағына жегет бирә торғаныйы. Берсе-берсенә шулай бүләк итешәләрйе.*

Некә майы — после никаха, сначала невеста пробует масло (**некә майы**), а потом гостям раздают хлеб, намазанный этим маслом: *Никахнын үзенчәлеге шунда, анда булаган барлық кешеләргә дә ипигә йағып май қаптыралар. Менә шул некә майы була инде.*

Қыз яшерү — когда жених приходит за невестой, ее прячут. Эта традиция похожа на обряд Казанских татар, которая называется «Ишек бавы»: *Туйнын беренце көнендә, ике йақ бергә қатышалар. Шуннан, мин қызны сатып алырга киләм. Анда қыз йақта жыйылалар да, шуннан қыз қаца миннән. Аннары мин эләйем аны.*

Амбирақ — это песня, которую поют жених, его друзья и родственники, когда они идут за невестой: *Ә туй башланыр вақытында жегетне қыз йанына кертәләр бит әле. Шул вақытта жегеткә ақ йаулық бәйләтәләр бөтөнөсә. Элек икенче көннә факеллар йағып эшләгәннәр. Менә шунда амбирақ әйтәләр:*

Амбирақтин, жанбирақтин, кийәү килә йырақтин. Жамалиға йулға қуйған, хәстәр йулын алғацын. Амбирақтин, жанбирақтин, кийәү килә йырақтин. Қыз баланың қуйынына, хәстәре йанын алгалы.

Мылтық ату — перед тем, как жених пойдет в дом невесты, у ворот разжигается костер, и жених, гости перепрыгивают через него. Эта традиция проводится для того, чтобы защитить молодоженов от проклятий, болезней. После этого они стреляют по дымоходу: *Мылтықтан атып, қызға килгәннәр. Қыз йақнын моржасын атып төшөрәләр.*

Сый — предсвадебное угощение близких родственников, которое предполагает материальную помощь с их стороны: *Аннан сон туй көннә хәр кешенен: қызнын үз йағыннан туганнары жыйылған, жегет кешенен үз йағыннан үз туганнары жыйылған. Ин беренце ашылда сый була. Менә бөтөнөсә жыйылыштылар, өстәлләр йасаганда туганнар ата-анаға булышқаннар элек. Ата-анаға берәз туйнын салымын қаплар өцән йәрдәм иткәннәр. Кемдер ақцалата биргән, кемдер бодайлата биргән, ә кемдер азрак қына әйберләтә китергән. Шул сыйда қунақларны сыйлаганнар.*

Уртақ — ответственный за свадебный процесс. Как правило, эту обязанность на себя берут пара женатых людей. После свадьбы они, подобно этой свадьбе, делают праздник. Этот пир менее торжественен, чем сама свадьба: *Туйны алып баруцы уртақ була. Туй башланып киткәнцә, туй ийәсә уртақ, үзенә йақынрак кешесенә, или дусларымы, или йақын туганнарымы бер парны уртақ итә. Уртақ элеккецә үз өйенә қунаққа қақырыға тийеш була. Бөтен туйнын халқын өйөнә алып керегә тийеш.*

Ритуалы, которые устраивают для жениха и невесты, перед тем, как они пройдут в дом:

а) угощение хлебом. Суть заключается в том, что кто первым съест хлеб, тот и будет главным в доме: *Килән белән кийәү өйгә керер алдыннан, аларға ипи қаптырганнар. Кем күбрәк қапқан, шул эшчән дип саналған. Кем ашыздағы ипине тизрәк ашап бетерә, шул хужа дип саналған.*

б) «борьба» между молодоженами. Смысл тот же, что и в первом обряде: *Килән белән кийәүне көрәштерәләр. Қайсы жинә, шул хужа була.*

Қыз бүләшү — игра, которая проводится во время свадьбы. Перед входом в дом мужчины выстраиваются в один ряд, а женщины — в другой, затем каждый в свою сторону тянет канат: *Элекке вақытта қызлар бүләшү барайы. Ирләр бер йақта қала иде, хатын-қызлар бер йақта қалайы. Әзерме сез дигән вақыттан бүләшә башлыларыйы.*

Жингәлек — человек, который во время свадьбы прислуживает жениху и невесте: *Кийәү белән килән бергә қунып цыққан сон, аларға жингәлек мунца йаға торғаныйы. Себерке астына жингәлектә ақца қуйалар.*

Оцыргыц — второй день свадьбы. Сначала разукрашивают лошадей, затем по деревне молодожены едут на них голопом. После этого слезают у дома жениха, и невеста должна перепрыгнуть через костер у ворот. Эта традиция проводится для того, чтобы наследственные болезни не затронули молодую семью: *Туйнын икенце көне оцыргыц дип атала. Анда йәшләр генә була, қартлар йөргәнә йөрөй, йөрмәгәнә йуқ. Оцыргыцта өйләнешкән йәшләр генә йөрөй торғаныйы. Қапқа төбенә уңақ йағып, шуннан қызны сикертәләрейе. Ул оцыргыц көненә керә. Ут аша сикертүнен мәгнәсе шунда, қыз баланың бөтен қыйтымлары ут артында қалсын дийәләрейе.*

Булышлық — взаимопомощь с обеих сторон друг-другу, которая проводится после свадьбы: *Туй үткәц, бу-*

лышлық була. Қыз йағы аерым, жегет йағы аерым жыйылып булышалар бер-берсенә булышалар.

Қыз күчерү//қыз илтү — молодожены сначала живут у родителей невесты, а потом переселяются в дом родителей жениха. Родственники жениха приходят за невестой без жениха. В дом мужа молодую жену провожают ее родственники: *Бер ай буйы мин қыз йақта тордым. Аннары бит инде қызны күцерергә кирәк минем йаққа. Шуннан қызны алырға киләләр. Мин килмәйем, минем туғаннар алып қайта аны.*

Ввиду известных исторических причин татарский народ расселился по всему земному шару, но, несмотря на это, народ сохраняет свои традиции, привычки. Это мы увидели на примере татарских свадебных традиций.

Литература:

1. Сафақул татарлары: тарих, тел, халык ижаты/Ф. Ю. Юсупов. — Казан: Татполиграф, 2006. — 607 б.
2. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. 1. — Казан: Тат. кит. н шр., 1979. — 725 б.
3. Баязитова, Ф. С. Гомернең өч туе (Татар халкының гаилә йолалары). — Казан: Татарстан кит. нәшр., 1992. — 295б.

Основные элементы педагогического дискурса

Тленкопачева Марьяна Наурбиевна, аспирант

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Статья посвящена исследованию признаков педагогического дискурса, его участников, видов педагогического взаимодействия, хронотопа, стратегий и жанров.

Ключевые слова: педагогический дискурс, социальный институт, адресат, адресант, одностатусный, разностатусный, жанры, стратегии, хронотоп.

Образования, несомненно, занимает важное и незаменимое место в любом современном обществе. Это обусловлено, главным образом, потребностью в интеллектуальных, образованных, воспитанных членов общества. Здесь нужно особо подчеркнуть роль коммуникации в процессе образования. Не вызывает сомнения, тот факт, что абсолютно любой процесс обучения или воспитания невозможен без языка, а значение педагогического дискурса в образовании огромное, это неразрывно связано с тем, что образование как социальный институт обслуживает именно педагогический дискурс.

Целью педагогического дискурса является социализация нового члена общества, т.е. объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов [1, 304].

Следует отметить, что педагогический дискурс обладает такими признаками как:

1) участники коммуникации, обладающие определенным статусом в обществе,

2) определенное месторасположение,

3) неформально определенные и зафиксированные ценности,

4) стратегии, обладающие конкретной направленностью на объект (последовательностью речевых действий в типовых ситуациях),

5) определенное количество жанров,

6) строго обозначенный перечень прецедентных феноменов (фамилий, имен, изречений, текстов, положений и ситуаций).

Говоря о педагогическом дискурсе, нельзя не остановиться подробно на участниках данного языкового феномена.

В ПД в роли адресанта выступают представители института образования. Адресант выступает в качестве дискурсивного экспертного общества, которое представляет собой иерархически организованную группу экспертов в сфере образования, которая владеет определенным набором жанров, посредством которых осуществляются коммуникативные цели.

Адресанта главным образом характеризует компетентность, качества тонкого психолога, стремление лучше уз-

нать адресата, установить с ним контакт и донести до адресата нужную информацию.

Особенностью ПД является то, что адресант почти во всех случаях может быть только одиночно-индивидуальным.

В любой речевой ситуации главным инициатором выступает учитель. Именно в его руках сосредоточена власть в конкретной обстановке. Его можно назвать «держателем речи», адресантом который создает тексты по причине внутренней необходимости, потребности, желания. Адресант наделен талантом создавать речь и воплощать её в жизнь в виде собственного педагогического текста. При этом целью адресанта является намеренное воздействие на адресата с желанием добиться желаемого в определенной коммуникативной ситуации.

В какой-то мере можно говорить, что адресант в педагогическом дискурсе является «собственником» своего слова. Это человек, которому есть что сказать, знает как это сделать красочно и ярко и имеет четкую направленность на конкретную аудиторию. Иначе говоря — профессионал своего дела.

В качестве адресата в ПД могут выступать все участники процесса образования.

Адресат или реципиент в педагогической речевой ситуации — это человек, которому адресовано высказывание, тот который получает информацию. На наш взгляд, полагаем, что он может быть назван объектом общения.

В ПД адресат может быть как единичным, так и множественным. В первом случае адресат представлен отдельным человеком (н-р, беседа учителя с отдельным учеником), во втором, когда получателем информации является группа людей, объединённых по определенным признакам (н-р, класс). Отметим, что в ПД чаще адресат бывает множественным.

Ярким признаком педагогической коммуникации является однообразие речевого стиля лиц вовлеченных в процесс общения в рамках педагогического дискурса типа институционального. Последнее обеспечивается механизмом *ролевого поведения*: стандартная дидактическая коммуникативная ситуация, соотносится субъектом речи с типовой «контекстной моделью» [2, 78].

Согласно Р. Водак, любое педагогическое взаимодействие, а именно: родительский комитет, классные часы, форумы, в число которых входят как учителя, некоторые школьники, их мамы и папы, члены соц. обеспечения, так же представители иных организаций и работники различных соц. объединений в действительности образованы по правилам строгой институциональной иерархии. Отметим, что коммуникация в ПД может происходить в двух основных направлениях:

- 1) Равностатусная
- 2) Разностатусная

Коммуникация между равностатусными участниками разговора подразумевает то, что в общении участвуют социально равные люди. Это может быть разговор между учителями, студентами, учениками и т.д.

P1: Hello Jane, can you help me? I don't understand.

P2: Yes of course! Show me.

Разностатусное речевое взаимодействие происходит, соответственно, между людьми, занимающими разные положения в образовательном процессе. Например, разговор между учениками или учителями, обращение ректора к преподавательскому составу вуза на совещании.

T: What would you say it looks like?

Ch: A space sheep.

Хочется также обратить внимание на то, что педагогический дискурс может быть как в виде диалога (разговор учителя и ученика), так и монолога (речь учителя, обращенная к ученикам, но которая не требует ответной реакции).

Нельзя оставить без внимания влияние хронотопа на педагогический дискурс. Как совершенно справедливо утверждает В. И. Карасик, хронотоп педагогического дискурса очень четко очерчен: это время, закрепленное за учебным процессом (школьный урок, университетская лекция) и место, где соответствующий процесс происходит (школа, класс, учебная аудитория) [3, 211]. К педагогическому дискурсу можно отнести диалог, который происходит между учителем и учеником на улице во внеурочное время, т.к. все нормы педагогического дискурса здесь тоже сохраняются.

Ценности педагогического дискурса объясняются его системообразующей целью. Они могут быть выражены аксиологическими протокольными предложениями — высказываниями, которые, как правило, содержат операторы долженствования (следует, нужно, должно). Подобные высказывания в некоторых случаях реализуются в педагогических речевых ритуалах, возможно такое, что они зашифрованы в пословицах, поговорках, смысловых текстах. Аксиологические протокольные предложения очень часто используются в случаях коммуникативного сбоя, когда участникам дискурса приходится формулировать то, что обычно является условием нормального общения. Например, «...Hands up, hands up and I'll tell you», «What did I tell you about calling out?».

На наш взгляд, трудно составить полный список ценностей педагогического дискурса, поскольку по умолчанию в педагогическом дискурсе заложены все моральные ценности (религиозные, научные, социальные, политические), исходя из того, что этот является фундаментом для формирования мировоззрения человека.

Стратегии педагогического дискурса — это последовательности интенций речевых актов в типовой ситуации социализации. Они могут быть охарактеризованы как пояснение, объяснение нового материала, оценка результатов работы, контроль, взаимодействие и организация деятельности основных участников данного дискурса — учителя и учеников.

В достаточно значительном репертуаре коммуникативных стратегий педагогического дискурса можно выделить следующие:

1) Объясняющая. Целью объясняющей стратегии является передача накопленных знаний, а не поиск новой

информации или объективной истины. Данная стратегия в большей степени сближает педагогический дискурс с научным. С точки зрения ученика, цели ПД близки к целям научного, но в отличие от научного общения в ПД большее значение имеет соответствие информации уровню знаний адресата, а не научная точность.

(Teacher: The present simple tense is very often used with adverbs of repeated time. Look at these examples...)

2) Оценивающая. Данная стратегия ПД характеризуется оценочными стереотипами. Главный признак оценивающей стратегии — наличие оценивающей шкалы. Полоски на этой шкале ставятся в соответствии с определенными уже принципами для, как можно, верного определения уровня знаний. Эта стратегия выражает значимость учителя как представителя общества, которая определяется его полномочием давать оценку достижениям ученика.

(Teacher: It's good done!)

3) Контролирующая. Контролирующую стратегию можно определить как «обратная связь». Она проявляется в проверке готовности ученика к усвоению новых знаний. Учитель контролирует на сколько хорошо пройденный материал усвоен учеником. Обратная связь — значит поддерживать контакт с адресатом. Благодаря ей учитель проектирует совместную с учеником деятельность.

(Teacher: Did all of you the homework. Now I'm going to check it.)

4) Содействующая. Целью содействующей стратегии является поддержка и исправления ошибок ученика и создание благоприятных условий для его дальнейшего саморазвития. Можно найти много схожего между содействующей и контролирующей стратегиями, но принципиальное отличие заключается в том, что оценка направлена на объективное выявления состояния дел, а содействие — на создание благоприятных условий для формирования и развитие личности человека.

(Teacher: You made a mistake here. Please, be extremely attentive because I'm going to explain to you what is wrong.)

5) Организующая. Главным образом организующая стратегия заключается в совместных действиях участников педагогического дискурса. Здесь может идти речь как об организации учебной деятельности, так и внеклассных мероприятий.

(Teacher: Tomorrow if the weather is fine we will go to the cinema. What kind of film do you want to watch?)

Жанры педагогического дискурса могут быть исчислены либо в рамках дедуктивной модели, которая построена на базе различных признаков (например: цели,

типы участников, типы сценариев, степень ритуализации и т.д.), либо на принципах реально существующих естественно сложившихся формах общения, для которых возможно выделение прототипных (канонических) единиц: урок, открытый урок, лекция, семинар, экзамен, родительское собрание, диспут, совещание, беседа родителей и ребенка, учителя и ученика и др, при этом основные жанры педагогического дискурса могут быть разделены на типы (простой урок, урок-экскурсия, открытый урок, урок-зачет и т.д.). Следует отметить, что жанры педагогического дискурса непосредственно связаны с вышеуказанными стратегиями. Например, одним из жанров педагогического дискурса является дефинирование — это важное составляющее объясняющей стратегии. Учебные дефиниции отличаются от научных, т.к. для понимания учебных толкований признак достаточности (т.е. опоры на закрепленные знания ученика) важен не меньше признака полноты информации (т.е. объективной характеристики явления).

Не оставим без внимания и речевые жанры учителя, которые образуют этикетную рамку учебного занятия: пожелания, приглашения, поздравления и т.д. [4, 4] Также можно отметить метаречевые и фатические речевые жанры:

1. шутка;
2. комплимент-благодарность аудитории за старательную работу на уроке;
3. цитирование (завершение или начало обсуждения яркой цитатой или афоризмом);
4. призыв к применению усвоенных знаний на практике;
5. «дразнящий» вопрос и т.д.

В заключении хочется подчеркнуть, что педагогический дискурс объективно выделяется в системе институционального дискурса. Трудно переоценить его роль в системе образования. Не вызывает сомнения тот факт, что с развитием образования значение и место ПД в образовательной среде и в обществе в целом возрастает, ведь образование будучи социальным институтом обслуживает именно этот тип институционального дискурса, а потребность общества в социализации своих новых членов априори постоянна. ПД задействует огромную аудиторию и отражает этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы. Подводя итоги нами проделанной работы, можно заключить, что педагогический дискурс как институциональный включает в себя всех участников коммуникации, цель, ценности, хронотоп, нормы, жанры и стратегии.

Литература:

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 304 с.
2. Dijk, T. A. van. On macrostructures, mental models, and other inventions: A brief personal history of the Kintsch-van Dijk theory // Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. — Hillsdale, 1995. — 78 с.
3. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. — 211 с.

4. Габидуллина, А. П. Моделирующие жанры учебно-педагогического дискурса, 2002. — 4 с.
5. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford, 1983.
6. Stubbs, M. Educational Linguistics. — Oxford, 1988. Habermas, J. Justification and Application: Remarks on Discourse Ethics, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993.
7. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. — Frankfurt/M., 1981.
8. Habermas, J. The Theory of Communicative Action, vol. 1. Reason and the Rationalization of Society, Beacon Press, Boston, 1995a.
9. Habermas, J. Toward a Critique of the Theory of Meaning // Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays. Polity Press, 1995b. P. 68–70.
10. Гридин, В. Н. К проблеме роли мотивации в порождении речевого высказывания // Проблемы психолингвистики. М., 1975. с. 56–63.
11. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986.
12. Олешков, М. Ю. Вербальная агрессия учителя в процессе педагогического общения // Стандарты и мониторинг в образовании, 2005а, № 2. — с. 43–50.
13. Олешков, М. Ю. Дидактический аспект коммуникативного взаимодействия // Ученые записки НТГПИ. Вып. 3. Педагогика и психология. Нижний Тагил, 2001. — с. 25–31.
14. Олешков, М. Ю. Дискурсивные категории в коммуникативном процессе (опыт лингвопрагматического анализа) // Филологические науки, 2006а, № 4. — с. 105–114.
15. Олешков, М. Ю. Интенциональность как психолингвистическая основа моделирования процесса дидактической коммуникации // Альма-матер. Вестник высшей школы. — 2005b, № 3. — с. 56–57.
16. Олешков, М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса.
17. Титоне, Р. Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. М., 1984.
18. Wodak, R. Disorders of discourse. — L.; N. Y.: Longman, 1996.
19. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. — М., 2003.
20. Dijk, T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. — The Hague, 1981
21. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.
22. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. — Frankfurt/M., 1981.
23. Bach, K., Hamish M. R. Linguistic Communication and Speech Acts. — Cambridge, MA, 1979.
24. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford, 1983.

Стратегии восприятия эмоций и концепта памяти

Шаталова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук
Гимназия №1 (г. Стерлитамак, Башкортостан)

Шаталова Дарья Сергеевна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет

XX в. велись споры о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими языка. По мнению некоторых исследователей (подробнее см. [Kerbrat-Orecchioni С. *Laconnotation*. — Lyon, 1977]), язык служит, прежде всего, для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний, а проблема выражения эмоций, по её мнению, не является основной. Однако все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой. В свое время Ш. Балли, Э. Станкевич, Д. Гоулман, Э. Стивенсон и Э. Сепир (представители американской лингвистической антропологии) признавали, что эмоции могут быть выражены языком. Профессор Оксфордского университета Джин Эйчисон в одной из своих работ [Aitchison

1985: 24] отмечал, что лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут. До середины 70-х годов эта проблема, действительно, была довольно экзотической и опасной. Ш. Балли задался вопросами: «Откуда возникла эмоция? Исходит ли она из слов и оборотов или идёт от личности, которая произносит фразы? В самом языке существует эмоция или в сознании говорящего? Зависит ли она от обстоятельств произнесения речи, от ситуации?» По мнению Ш. Балли (подробнее см. [Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961]), эмоциональные компоненты существуют на всех уровнях языка (что подтверждается современной лингвистикой эмоции и находит отражение в работах отечественных авторов [Шаховский 2001]. Следует упомянуть и мысль М. Бреала о том, что «речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых

рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а всё это не может быть произведено без эмоционального сопровождения».

При эмоциональном переживании периферические изменения охватывают весь организм, распространяясь на систему мышц лица и всего тела, а также проявляются в так называемых выразительных движениях: мимика — выразительные движения лица; пантомимика — выразительные движения всего тела; «вокальная мимика» — выражение эмоций в интонации и тембре голоса. Чаще всего в качестве наиболее существенных элементов экспрессии выступают мимика и интонация речи. В речи каждого человека эмоциональное возбуждение манифестируется в целом наборе выразительных средств: в интонации, ритме, темпе, паузах, повышении или понижении голоса и т. п. [Багдасарова 2004: 29].

Любую эмоцию можно выразить, используя свойства человеческого голоса. В работах Н. В. Витта [Витт 1990] и Э. А. Нушикян [Нушикян 1986] приводятся результаты исследований, целью которых послужило установление зависимости между эмоциональным состоянием говорящего, с одной стороны, и акустическими коррелятами, проявляющимися в речи, с другой. Так, например, фиксировалось увеличение частоты основного тона (ЧОТ) при выражении положительных эмоций, и понижение его частотных характеристик при проявлении отрицательных.

В фонетическом аспекте эмоции проявляются как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях (изменение качества, длительности гласных и согласных звуков, появление в высказываниях логического, emphatic ударений — те явления, которые могут происходить под влиянием испытываемых эмоций). Одним из основных средств передачи эмоционального состояния является интонация. Наблюдается некая зависимость между интонацией и лексико-синтаксической последовательностью (на которую первая «накладывается»): в одних случаях интонация накладывается на нейтральный состав высказывания (и таким образом, его модифицирует; следовательно, одна и та же лексико-грамматическая структура может иметь различный смысл в зависимости от того, с какой интонацией она произнесена), в других — синтаксическая структура или лексическое наполнение сами диктуют выбор «эмоциональной оболочки» [Нушикян, 1986].

Такой аспект психофизиологической жизни человека, как эмоции, может быть представлен и с лингвистической точки зрения. В результате проведённых экспериментов нельзя оставить незамеченным тот факт, что эмоциональное возбуждение проявляется в речи в целом наборе выразительных средств: в интонации, ритме, темпе, паузах, повышении или понижении голоса. Обладая данными об акустических коррелятах эмоций, можно сказать, что исследование эмоций в лингвистическом аспекте является справедливым для языковой системы.

В исследованиях, проводимых ранее, использовались записи речи с вызванными эмоциями в специально созданной ситуации, диктующей определённое поведение, либо за-

писи эмоциональной речи профессиональных актёров, которые порождали высказывания с нужным эмоциональным оформлением. Дети в возрасте 5–6 лет уже воспринимают эмоции, могут их интерпретировать и воспроизводить, но ещё в минимальной степени подвержены влиянию социального фактора (в отличие от поведения взрослых).

В последующих комплексных исследованиях рассматривался вопрос восприятия эмоций не только представителями — носителями одного языка, но проводились эксперименты по выявлению межкультурных различий на основе участия в эксперименте в качестве аудиторов представителей разных стран.

Лингвистическая мысль последнего десятилетия XX века и начала нашего столетия не ограничивается обращением к психолингвистическому и логико-прагматическому аспектам языка, она развивается «в сторону концептуального анализа, и прежде всего анализа культурных концептов» [Арутюнова 2003], начатого крупными философами: Л. Витгенштейном, М. Хайдеггером, П. Флоренским, А. Ф. Лосевым и др. Культура является для человека «второй реальностью» — он создал её, и она стала объектом познания, требующим комплексного анализа. В арсенал культуры входят мировоззренческие понятия, определяющие «практическую философию» человека: *истина, свобода, судьба, добро, зло, закон, добродетель* и др. С этой точки зрения, объект нашего исследования — *память* — тоже может быть отнесен к группе культурных концептов. Но память, на наш взгляд, отражает стороны ещё двух разновидностей концептов: с одной стороны, этических концептов, таких как *справедливость, совесть, долг* и др., с другой — концептов внутреннего мира человека, таких как *душа, дух* и др. Таким образом, *память* следует отнести к культурным концептам, определяющим внутренний мир человека и дающим этическую оценку в определённых ситуациях человеческой жизни.

Важнейшей задачей семантического описания языкового пространства является определение типологических характеристик. Языковые картины мира предстают перед нами в виде системы тождеств и различий, устанавливающих соответствия и связи между различными измерениями реальности — социальными и психическими. В нашей работе эта система задана языковыми структурами, поскольку язык многофункционален по отношению к общим знаниям. По мнению исследователей, язык выполняет три функции: дискретизации, объективации, интерпретации. Необходимым условием решения проблем анализа, по мнению Р. И. Павилёниса, в контексте корреляции мысли, языка и мира является соотнесение анализа смысла языковых выражений с анализом устройства концептуальных систем и содержащейся в них информации.

Память — многостатусное понятие: онтологический статус — свойство сознания и души; семиотический — «концептуальное воспоминание»; логическое основание — сохранение информации; психологическое — состояние, характеризующееся как свойство воспринимать мир и сохранять представления как пережитое.

Оппозиция «память — забвение» проявляется во всех измерениях человеческого существования, принимая различные культурные и языковые формы, отражаясь в разнообразных фигурах человеческого мышления.

С точки зрения когнитивной науки понятие «память» (memory; Gedächtniss) — когнитивная способность удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, сохранять накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» (энграмм) — когнитивных и ментальных репрезентаций как определённых структур представления знаний и оценок, упорядочивать весь этот массив знаний, чтобы облегчить легкий доступ к нему, «складировать» и систематизировать все сведения, пришедшие к человеку по разным каналам и в известной мере интегрировать их в единую систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией». Это основная часть нашего сознания и разума, заключающаяся в возможности извлекать при необходимости хранящиеся в ней воспоминания об услышанном и увиденном, прочувствованном и осмысленном, познанным за время жизни человека. Именно память позволяет осуществить скачок «через чувственность за границы чувственного, через сенсорные модальности к амодальному миру» [Звегинцев 1982]. Этот термин отражает способность человека «помнить и воспроизводить в актах речемыслительной деятельности прежние впечатления и знания, мысленно или вербально ими оперировать», а также служит для обозначения «самого запаса хранящихся в голове сведений и впечатлений, функцией которого является обеспечение самых разных процессов по обработке и переработке информации». Такое значительное по объёму определение связано с признанием основополагающей сущности данного понятия для человеческого разума и сознания.

Ключевое положение самого понятия памяти для всей когнитивной науки не вызывает сомнения, когнитивный анализ всегда связан с тем или иным аспектом памяти.

Как указывает психолингвист А.А. Залевская, «внимание исследователей заострено на роли знаний в различных познавательных процессах, в том числе и речемыслительной деятельности, на формах представленности (репрезентации) знаний в памяти и на организационных принципах, с помощью которых знания упорядочены в памяти, что обеспечивает доступ к ним в случае надобности». Но в конце 60-х годов прошлого века при зарождении когнитивной науки складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, о памяти было известно очень много, практически всё, с другой стороны, невозможно было составить единое систематическое теоретическое представление о ней.

Проблема *памяти* рассматривается как в общих работах по когнитивной науке, так и в литературе о когнитивной архитектонике человеческого сознания, а также в публикациях по когнитивной и экспериментальной психологии.

Е. С. Кубрякова в своей работе подчеркивает, что большинство учёных отмечает наличие в *памяти* разных видов или типов ее, поэтому конкретное изучение памяти часто осуществляется в системе разных оппозиций.

Способность понять и оценить ситуацию вытекает из возможности сравнить ее с соответствующими ситуациями в прошлом опыте, сличить её с тем, что хранится в памяти.

Функциональное описание памяти связано с ее участием во всех речемыслительных процессах. «Действие служит основой запоминания». Представлены и такие функции: хранение информации (storage), распознавание (recognition), извлечение из памяти (recall) и нахождение нужной информации (retrieval). Все эти процессы изучаются и позволяют выявить структурированный характер памяти. У человека процессы памяти тесно связаны с работой второй сигнальной системы: «Обычно представления неустойчивы, они постоянно колеблются, и удержать их в сознании нелегко. Образы памяти, связанные с речевой деятельностью, напротив, обладают большой устойчивостью».

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995/Редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. М.: Индрик, 2003. — с. 7–23 — с. 10.
2. Багдасарова, Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур/Н.А. Багдасарова. — М., 2004. — 29 с.
3. Витт, Н.В. Личностно-ситуационная опосредованность выражения и распознавания эмоций в речи/Н.В. Витт // Журнал «Вопросы психологии». — 1990. — 12 с. (с. 95–107)
4. Звегинцев, В.А. Язык и знание // Вопросы философии. 1982. № 1. — с. 71–80 — с. 12.
5. Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты/Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 1991. — с. 85–91.
6. Нушикян, Э.А. Типология интонации эмоциональной речи/Э.А. Нушикян. — Киев: Одесса: Вицашкола, 1986. — 160 с.
7. Шаховский, В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности/В.И. Шаховский // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. — Волгоград, 2001. — с. 11–16
8. Aitchison, J. Cognitive clouds and semantic shadows/J. Aitchison // Language and Communication. — Oxford, 1985. — P. 69–93.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Мирная акция или экоджихад? Языковые средства конструирования медиареальности в текстах СМИ (на примере сюжета о действиях Гринпис на платформе «Приразломная»)

Булатова Елена Ивановна, аспирант
Академия медиаиндустрии (г. Москва)

Статья посвящена анализу способов журналистской подачи сюжета о действиях Гринпис на платформе «Приразломная». Автор приходит к выводу, что в освещении сюжета о деле Гринпис как российскими, так и зарубежными СМИ активно использовались манипулятивные стратегии и приемы: игра на лексико-семантических вариантах слова, эвфемизмах и дисфемизмах, употребление развернутого синонимического ряда, нагнетание оценочных определений, синекдохи, а также способы подачи материала: параллельные конструкции, повторы, «двойные стандарты».

Ключевые слова: медиареальность, информационные войны, манипуляция словом, языковая агрессия, медианасилие.

При всем многообразии способов конструирования медиареальности основным средством информационных войн XXI века в СМИ являются **слова и способы подачи материала**. Наиболее продуктивной в процессе языкового манипулирования оказывается лексика журналистских текстов. Поскольку задачей информационных войн является изменение отношения реципиента к определенному явлению через воздействие на эмоционально-оценочную сферу, это воздействие основывается на привнесении в слово новых смыслов, коннотаций, на изменении его ассоциативного поля. «Слова — самостоятельная общественная сила, — отмечает Н.А. Бердяев. — Слова сами по себе воодушевляют и убивают. При помощи условной фразеологии у нас легко превращают людей глубоко идейных, с нравственным закалом характера чуть ли не в подлецов, а людей, лишенных всяких идей и всякого нравственного закала, высоко возносят» [1, с. 457].

Условия для манипуляции словом заложены в самой системе языка. Так, **синонимия** обеспечивает языковое воздействие за счет того, что одно и то же явление может быть названо разными словами и одновременно одно и то же слово может описывать разные явления. Синонимы различаются лишь незначительными оттенками значений. Выбор того или иного синонима может придавать высказыванию оценочный характер, формировать подчас диаметрально противоположную картину действительности. Так, о стакане, который наполнен наполовину, можно сказать, с одной стороны, что он наполовину полон, что опровергает позитивную оценку ситуации, с другой — что он

наполовину пуст, что порождает негативные ассоциации. Таким образом, словосочетания «наполовину пуст» и «наполовину полон» являются контекстуальными синонимами, обозначая одно и то же явление, однако за счет негативной и позитивной оценки действительности, формируют противоположные картины мира.

В журналистских текстах, посвященных арктическому вопросу, мы также можем найти такие примеры. Однако следует иметь в виду, что информационные войны, сопровождаемые военными действиями, будут иметь значительно более богатую почву для проведения такого анализа. В то время как информационные войны за ресурсы Арктики ведутся лишь в информационной сфере, на страницах СМИ, и наиболее яркий материал для анализа мы можем найти в текстах СМИ, посвященных тому или иному политическому скандалу, затрагивающему арктическую тематику. Одним из наиболее показательных сюжетов, вызвавших значительный резонанс в российских и зарубежных СМИ, стали события сентября 2013 года, когда активисты международной экологической организации «Гринпис» в Печерском море предприняли неудачную попытку подняться на арктическую платформу «Приразломная», принадлежащую компании «Газпром». Целью акции был протест против промышленного освоения Арктики. Активисты были арестованы и помещены в следственный изолятор, российская сторона предъявила им обвинения в пиратстве, что предусматривает до 15 лет лишения свободы. Директор Greenpeace International Куми Найду расценил это как «самое се-

решное посягательство на нашу мирную деятельность с тех пор, как французские спецслужбы потопили корабль Гринпис в Новой Зеландии в 1985 году». Разгорелся грандиозный политический скандал. Как пишет французское издание «Boulevard Voltaire», «за инцидентом, последовала настоящая война пресс-релизов и требований оказать на Россию международное давление для освобождения экологов». В материалах российских

и зарубежных СМИ, посвященных этому сюжету арктического информационного противоборства, мы находим богатый материал для анализа приемов манипулирования словом.

Рассмотрим, как реализуется манипулятивный потенциал синонимов, характеризующих действия активистов Гринпис на платформе «Приразломная», в материалах российских и иностранных СМИ.

Таблица 1. Номинация действий Гринпис на платформе Приразломная

Зарубежные СМИ	Российские СМИ
<p>«мирная акция»,</p> <p>«протестная акция»,</p> <p>«акция протеста»,</p> <p>«экологическая акция»,</p> <p>«акция эко-активистов»</p>	<p>«АТАКА»: <u>«Атака»</u> на «Приразломную» (телеканал «Россия» программа «Вести» от 11.10.2013); <u>«Кто стоит за атакой»</u> на платформу «Приразломная»? (телеканал НТВ программа «ЧП. Расследование» от 28.09.2013); <u>«Атака»</u> на «Приразломную» подвергла опасности жизни людей (телеканал «Россия» программа «Вести» от 19.10.2013).</p> <p>«ШТУРМ»: <u>«Ещё четверо фигурантов дела о штурме»</u> платформы «Приразломная» будут отпущены под залог (Телеканал «Первый» программа «Новости» от 21.11.2013); <u>«Штурм»</u> «Приразломной»: фотографа Синякова обвинили в пиратстве (телеканал «Россия» программа «Вести» от 03.10.2013)</p> <p>«НАПАДЕНИЕ»: <u>«Нападение»</u> на «Приразломную» (телеканал «Россия» программа «Вести» от 29.09.13); <u>«Пираты Баренцева моря: Возбуждено уголовное дело о нападении»</u> на платформу «Приразломная» («Российская газета» от 25.09.2013); <u>«Участникам нападения»</u> на платформу «Приразломная» продолжают предъявлять обвинения (Телеканал «Первый» программа «Новости» от 2.10.2013).</p> <p>«ЗАХВАТ»: <u>«Мирная» акция «Гринпис»</u> на Платформе Приразломная больше напоминала <u>захват</u> (Телеканал «Первый» программа «Новости» 27.11.2013); <u>В деле о попытке захвата буровой платформы «Приразломная»</u> в Печорском море появились первые арестованные (Телеканал «Россия», программа «Вести» от 26.09.2013); <u>Владимир Путин прокомментировал попытку захвата Приразломной</u> (Телеканал «Звезда», программа «Новости» от 25.09.2013).</p> <p>«ДЕСАНТ»: <u>Экологи из Гринпис пытались высадить десант</u> на нефтяную платформу «Приразломная» (Радиостанция «Эхо Москвы», выпуск новостей от 26.09.2013).</p> <p>«ПРОВОКАЦИЯ»: <u>«Российские дипломаты вручили ноту послу Нидерландов после провокации Greenpeace»</u> (Телеканал «Russia Today» выпуск новостей от 19.09.2013).</p> <p>«ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ»: <u>«Приразломный» терроризм «Гринпис»</u> (сайт Агентства федеральных расследований, обзор от 20.09.2013); <u>«Экологический терроризм»</u> на Приразломной, (Телеканал «Россия», программа «Вести» от 29.09.2013).</p> <p>«ЭКОДЖИХАД»: <u>«Экоджихад»</u> против России. К атаке «Гринписа» на российскую платформу в Арктике (Телеканал «Первый», программа «Однако» от 23.09.2013).</p>

Так, в западных СМИ, одобряющих и позитивно оценивающих действия активистов Гринпис на платформе «Приразломная», использовались следующие определения их действий: «мирная акция», «протестная акция», «акция протеста», «экологическая акция», «акция эколо-активистов». Как видим, зарубежные СМИ используют достаточно нейтральную, не вызывающую негативных ассоциаций лексику. В то же время российские СМИ применяли иную риторику, которая с одной стороны, тяготеет к военной сфере («атака», «штурм», «нападение», «захват», «десант»), с другой — четко соотносит действия активистов Гринпис с агрессией, наиболее крайний полюс проявления которой — террор экологического характера («провокация», «экологический терроризм», «экоджихад»). Таким образом, как следует из анализа текстов о деле Гринпис, в российских средствах массовой информации имеет место нагнетание негативных смыслов, поскольку действия эколоактивистов были расценены как угроза национальным интересам России в Арктике.

На протяжении XX века во многих языках наметилась тенденция: привнесение военной лексики в «мирные» сферы жизни. Еще Дж. Лакофф и М. Джонсон зафиксировали создание метафоры «спор — это война. Хотя физической битвы нет, происходит словесная битва, и структура спора — атака, защита, контратака и т. д. — отражает это. Именно в этом смысле метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА составляет то, чем мы живем в этой культуре; она определяет поступки, которые мы совершаем в споре» [4, с. 129]. Проиллюстрируем это несколькими примерами из контекста скандала на Приразломной.

«Продолжается скандал, связанный с атакой активистов «Гринпис» на русскую нефтяную платформу «Приразломная». Эти атакующие активисты либеральной прессой представляются, как веселые проказники, безобидные шалуны, покровители полярных рыб и тюленей. Однако эта акция проходила под прицелом множества теле- и фотокамер, в результате чего в Европе разгорается грандиозный русофобский скандал».

Телеканал «Россия», программа «Вести» от 11.10.2013.

«Высадка экологического десанта на платформу «Приразломная» стала первой крупной акцией «зеленых» против российских компаний и не исключено, что соответствующее давление будет нарастать, создавая в публичном пространстве негативный фон вокруг деятельности России в Арктике».

Сайт «Арктика. инфо» обзор новостей от 12.08.2013.

Как показывает анализ, в текстах СМИ конструируется разделение мира на две полярные категории — категорию «СВОИ» (в том числе союзники) и категорию «ЧУЖИЕ» (оппоненты, враги). Важно отметить, что для описания действий категории «СВОИ» средства массовой информации выбирают слова с нейтральными или поло-

жительными оттенками смыслов («мирная акция», «протестная акция», «акция протеста», «экологическая акция», «акция эколо-активистов»), в то время как для номинации действий «противника» — более эмоционально окрашенное слово или слово, имеющее отрицательные значения («атака», «захват», «нападение», «десант», «штурм», «провокация»). Д. Болинджер отмечал, что «акт номинации, сопровождаемый в силу выбора языковых средств некоторыми одобрительными или неодобрительными оборотами — это излюбленный пропагандистский прием и образец высшей утонченности в искусстве лжи» [2, с. 35].

Отдельного внимания заслуживают номинации «экологический терроризм», «экоджихад». В отличие от приведенной выше военной лексики («атака», «нападение» и т. д.), описывающих действия активистов «Гринпис» пусть даже в формулировках военной операции, но как единичное явление, понятия «экотерроризм» и «экоджихад» возводят действия «Гринпис» в разряд системных террористических актов, которые могут произойти когда и где угодно, а «экоджихад» и вовсе обозначает систематические действия террористического характера международного масштаба. Это своего рода абсолют негативного полюса определений, несущий максимально негативные смыслы и описывающий вполне однозначную картину мира.

«Мы опять дали повод для обвинений в варварстве и бесчеловечности. Причиной стало «морское сражение» в Баренцевом море, где организованная группа эколоактивистов совершила нападение на российскую нефтяную платформу «Приразломная». После непродолжительного боя абордаж был отбит силами сотрудников службы безопасности, а нападавшие заключены под стражу и теперь медленно и печально движутся в сторону Мурманска под бдительным присмотром береговой охраны. Что это было? Неудавшийся акт экотерроризма».

Телеканал «Первый» программа «Однако» от 23.09.2013.

«Гринпис» — это информационные террористы, они намеренно сгущают краски и играют на страхе людей. Известная экологическая организация используется как средство давления на Россию. «Гринпис» — вовсе не бескорыстные борцы с загрязнением окружающей среды, как они себя представляют. Организация изначально была создана как инструмент корпоративных войн, а впоследствии ее стали использовать и в политических целях».

«Бизнес газета» от 9.10.2013.

Контекстуальными синонимами словосочетания «мирная акции», имеющим позитивную коннотацию, становятся слова с негативным смыслом — «экотерроризм» и «экоджихад». Подобные замены конструируют в сознании читателя — зрителя — слушателя соответствующую картину реальности. Дисфемистическая замена создает эффект «приближенности к пугающим явлениям».

Таким образом, игра на лексико-семантических вариантах слова, эвфемизмах и дисфемизмах, использование развернутого синонимического ряда является тонким инструментом воздействия на общественное сознание в целях создания определенной картины событий.

Как следует из анализа публикаций о деле Гринпис, при его освещении журналисты используют так называемый **принцип «двойных стандартов»**. И хотя политика двойных стандартов существует с тех пор, как существует человеческое общество, в международных отношениях она обычно принимает форму обвинения неугодных в нарушении принципов, конвенций, обязательств, «попрании общечеловеческих ценностей», «нарушении прав человека», «отступлении от норм международного права» при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных действий или действий союзников. Характерный пример:

«С 2007 года, когда СМИ подняли огромную шумиху вокруг гонки за арктическими ресурсами, Greenpeace взял на вооружение довольно-таки однообразную стратегию: он добивается финансовой поддержки в удаленных регионах Арктики путем медиатизации скандальных акций, которые граничат с пиратством. Так, в августе 2010 года активисты захватили и в течение 40 часов удерживали под контролем нефтяную платформу компании Cairn Energy в море Баффина. Премьер-министр Гренландии Куупик Клейст отчитал организацию: «Действия Greenpeace представляют собой серьезнейшее нарушение наших суверенных прав. Эта незаконная акция попирает все демократические правила. У меня вызывает тревогу то, что Greenpeace в погоне за вниманием СМИ нарушает правила безопасности, которые, были созданы для защиты человеческих жизней и окружающей среды».

«Greenpeace в Арктике: экологи или пираты»? Газета «Le Huffington Post» от 8.10.2013.

Что интересно, тогда пресса не стала осуждать премьера Гренландии за резкий тон. Вместе с тем и во время попытки захвата активистами Гринпис платформы «Приразломная» существовала реальная опасность для жизни и здоровья персонала платформы.

В большинстве материалов зарубежных СМИ, посвященных событиям на Приразломной, реализуется инвективная стратегия обвинения России и Путина во всех смертных грехах в Арктике. Материал «Путин против Arctic Sunrise», опубликованный в американском издании «American Thinker», яркий образчик воплощения указанной стратегии. О таком способе подачи фактов, существующем в западных СМИ, писал Дж. Лакофф: «Сценарий таков: участвуют злодей, жертва и герой. Злодей совершает преступление, которое нарушает мировую справедливость. Герой собирает помощников или действует в одиночку. Герой идет на жертвы. Враг олицетворяет зло, это чудовище. Герою ничего не остается делать, как только победить врага и спасти жертву» [5, с. 33].

Автор материала филигранно владеет приемами журналистского мастерства. Для того, чтобы склонить читателя на свою сторону, журналист использует целый комплекс приемов: имеют место параллели, нагнетание экспрессивной лексики, повторы:

*«Следуя примеру Советского Союза, **деспотический режим гордящегося своим кагебешным прошлым** Владимира Путина объявил войну всему в обществе, что не соответствует **путинской пресной, обезличенной ортодоксии**. Гомосексуалы, художники, оппозиционеры и экологи попадают в тюрьмы после постыдных несоветских показательных процессов. Между тем Путин не ограничивается своими гражданами — теперь он арестовывает и американцев. Ни одно национальное правительство в мире не вело себя так с Greenpeace с тех самых пор, как затонул Rainbow Warrior. Оставить незаконно похищенного американского гражданина **на произвол коррумпированного и злобного путинского режима** недостойно. **Путинское нападение** на Уилкокса продолжает **длинную череду враждебных и агрессивных шагов Путина против США**. Он предоставил убежище обвиняемому в предательстве Эдварду Сноудену. На Ближнем Востоке он упорно поддерживает одного антиамерикански настроенного диктатора за другим и даже помогает чудовищным ненавистникам Америки из «Хезболлы».*

Путин против Arctic Sunrise, «American Thinker» от 4.10.2013.

При нагнетании определений с положительной или отрицательной коннотацией воздействие на реципиента усиливается, и созданный образ прочнее запечатлевается в сознании. Высокая концентрация в сравнительно небольшом отрывке текста лексики, нагруженной негативными смыслами (**деспотический режим, кагебешное прошлое, путинская пресная обезличенная ортодоксия, произвол коррумпированного и злобного путинского режима, Путинское нападение, длинная череда враждебных и агрессивных шагов Путина против США**), воздействует на сознание реципиента. Автор предлагает читателю готовое клише восприятия ситуации, вместо того, чтобы тот смог самостоятельно оценить события. Этому также способствуют такие способы подачи материала как **параллелизм и повторы**.

*«Безрассудные действия Путина отдают **варварством**. Тем самым **варварством**, из-за которого Надежде Толоконниковой из арт-коллектива Pussy Riot пришлось прибегнуть к голодовке в знак протеста против пыточных условий в исправительной колонии, в которую ее отправили за мирный протест против Путина в российском соборе. То же самое **варварство** подтолкнуло Путина, невзирая на презрение международного сообщества, вторгнуться в 2008 году в крошечную соседнюю Грузию. Именно оно движет им, когда он арестовывает своих ведущих политических соперников, таких как Ходор-*

ковский и Навальный. Между тем Путин не ограничивается своими гражданами — теперь он арестовывает и американцев».

Путин против Arctic Sunrise, «American Thinker» от 4.10.2013.

Путин в тексте американского журналиста предстает в образе глупого и агрессивного дикаря, который создается за счет повторов слова **«варварство»**. Эффективность воздействия за счет повтора отмечали многие исследователи, в частности Г. Лебон, Г. Тард, С. Московичи. По словам С. Московичи, грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении; через повторение мысль внедряется в глубины подсознания, где зарождаются мотивы действий. При злоупотреблении этим приемом стереотипы превращаются в устойчивые предубеждения, человек теряет способность к трезвому анализу фактов. «Повторение придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она становится выражением предмета, о котором говорят» [3, с. 249].

Кроме того, в доказательство якобы варварства руководителя страны автор текста проводит смелые параллели: здесь и **«мирный протест против Путина в российском соборе»**, и **«вторжение в крошечную Грузию»**, и **«арест ведущих политических соперников Ходорковского и Навального»**. Ввод слов-параллелизмов осуществляется за счет внедрения в текст скандальных прецедентных событий и имен, уже имеющих устойчивые негативные ассоциации у аудитории зарубежных СМИ. При этом автор спекулирует на внешнем сходстве явлений, подтасовывает факты, подменяя одно событие другим. Такой манипулятивный способ подачи материала позволяет вводить в журналистский текст заданный комплекс ассоциаций, формировать негативный фон восприятия.

В целях скрытого воздействия может быть использовано такое средство, как синекдоха. Суть этого приема заключается в представлении целого через его часть или в названии части именем целого. Одна из наиболее ча-

стых реализаций этого приема в СМИ — отождествление политического лидера страны с ее народом, возможно и отождествление крупной монополии со страной. Так, в материале «Почему Россия так взъелась на Гринпис?» французское издание «Le Huffington Post» пишет: **«Газпром — священная корова российского государства (ему принадлежит более половины компании). Это гигантское предприятие дает само по себе 8 % российского ВВП и перечисляет в бюджет 500 миллиардов евро налогов. Посягнуть на Газпром, значит покуситься на Россию»**.

Почему Россия так взъелась на Greenpeace? «Le Huffington Post» от 7.11.2013.

Эту мысль как бы продолжает американское «Радио Свобода»: **«Горстка энтузиастов-экологов посягнула на энергетический колосс, на котором держится российская экономика. Возможно, этим фактом объясняется неожиданная жестокость российских властей, которые уже обвинили гринписовцев в пиратстве и грозят им тюремным сроком»**.

Радио Свобода, выпуск новостей от 6.10.2013.

Как следствие, такие обобщения способствуют проявлению негативных эмоций. Что такое Гринпис по сравнению с Россией? Пигмей и Голиаф. А какие эмоции включаются, когда сильный (Россия) обижает слабого (Гринпис)? Безусловно, негативные. В результате симпатии всегда оказываются на стороне слабого, а сильный агрессор вызывает ответную агрессию.

Таким образом, в освещении сюжета о деле Гринпис как российскими, так и зарубежными СМИ активно используются манипулятивные стратегии и приемы: игра на лексико-семантических вариантах слова, эвфемизмах и дисфемизмах, употребление развернутого синонимического ряда, нагнетание оценочных определений, синекдохи, а также способы подачи материала: параллельные конструкции, повторы, «двойные стандарты». Все это способствует конструированию искаженной картины мира, созданию в сознании зрителя — читателя — слушателя так называемой медиареальности, лишаящей реципиента возможности объективно интерпретировать события.

Литература:

1. Бердяев, Н. А. Судьба России. — М., 1998. — с. 457.
2. Болинджер, Д. Истина — проблема лингвистическая // Языки моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск, 1998. — с. 35.
3. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. — с. 249.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск, 1998. — с. 128.
5. Lakoff, G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. Доступно по ссылке www.lists.village.virginia.edu

Школьные лингвистические журналы, альманахи (из опыта работы с одарёнными детьми)

Семенихина Татьяна Алексеевна, заслуженный учитель Кубани, учитель русского языка и литературы
МБОУ средняя общеобразовательная школа № 2 (ст. Крыловская, Краснодарский край)

*Горят, как жар, слова
Иль стыннут, словно камни, —
Зависит от того,
Чем наделил их ты,
Какими к ним в свой час
Притронулся руками
И сколько отдал им
Душевной теплоты.*

Н. Рыленков

Учащиеся школ вырастут и станут людьми, приумножающими богатство и силу нашей необъятной Родины: учителями, инженерами, переводчиками, врачами, фермерами, предпринимателями, журналистами, менеджерами и т.д. Но независимо от того, какую специальность они выберут, они должны уметь выражать свои мысли. Если они будут хорошо говорить и писать, то общение с людьми принесёт им удовлетворение, они смогут поделиться с другими людьми своими знаниями, отстоять правоту своих убеждений. Поэтому ещё со школьной скамьи у будущих членов нашего общества нужно развивать дар слова.

Развивать дар слова ребёнка, учить его умению общаться с людьми как в устной, так и в письменной форме, умению выражать свои мысли и является основой моей педагогической деятельности.

Более 20 лет работаю в МБОУ СОШ № 2 станицы Крыловской Крыловского района Краснодарского края в основном в слабых классах, поэтому считаю своим долгом найти одарённого ребёнка, развить его творчески, увлечь интересной и полезной деятельностью. Большую помощь в этом оказал мне факультативный курс Т.А. Ладыженской и Т.С. Зепалова «Развивайте дар слова», а также кружок юных корреспондентов, программа к которому была мной разработана.

С 1997 года выпускаем с такими ребятами рукописный лингвистический журнал «Всякая всячина». Н.В. Гоголь привёз в Петербург из Нежина большую, в 490 страниц тетрадь. На обложке рукой гимназиста Н.В. Гоголя было написано «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия. Состав. Н.В. Гоголь. 1826 год». Чего только не было в этой тетради: и мысли знаменитых писателей, и сведения по истории и географии, и собственные сочинения, но больше всего здесь записей о жизни русских и украинских народов — предания, обычаи и нравы, пословицы и поговорки, песни...». По образцу этой «подручной энциклопедии» стали выпускать журнал «Всякая всячина». Но сначала выпускали «Письмовник» (вышел всего лишь один номер), в котором помещали разные по содержанию и адресации письма, образцы оформления

конвертов. Всё это использовали слабые учащиеся в качестве шаблонов. А затем появился рукописный лингвистический журнал «Всякая всячина».

Сначала в нашем журнале было много рисунков на прочитанные произведения, загадки в рисунках, рассказы о домашних питомцах с фотографиями. Постепенно интерес к подобным творческим заданиям рос. Ребята начали создавать небольшие миниатюры, стихотворения. Лучшие работы собственноручно записывали во «Всякую всячину». В настоящее время этот журнал состоит из ряда рубрик:

- 1) «Наши сочинения»;
- 2) «Письма»;
- 3) «Смешинки из школьных сочинений»;
- 4) «Интервью»;
- 5) «Отзывы»;
- 6) «Конкурсные работы»;
- 7) «Миниатюрные зарисовки»;
- 8) «Описание внешности»;
- 9) «Репортажи»;
- 10) «Проба пера»;
- 11) «Твои люди, район»;
- 12) «Наши любимые учителя»;
- 13) «Что нравится на уроках русского языка и литературы»;
- 14) «Что не нравится на уроках русского языка и литературы» и др.

Подобный вид работы развивает речь учащихся, учит разным видам творческой деятельности, написанию писем, отзывов, репортажей, зарисовок, интервью, правильному оформлению работ.

В век компьютерных технологий во «Всякой всячине» появились не рукописные материалы, а набранные на компьютере тексты. Рубрики тоже оформляются в цвете.

Интерес к таким видам деятельности появляется у многих ребят, к тому же за каждую работу учащиеся всегда получают поощрительную оценку «5». Таким образом, мне удаётся выявить одарённых девочек и мальчиков, а у них появляется интерес к журналистской

деятельности, желание участвовать в оформлении журнала. Именно это подвигло меня выпускать страничку «Наш голос» в районной газете «Авангард». Выпускаем эту страницу один раз в четыре месяца и посвящаем её разным школьным проблемам. Например: «Как живёшь, пятиклассник?», «Школьные мероприятия», «Здоровый образ жизни», «Наши любимые учителя», «Отличные люди, прославленный край» и другие.

Более 15 лет сотрудничаем с краевой детской творческой газетой «Солнышко». Редакция газеты с удовольствием печатает работы моих ребят на разные темы: о путешествиях, о школьных и классных мероприятиях, о наших достижениях, учителях, учениках, школе и т. д.

Третий год подряд стали выпускать альманах «ЛиСТ». Этот альманах представляет своеобразный отчёт о работе учителей русского языка и литературы и литературе. Ребята рассказывают об открытых уроках, Неделях русского языка и литературы, олимпиадах, литературных творческих конкурсах, об экзаменах и их результатах. Размещаем в альманахе фотографии, повествуем о своих впечатлениях, о проделанной работе.

Всё это помогает вовлечь школьников участвовать в конкурсах разных уровней и не только участвовать, но и побеждать. Начиная с 2005 года, мои учащиеся заработали более 400 грамот, дипломов. Победителями международного фестиваля «Гренадёры, вперёд!» являются Степанова Анастасия, Кадина Валерия, Поликарпов Игорь, Нагаев Александр, Федоренко Денис. 1 место заняла Степанова Анастасия во Всероссийском конкурсе «Размышляем о профессии», а Охинько Олеся и Ваня Даяна — призёрами. Лауреатами фестиваля творческих работ «Сочи — МОСТ» являются Захарова Ольга и Васильева Милена. Дипломом 2 степени Всероссийского филологического чемпионата награждена Сидоркина Анастасия и дипломами 3 степени награждены Детко Виктория, Кобушко Екатерина, Ксёنز Анна, Назарова Виктория и Степанова Анастасия. Степанова Анастасия завоевала 2 место в краевом конкурсе юных журналистов. 1 место у Анастасии Степановой, 2 место у Захаровой Ольги, Шестаковой Анастасии, Исмаилова Руслана, 3 место у Назаровой Виктории по итогам краевого кон-

курса «Моя мечта». Все они были награждены не только дипломами, но и мягкими игрушками. Победителями и призёрами международного конкурса «Русский медвежонок» на районном уровне являются Степанова Анастасия, Федоренко Кристина, Детко Виктория, Головки Ирина, Затонская Диана. Дипломами 3 степени международного конкурса «Зелёная планета» награждены Быкова Мария и Синько Владислав.

Ежегодно мои учащиеся являются победителями и призёрами Всероссийских олимпиад среди школьников по русскому языку и литературе школьного и муниципального уровней: Степанова Анастасия, Кадина Валерия, Детко Виктория. Захарова Ольга была победителем и зонального уровня. У неё 4 место в краевой олимпиаде по литературе.

Моих учащихся приглашали на юбилей краевой детской творческой газеты «Солнышко», где их наградили грамотами и подарили подарки. Назарова Виктория была приглашена в Геленджик на Всероссийский творческий фестиваль «Дети и книги».

Степанова Анастасия, Сидоркина Анастасия, Детко Виктория, Головки Ирина и Погиба Эльвира успешно обучались и обучаются в краевой школе «Юниор».

О моей активной работе с одарёнными детьми свидетельствуют результаты ЕГЭ по русскому языку и литературе. По русскому языку два моих ученика набрали по 100 баллов. Это Демерза Юрий (2007 г.) и Степанова А. (2012 г.). Средний балл показателей моих учащихся намного выше среднерайонного и среднекраевого. По литературе в 2012 г. Степанова Анастасия набрала 96 баллов.

Главное — заинтересовать работой пятиклассников, потом отбираешь тех, кто действительно может работать в этом направлении. К тому же во «Всякой всячине» всегда можно найти то, что можно отправить на тот или иной конкурс, фестиваль. Интерес и участие в таких школьных печатных изданиях способствует тому, что ребята приобщаются к журналистской деятельности и потом становятся журналистами или, получив другую специальность, продолжают сотрудничать с периодическими изданиями района, края. С журналистикой связали свою жизнь Ивченко Елена, Степанова Анастасия, Гаврик Олеся и др.

Литература:

1. Ладыженская, Т. А., Зепалова Т. С. Развивайте дар слова. — М., «Просвещение», 1990.
2. Гильбух, Ю. З. Внимание: одаренные дети. — М, 1991.
3. Беляева, Н., Савенков А. И. Одаренные дети в обычной школе // Народное образование. — 1999. — № 9.
4. Рыленков, Н. Стихотворения. — М., «Художественная литература», 1980.

Соотношение явлений нормы и аномалии в языке современной прессы

Яковлева Алина Римовна, кандидат филологических наук, доцент
Уфимский государственный университет экономики и сервиса

Характер современных газетных текстов, где широко используются элементы разговорного стиля, намеренные искажения правильной речи, сленг, окказионализмы, неологизмы, заключается в сосуществовании явлений нормы и аномалии. Само же понятие «норма» является весьма условным, поскольку любая аномалия может представлять собой потенциальную норму языка.

Ключевые слова: языковая система, языковая динамика, лексико-семантические преобразования, разговорный стиль, публицистический стиль.

Общение на языке невозможно при отсутствии определенных правил и норм. Норма является одним из центральных лингвистических понятий и, вместе с тем, одним из самых противоречивых и условных. Лингвисты всегда неоднозначно относились к развитию литературного языка и нормы в целом, которое происходит за счёт возникновения в языке аномалий. Следует признать, что процесс формирования языковой нормы связан с появлением в речи отклонений от неё. Язык современной прессы отличается разнообразием, динамичностью и неустойчивостью и оказывает значительное влияние на развитие литературного языка в целом, являясь при этом его частью.

Г.Я. Солганик в статье, посвященной творцам литературной нормы, отводит СМИ роль посредника между национальным языком, который включает в себя всё, и литературным языком, вбирающим в себя только отработанные временем единицы языка [1].

В языке современной прессы появляются новые понятия, которые изначально противоречат норме. Посредством частого употребления в прессе в общезыковой фонд переходят специальные термины, жаргонизмы, адаптируются варваризмы и экзотизмы. Так, Г.Я. Солганик приводит пример того, как через газету в литературный язык проникли жаргонизмы «разборка» и «беспредел» [2].

В.В. Виноградов говорит о стилистическом варьировании нормативной системы, отводя определенную роль в формировании нормы языку газеты, который ведет к закреплению в языке газетных штампов, а также некоторых вольностей словоупотребления [3].

Таким образом, отклонение от нормы невозможно полностью исключить из литературного языка, оно активно с ним взаимодействует и в любой момент может стать его частью. В особенности это касается публицистического стиля, где по сравнению с другими функциональными стилями особенно часто встречаются разговорные элементы, сленг, сознательные отклонения от нормы, окказионализмы, неологизмы и т.п. Следует отметить, что такой подвижный характер языка современных газет может определенным образом затруднять адекватное восприятие передаваемой информации, требуя от реципиента переосмысления некоторых языковых явлений, а также наличия фоновых знаний.

Лексико-семантические преобразования, происходящие в современной прессе, являются отражением изменений общественно-политической действительности, и, безусловно, представляют интерес для современной лингвистики. Так, например, Т. Карвер исследовал метафору как средство отражения политической действительности [Carver 2008]. Анализ способностей к восприятию различных политических текстов приведен в исследованиях Р.Д. Андерсона [Anderson 1997]. Семантическим преобразованиям общественно-политической лексики посвящены работы Й.-М. Беккера [Becker 2001] и Э. Уолкера [Walker 2003].

Обращаясь к истории российской прессы, следует упомянуть о традициях советской публицистики. Индийский журналист Д.С. Мехта среди основных особенностей советской прессы отмечает её общественный, некоммерческий и независимый от частных лиц характер. По его мнению, язык советской публицистики носит нейтральный и объективный тон, газетные тексты обладают высокой информативностью и содержат минимум критики. Он также отмечает тот факт, что советская пресса являлась важнейшим инструментом пропаганды, оказывая влияние на массы [4].

В настоящее время язык современных российских газет постепенно трансформируется из языка советского типа в язык западного типа. Данный процесс, по мнению Дж. Данна, происходит как на лингвистическом, так и на социокогнитивном уровне и проявляется, прежде всего, в стилистической либерализации, которая заключается в использовании большого количества американизмов, жаргонизмов, просторечных элементов, а также авторской трансформации интертекстуальных элементов [5].

Рассмотрим данные явления подробнее.

В газетных текстах широко используются элементы разговорного стиля, в т.ч. просторечия. Например, подобные заголовки были представлены в газете «Комсомольская правда»: *Батяка отправил Бакиева на завод* (www.kp.ru/daily/25620/788080/), *Оппозиция «прогуляла» свою же акцию* (www.kp.ru/daily/politics/4/), *Визит Степашина в Абхазию: «Дядя, вы из России? Дай денежку!»* (www.kp.ru/daily/politics/6/), *Первый визит Хиллари Клинтон в Йемен вышел не ахти* (www.kp.ru/daily/politics/6/).

Иногда элементы разговорного стиля в своей речи используют высокопоставленные чиновники для облегчения общения с целевой аудиторией. Например, в газете «Аргументы и факты» приводится следующий фрагмент речи А.Г. Лукашенко: *Слава богу, что меня президентом избрали. Мы многое, что я изучал до президентства, притащили из Китая сюда и сделали лучше, чем у них* (www.aif.ru/politic/article/27754).

Эта же газета печатает цитату В. В. Путина: *Мы не будем замыкаться в скорлупе и что-то там про себя кумекать* (www.aif.ru/politic/3).

В современных газетных текстах можно встретить сознательное искажение правильной речи. Например, заголовок статьи, посвященной иммигрантам, плохо говорящим по-русски, звучит как: «*Моя твоя не понимать*» (www.rosbalt.ru/2010/12/03/). Искажение правильной речи в заголовке раскрывает основную суть статьи.

Сознательные отклонения от нормы широко применяются в прессе, для достижения определенной экспрессии, яркости и привлекательности текста. Так, в прессе часто можно встретить примеры разрушения фразеологизмов, паремий и устойчивых словосочетаний: «*Гэллопом по Европам*» (2004.novayagazeta.ru/pomer/2004/33n). (В выражении «галопом по Европам» элемента «галоп» заменяется элементом «Гэллап»); «*Что посеет, то и пожмём*» (вместо элемента «пожмём» использован элемент «пожмём») (www.rg.ru/2009/07/08/obama.html).

Необходимо отметить тот факт, что именно в современных текстах часто появляются различного рода неологизмы, используемые для обозначения новых понятий. Например: *Мода берет свое, и даже военную форму теперь делают известные модельеры, так почему бы еще не добавить гламура в главный фетиш государства?* (perm.mk.ru/article/2012/04). В настоящем примере понятие «гламур» означает стиль жизни, связанный с роскошью.

Широкое распространение в современной прессе получили окказионализмы, что, безусловно, представляет интерес для лингвистических исследований. Например, в современной российской прессе последних лет часто фигурирует окказионализм «тандемократия», означающий негласный союз российского президента и премьер-министра: *Дмитрий Медведев еще только вступил в должность президента и Россия начала жить при «тандемократии»* (www.vedomosti.ru/newspaper/article/260271/kreml).

В последнее время в российских газетных текстах всё чаще можно встретить иностранные слова и латинскую графику. Например: *Memento Moore* (www.mk.ru/culture/article). В статье под данным заголовком сообщается о смерти известного музыканта Гэри Мура.

Для англоязычной публицистики свойственно упрощение лексико-грамматических структур, отступление от общепринятых норм. Так, например, в современной англоязычной прессе часто имеет место явление семантической свертки: Например: *When*

smoking became a pack-a-day habit, I put my mind to it (www.health.com/health/condition). («Когда курение превратилось в привычку выкуривать пачку в день, я задумался над этой проблемой»). Выражение «a pack-a-day habit» существует благодаря таким словообразовательным возможностям английского языка, как конверсия и словосложение.

Весьма часто в англоязычных газетах используется сленг и элементы разговорного стиля. Например: *Everyone needs to cool down about the new iPad's heat* (www.bbc.co.uk/news/uk-wales). «Всем нужно остыть от накала страстей, возникших вокруг нового Айпада». В данном примере использованы разговорные выражения «to cool down» (остыть, успокоиться) «heat» (накал страстей, возбуждение).

Лексической экономии способствуют графические окказионализмы, весьма популярные в современной англоязычной прессе. Например: *You need thairapy!* (www.thesun.co.uk/sol). «Вам необходима терапия для волос» Данный графический окказионализм построен при помощи слияния лексем «hair» (волосы) и «therapy» (терапия).

Признавая факт, что именно средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование языка и его норм, современные лингвисты весьма двояко относятся к нарушению языковой нормы в прессе. Некоторые специалисты негативно относятся к чрезмерным иноязычным заимствованиям, обилию жаргонной лексики и прочему нарушению нормативности речи в СМИ, призывая сохранять чистоту родного языка.

Так, например, Н.А. Христова в своей диссертации говорит, прежде всего, о негативном влиянии, которое оказывает нарушение языковой нормы в текстах СМИ на познавательные процессы и базовые ценности индивида, также она подчеркивает негативный характер чрезмерных заимствований англоязычной лексики [6].

Однако согласно мнению Ю. Н. Караулова, язык может существовать только при условиях постоянной эволюции, иначе он умирает. Изменения, происходящие в языке, естественны и связаны с развитием новых сфер его применения (политики, юриспруденции, компьютерных технологий, рыночных отношений). Разговорную речь Ю.Н. Караулов называет эффективным источником обновления языка. Также значимым источником пополнения словарного запаса и развития языка, на его взгляд, являются процессы заимствования иностранных слов. Но, вместе с тем, Ю.Н. Караулов отмечает не только положительные результаты данных процессов. Он считает, что массовое отступление от литературных норм приводит к существенным искажениям системного, культурно-речевого и этического порядка [7].

Если ранее большое внимание уделялось исследованию и культивированию литературного языка, пропаганде четкого соблюдения языковых норм и этики общения, то на сегодняшний день всё больший интерес для науки представляет исследование аномалий, то есть

различного рода отклонений от нормы. Это обусловлено тем, что процесс функционирования и развития языка невозможен без наличия в нем аномалий. Язык претерпевает постоянные изменения, и всё новое, что возникает

в языке, первоначально воспринимается его носителями как аномалия. Также авторы часто сознательно отступают от литературной нормы с определенной прагматической целью.

Литература:

1. Солганик, Г. Я. Творцы литературной нормы [Электронный ресурс]/Г. Я. Солганик // Новосибирский областной фонд сохранения и развития русского языка. — 2010. — Режим доступа: www.rodnoe-slovo.org/node/366
2. Солганик, Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990–1994)/Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. — М., 1996. — с. 13–25.
3. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики/В. В. Виноградов. — М.: 1981. — 320 с.
4. Mehta, D. S. Mass Media in the USSR/D. S. Mehta. — Moscow: Progress Publishers, 1987. — 111 p.
5. Dunn, J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type/J. Dunn // Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies. — Warsaw, 1995. Basingstoke: Macmillan Press, 1999. — P. 49–58.
6. Христова, Н. А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ: влияние на познавательные структуры индивида: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19/Наталья Алексеевна Христова. — М., 2006. — 206 с.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность/Ю. Н. Караулов. — М.: КомКнига, 2006. — 264 с.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Компенсация и конкретизация как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки

Пархомик Владимир Владимирович, магистр филологических наук, аспирант
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (Республика Беларусь, г. Минск)

Термин «фразеология» употребляется для обозначения приемов словесного выражения, характерных для определенного лица, направления, времени. К этому можно добавить еще образно — бытовое употребление слова «фразеология» для наименования набора бессодержательных фраз, пустословия. Таким образом, понятие «фразеология» сохраняет в значительной мере тот уровень знания, когда языковеды обращали основное внимание не на структуру фразеологических оборотов, а на их образность, внутреннюю форму, когда решающим критерием для определения объема фразеологии служила традиционная повторяемость образных средств языка, а не системный характер их организации [9, с. 11].

В современном языкознании важное место выделяется вопросам перевода или переводоведения. Важное место уделяется исследованию лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью» и изучению перевода как лингвистического явления.

«Круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, публицистика, научные и научно — популярные книги из различных областей знания, дипломатические документы, деловые бумаги, статьи и выступления политических деятелей, речи ораторов, газетная информация, беседы лиц, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи устного посредника — «толмача», дублируются кинофильмы» [10, с. 13].

Фразеологизмы разных языков сегодня являются востребованными объектами современных антропоцентрических исследований. Перевод фразеологизмов представляет собой непростую задачу, потому что очень часто фразеология содержит особенность несоответствия плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, придает гибкость и глубину ее значению.

Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью переводов контекстов с ФЕ невербального поведения человека, выбранных из сказок

братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки.

Цель исследования — проанализировать переводы контекстов с ФЕ, выражающих невербальное поведение человека с немецкого языка на русский и белорусский языки, осуществлённые такими трансформационными способами, как компенсация и конкретизация.

Средством достижения эквивалентности перевода служат переводческие трансформации. Л. С. Бархударов выделил четыре типа трансформаций:

- перестановки
- замены
- опущения
- добавления

Перевод фразеологизмов зачастую вызывают затруднения, т.к. «основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте. Фразеологическим единицам так же, как и словам, свойственна многозначность и омонимия» [6, с. 25].

Всегда возникал вопрос, что значит *эквивалентность* перевода, какое содержание она имеет, поэтому этот вопрос является основной проблемой для теории и практики перевода. В настоящее время определяют по-разному понятие «эквивалентность перевода», существует множество взглядов на данную проблему.

В. Н. Комиссаров указывает, что важнейшая задача теории перевода заключается в выявлении языковых и экстралингвистических факторов, которые делают возможным отождествление содержания сообщений на разных языках. Эквивалентность перевода, по его мнению, — это общность содержания (смысловая близость) текстов оригинала и перевода. Чтобы установить отношения между содержанием оригинала и перевода, нужно выделить максимально возможную смысловую близость разноязычных текстов, а также определить минимальную близость к оригиналу, при которой данный текст может быть признан эквивалентным переводом.

В. Н. Комиссаров считает, что «полностью или частично эквивалентные единицы и потенциально равно-

ценные высказывания объективно существуют в ИЯ и ПЯ, однако их правильная оценка, отбор и использование зависят от знаний, умений и творческих способностей переводчика, от его умения учитывать и сопоставлять всю совокупность языковых и экстралингвистических факторов». Переводчик должен решить сложную задачу во время перевода: найти и правильно использовать необходимые элементы системы эквивалентных единиц, на основе которой создаются коммуникативно равноценные высказывания в двух языках и которая, по мнению В.Н. Комиссарова, не дана непосредственно, а обнаруживается лишь в ходе теоретического исследования при сопоставлении множества оригиналов с их переводами.

В.Н. Комиссаров выделил 5 уровней эквивалентности перевода:

- 1) Прагматический;
- 2) Ситуационный;
- 3) Семантический;
- 4) Грамматический (трансформационный);
- 5) Лексико-грамматический.

Согласно В.Н. Комиссарову «всякий текст коммуникативен, содержит некоторое сообщение, передаваемое от Источника к Рецептору, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извлечены из сообщения Рецептором, поняты им». Воспринимая полученную информацию, Рецептор тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые прагматическими отношениями» [5, с. 209].

Основоположниками немецкого языкознания XIX века были братья Якоб и Вильгельм Гримм, издавшие Немецкий словарь, который был закончен в 1960 году. Братья Гримм создали ряд других научных работ в области грамматики языка. Братья Гримм стояли у истоков немецкой фразеологии, т.к. они были знаменитыми путешественниками, и, путешествуя, Братья Гримм начали вести регулярные записи сказок с 1807 года, во время своего путешествия по Гессену, затем продолжили в Вестфалии. Они много слышали народных выражений, устойчивых фраз, которые затем были отражены в словаре.

Компенсация — выбор, введение идиомы подобной тональности в случае отсутствия возможности перевести идиоматично отрезок высказывания. Компенсация как способ перевода, применяется тогда, когда некоторые смысловые элементы и стилистические особенности невозможно передать достоверно. Чтобы не утратить значение полностью, в тексте перевода используются элементы другого порядка. При этом применяться они могут вовсе не в том самом месте, где они присутствуют в оригинале [11].

1) нем. *Dem Mann fiels schwer aufs Herz und er dachte 'es wäre besser, daß du den letzten Bissen mit deinen Kindern theiltest.'* Aber die Frau hörte auf nichts, was er sagte, schalt ihn und machte ihm Vorwürfe. *Wer A sagt muß auch B sagen, und weil er das erste Mal nachgegeben hatte, so mußte er es auch zum zweiten Mal.* («Hänsel und Gretel»)/рус. **Тяжко стало на сердце**

у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. **И вот — плохое начало не к доброму концу**, — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться. (Гензель и Гретель)/бел. *Защымела, забалела дрывасекава сэрца, і ён падумаў: «Ужо лепей мне апошняй крошчай з дзецьмі падзяліцца». Але жонка і чуць пра тое не хоча, пачала яго лаяць і папікаць. І вось — як пагана пачнеш, дык добра не скончыш*, — саступіў ён раз, давялося яму і цяпер саступіць (Гензель і Грэтэль). Приём компенсации применён при переводе следующего выражения *Wer A sagt muß auch B sagen*. Значение данная немецкая ФЕ имеет 'кто сказал А, тот должен сказать и Б или взялся за гуж, не говори, что не дюж'. Русский переводчик перевёл это предложение таким выражением: 'И вот — плохое начало не к доброму концу', а белорусский — *І вось — як пагана пачнеш, дык добра не скончыш*.

Грамматическую замену ещё применил белорусский переводчик: *защымела, забалела дрывасекава сэрца*, преобразовав безличное предложение в полное предложение.

2) нем. *Sie zogen weiter und fanden einen Mann, der lag mitten im heißen Sonnenschein und zitterte und fror am ganzen Leibe, so dass ihm kein Glied stillstand* (Die sechs Diener)/рус. *Отправились они дальше и нашли по дороге человека, — тот лежал на самом солнцепеке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал* (Шестеро слуг)/бел. *Пайшлі яны далей усе разам. Ды раптам знайшлі на дарозе новага чалавека. Ён ляжаў на самым сонцапёку і трываў. Яго калаціла так, што зуб на зуб не трапляў* (Шэсьць слуг). Здесь русский и белорусский переводчики ввели ФЕ *зуб на зуб не попадал*, *зуб на зуб не трапляў* для перевода контекста *ihm kein Glied stillstand* 'досл. у него ни один сустав стоял спокойно'.

Конкретизация — это замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно — логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением [12]. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ — входящее в неё видовое понятие.

3) нем. *Als Hänsel und Gretel in ihre Nähe kamen, da lachte sie boshaft und sprach höhnisch 'die habe ich, die sollen mir nicht wieder entwischen.'*/рус. *Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой: — Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!'/бел. Калі Гензель і Грэтэль падыходзілі да яе хаціны, яна злосна зарагатала і пацерла рукі з ухмылкаю: — Вось яны і мае! Цяпер ужо ім адгэтуль не ўцячы!* Приём конкретизации переводчики применили при переводе в предложении существительного *Nähe* (в широком смысле), которое дословно переводится близость: 'досл. *in ihre Nähe kamen*

проходили в её близи', конкретизировав подходящими словами — компонентами *избушка*, *хаціна*. Также этот приём применён для передачи в переводе смеха старушки: в оригинале стоит прилагательное *höhnisch* 'досл. насмешливый; язвительный', можно только предполагать и догадываться о эмоциях старушки, а в переводах эмоции уже

конкретизированы: в русском языке это *с усмешкой*, белорусский переводчик также применил такое же выражение конструкцию *з ухмылкаю*, но при этом добавил перед ней жестовую ФЕ *пацэрла рукі*, которая имеет значение 'быть в радости в преддверии наступления чего-либо'.

Литература:

1. Жуков, В. П. Русская фразеология. — М.: Высшая школа, 1986. — с. 221–242.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Издательство Союз, 2000. — с. 123.
3. Горденко, Н. В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык // Успехи современного естествознания. — 2008. — № 3 — стр. 77–78.
4. Дзенис, Н. И., Перевышина И. Р., Кошкарров В. А. Теория и практика перевода: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2007. — с. 324.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода. — М.: Высшая школа, 2004. — 253 с.
6. Кунин, А. В. Английская фразеология. — М.: Высшая школа, 1970. — с. 24.
7. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Международные отношения, 1974. — с. 149.
8. Семенов, А. Л. Современные информационные технологии и перевод. — М.: Академия Год, 2008. — с. 61.
9. Телия, В. Н. Что такое фразеология. — М.: Наука, 1966. — 86 с.
10. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 416 с.
11. <http://translations.web-3.ru/intro/equivalents/compensation/>
12. http://samlib.ru/l/laktina_n_w/transformacii.shtml

Особенности основных способов передачи ксенонимов Русской православной церкви в англоязычном публицистическом тексте

Паршина Татьяна Вячеславовна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Учёт особенностей основных способов передачи ксенонимов Русской православной церкви в англоязычном публицистическом тексте позволяет максимально точно и полно передать содержание понятий русской православной культуры.

Ключевые слова: ксенонимы Русской православной церкви, англоязычный публицистический текст, заимствование, калькирование, гибридные образования, трансплантаты.

В настоящее время, чтение англоязычных публицистических статей о русском православии обнаруживает несколько своеобразную манеру англоязычных авторов передавать понятия русской православной культуры. Под понятиями русской православной культуры будем понимать названия православных храмов, имена святых и церковных деятелей, названия движений и сект русского православия и т. д. (далее — понятия). Обратимся к следующим предложениям:

«Saint Nicholas' religious beliefs were responsible for his concern for the poor and would land him <...> in prison until the rule of Emperor Constantine in 306 A. D.» [Kile, «Nikolaos of Myra»];

«The North and South aspects of the Iconostasis is divided by central double doors known as the «Royal Doors»

or «Holy Doors» [Holden, «Do Orthodox Christians worship icons?»]

«After several minutes Bishop Nektary came out of the altar through the north deacon's door» [Hudanish, «Two ROCOR Bishops and the Russian Old Believers in Oregon»].

Так, Николай Чудотворец предстаёт Святым Николасом (Saint Nicholas), Царские Врата названы Королевскими/Святыми Дверьми (the Royal/Holy Doors), а алтарём называется стол для принесения евхаристической Жертвы, то есть престол. Однако, в русской православной культуре термин алтарь закрепился не за самим престолом, а за той частью храма, где находится престол и которая называется также алтарным пространством.

Из приведённых предложений становится ясно, что англоязычные авторы, к сожалению, недостаточно точно пе-

редают содержание понятий Русской православной церкви (далее — РПЦ) на английский язык. Однако, при написании англоязычных публицистических статей о русском православии, крайне важно учитывать тот факт, что каждая из ветвей христианства имеет своё неповторимое конфессиональное своеобразие.

Таким образом, возникает потребность проанализировать применяемые способы передачи ксенонимов РПЦ в англоязычном публицистическом тексте (далее — способы) и показать характерные особенности каждого из них. В свою очередь, на основании рассмотренных особенностей, можно определить наиболее продуктивный способ передачи ксенонимов РПЦ в англоязычном публицистическом тексте.

В качестве теоретической базы в данной статье используется теория использования английского языка в ориентации на русскую культуру В.В. Кабакчи. Нас будет интересовать конкретная область русской культуры — культура РПЦ. Согласно данной теории языковые единицы, закреплённые за лексикой РПЦ в английском языке, называются ксенонимами РПЦ [2, с. 13]. Например, *Optina Pustyn*, *Old Believer*, *Alexander Nevsky Lavra*, *kulich* — ксенонимы русской православной культуры в английском языке.

Анализ способов проведен на аутентичных публицистических статьях, написанных англоязычными специалистами по русскому православию. Данные тексты позволяют наиболее полно проанализировать особенности основных способов.

Рассмотрим основные способы: заимствование, калькирование и гибридные образования.

Способ заимствование. Заимствование представляет собой передачу графическо-фонетического обозначения исходной языковой единицы посредством букв переводящего языка. Способ заимствования используется для передачи названий храмов, религиозных движений русского православия, богослужебной лексики, церковного искусства, в частности литературы, внутреннего устройства храма, священнослужителей и церковной иерархии, народно-религиозных традиций, например:

«Someone suggested I attend a *panikhida* that very evening before vigil at the tomb of Archbishop John Maximovich in the crypt chapel beneath the cathedral» [Hudanish, «Two ROCOR Bishops and the Russian Old Believers in Oregon»].

В данном предложении автор ввёл в текст ксеноним «*panikhida*» посредством заимствования, которое обеспечивает высокую точность передачи ксенонима. Контекст предложения дополнительно помогает понять, что это заупокойная служба на могиле архиепископа Джона Максимовича. Ксеноним «*panikhida*» имеет графическое выделение, что сигнализирует о его новизне для читателя. Английское имя John в сочетании с отчеством Maximovich, дополнительно подтверждает, что речь идёт о РПЦ заграничье.

Введение в текст заимствованных ксенонимов несомненно повышает точность описания, однако эта точ-

ность достигается ценой доступности: чем больше в тексте ксенонимов-заимствований, тем труднее он становится для восприятия.

Разновидностью способа заимствования является применение трансплантатов. Использование трансплантатов подразумевает перенос ксенонима РПЦ в англоязычный публицистический текст без каких-либо преобразований, например:

«So newly coined words like *единосущность* (oneness in essence) and *богородица* (Theotokos) had no more meaning to unlettered, 9th-century Slavs in Great Moravia than did their counterparts in Greek» [Hudanish, «The Russian Old Believer Schism»].

Каждый ксеноним-трансплантат сопровождается пояснением в параллельном подключении. Первый ксеноним поясняется описательным оборотом «oneness in essence», второй — калькой с греческого «Theotokos». Использование ксенонимов-трансплантатов указывает на то, что текст нацелен преимущественно на узкую аудиторию специалистов русского православия, которые с большой вероятностью владеют русским языком. В таком случае, действительно, самый короткий путь к пониманию обеспечивает заимствование-трансплантат. Однако пояснение всё равно необходимо для вовлечения в круг читателей более широкой аудитории.

Способ калькирование. В процессе калькирования происходит передача иноязычных реалий при помощи замены ее составных частей их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке [1, с. 97–102].

Кальки используются для передачи названий религиозных движений русского православия, названий храмов:

«...but the two-fingered sign of the Cross became the standard Russian practice after 1552 when the Council of the One Hundred Chapters (*Стоглав*) in Moscow proclaimed this to be the only Orthodox way to cross oneself» [Hudanish, «Two ROCOR bishops and the Russian Old Believers in Oregon»].

Автор вводит кальку «the One Hundred Chapters» в качестве основного ксенонима, а в качестве пояснения используется ксеноним-трансплантат «*Стоглав*».

Калька обеспечивает доступность ксенонима, а трансплантат — точность. Стоит отметить, что функцию идентификации обеспечивают оба варианта ксенонима — и традиционная уже для передачи калька «the One Hundred Chapters» и трансплантат «*Стоглав*». Графическое выделение ксенонима-трансплантата свидетельствует о его неосвоенности англоязычной аудиторией.

Несмотря на то, что калька понятна, легко воспроизводима, она представляет собой менее точный способ передачи ксенонима по сравнению с заимствованием, что говорит о том, что «не все кальки являются удачными в качестве переводческих соответствий» [3, с. 169].

Способ гибридные образования. Гибридные образования представляют собой смешанные образования, которые занимают промежуточное положение между заимствованиями и кальками. Они удобны для читателей,

поскольку заимствованный элемент обеспечивает точность номинации, а переводной — доступность. Гибриды используются для передачи названий церковного искусства, в частности иконописи, богослужебной лексики. Например:

«The *obednitsa* service is essentially the Liturgy of the Word, which includes psalms...» [Hudanish, «Two ROCOR Bishops and the Russian Old Believers in Oregon»].

Гибрид «*obednitsa* service» состоит из заимствования «*obednitsa*» и кальки «*service*». Заимствованный элемент обеспечивает точность, в то время как калька обеспечивает его доступность. При этом гибридная номинация, как мы видим, не стирает конфессионального своеобразия РПЦ, что важно для религиозной сферы деятельности. Ксеноним выделен курсивом, что говорит о неосвоенности данного ксенонима англоязычной аудиторией. Следует отметить, что калька «*service*» используется в качестве ономастического классификатора и относит заимствование к определённому классу имен собственных.

Гибридные образования являются частотным способом формирования ксенонимов-названий икон:

«The All-Night Vigil and Divine Liturgy were served with amazing beauty and compunction, and the Wonderworking Kursk Root Icon was present, as always, during special celebrations» [Woerl, «600th anniversary of the repose of Saint Sergius of Radonezh at the Saint Sergius Cathedral in Parma (Cleveland), Ohio 1992», Jordanville]. В данном случае

для наименования Курской Коренной иконы Божией Матери автор использует именно гибридное образование, состоящее из заимствованного элемента «Kursk» и калек «Wonderworking» и «Root».

Проведённый анализ позволяет показать следующие особенности основных способов:

— особенностью ксенонимов-заимствований является то, что они обеспечивают высокую точность передаваемого ксенонима, однако, именно из-за высокой точности снижается его доступность;

— особенностью ксенонимов-калек является то, что они обеспечивают высокую доступность, понятность и лёгкость воспроизведения с одной стороны, но снижают точность ксенонима с другой стороны;

— особенностью ксенонимов-гибридов является то, что наличие в гибриде заимствованного компонента затрудняет его использование в среде неспециалистов, а калькированный элемент снижает точность ксенонима и, тем самым, создаёт трудности для его понимания.

Важно отметить, что наиболее продуктивным способом является заимствование.

Таким образом, знание основных способов передачи ксенонимов РПЦ, особенностей способов и умелое их применение позволяет качественно, точно и полно передать содержание понятий русской православной культуры при создании англоязычных публицистических текстов.

Литература:

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Международ. отношения», 1975. — 240 с.
2. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ имени А. И. Герцена, 1998. — 231 с.
3. Латышев, Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 320 с.
4. Holden, T., «Do Orthodox Christians worship icons?», Orthodoxchristian.info, [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthodoxchristian.info/pages/Holy_Icons.htm (дата обращения: 27.04.2015)
5. Hudanish, J., «Two ROCOR bishops and the Russian Old Believers in Oregon», 27.02.2015, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rocorstudies.org/articles/2015/02/27/with-the-russian-old-believers-in-oregon/> (дата обращения: 17.03.2015)
6. Hudanish, J., «The Russian Old Believer Schism», 27.02.2015, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rocorstudies.org/articles/2015/02/27/with-the-russian-old-believers-in-oregon/> — 6 р. (дата обращения: 17.03.2015)
7. Kile, J., «Nikolaos of Myra», 11.01.2014, [Электронный ресурс]. URL: <http://moralheroes.org/nikolaos-of-myra> (дата обращения: 08.12.2014)
8. Woerl, M., «600th anniversary of the repose of Saint Sergius of Radonezh at the Saint Sergius Cathedral in Parma (Cleveland), Ohio 1992», Jordanville, NY, 10.10. 2014, — 4 р.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

III Международная научная конференция

Казань, октябрь 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.10.2015. Формат 60х90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,15. Уч.-изд. л. 7,54. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательства «Бук»

420029, г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4